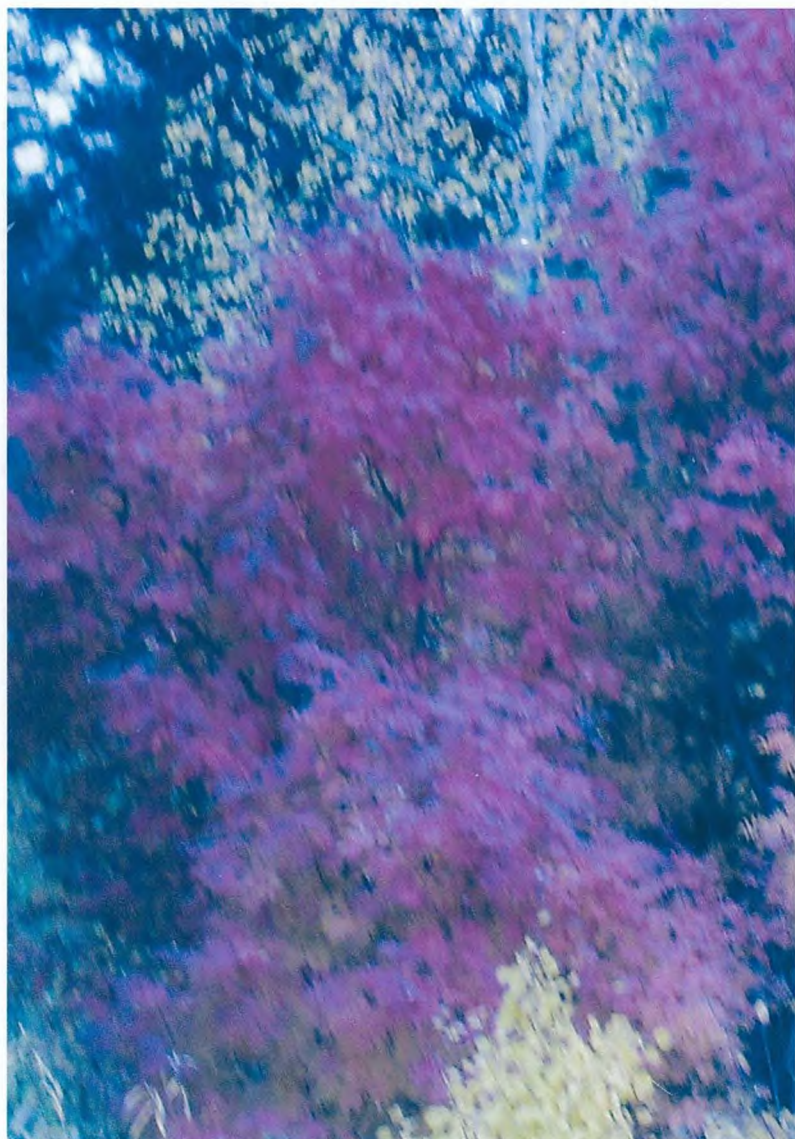

ЛЮБОВЬ СОКОЛ
НЕ ТРОНЬ СУДЬБУ

Не тронь судьбу чужую
И свою не погань,
Я прошу, голосую:
Не пересекай ту грань
Где вечность сходится с судьбой,
Будь в ладу с людьми,
Будь в ладу с собой.

Любовь Сокол

ЛЮБОВЬ СОКОЛ
НЕ ТРОНЬ СУДЬБУ

роман

Салым. 2018г.

История рождения этого романа уходит в прошлое. Сначала это была повесть - она написана на Урале, в моём родном городе Усть-Катаве в начале 90-х. Здесь, на Севере, куда я переехала в конце 97 года, чуть подработана и в 2004 году вышла в свет под именем «Мой Женька».

Но всё это время повесть тянула к себе, не давала покоя. Будто что-то недоделано, будто что-то не так.

А тут и читатели помогли, сначала один, потом второй. Так и сказали: «Хорошая повесть, но будто не закончена».

И как же мне стало легко. Я поняла, что меня тянуло. Надо расширить повествование, ярче расписать героев и события. Что я и сделала. Вроде всё стало на место. Вот так.

Автор

Любовь Сокол (Любовь Неряхина), член Союза российских писателей. с.п. Салым, Нефтеюганский район, ХМАО – ЮГРА.

СОДЕРЖАНИЕ:

Не тронь судьбу - первая книга.....	3
Не тронь судьбу – вторая книга.....	79

Издатель: Любовь Сокол (Любовь Неряхина)–
«Самиздат», 2018г, 166 страниц, бумага офисная,
обложка простая.

Охраняется законом об авторском и смежных правах от
09.06. 90г. №5351 -1 в редакции Федерального закона
от 16. 05. 95г.

ПЕРВАЯ КНИГА

Любовь, любовь. Сколько песен о тебе, сколько стихов! А всё тебе мало. Ненасытна ты, любовь, но не твоя в том вина – мы сами тебя сделали такой. Да, мы сами, а нас вон сколько, и нет ни одного, считай, кого не коснулась ты своим крылом. Одному ты в радость, другому боль одна от тебя. Но спроси его: отказался бы ты от такой любви? Он, верно бы, ответил: «О, нет, пусть с болью, пусть страдаю я, но, нет и нет! – без любви я не человек». И он прав – без любви человек пустой, пуста душа его, глухо сердце, ни радости, ни боли не чувствует оно.

Жаль людей, не испытавших любви. Только она в полной мере открывает человека, высвечивает возможности его, ведь когда человек любит – он может всё. Лиши его любви – зачахнет человек. Что цветок без света, то и человек без любви – жить не может.

Да, страшная это штука, любовь. Большая сила в ней.

Задумалась я об этом, и тут на память пали эти двое. Может, потому, что как раз подходили к думам моим, к моему понятию о любви.

И у них была любовь. Много радости она им дала, но много и помучила. Но не оскудела от этого любовь, только боли добавила, тоски плеснула в сердца. Многое пришлось испытать им, через многое перешагнуть, и не просто перешагнуть – каждый шаг был болезненным, с болью, с кровью рвалось то, что оставалось позади. Но и не сделать эти шаги они не могли – любовь их звала, всесильная любовь.

Так давайте же вместе прикоснёмся к этой любви, ощутим её сердцем своим. А там уж будем решать – верно ли поступили наши герои.

Все звали её Галя. И он звал её так, но чаще с его уст слетало: «Галинка!» А он для всех, и даже для неё был Женя. И опять же, не всегда называла она его так, иногда просто Женька, это имя ей казалось мягче, нежнее. Никто больше не мог так произнести это имя, и оттого оно казалось ему лучше всех, так же как сказанное им «Галинка» сладко отзывалось в сердце её.

Они любили друг друга, их любовь была чиста и светла, счастье было написано на их лицах. А тот день был самым ярким, самым счастливым. Они только встретились, а он уже хочет увести её подальше от людей. Страшно соскучился: обнять, поцеловать. А она не даёт, её просто распирает от слов, что она должна ему сказать.

И всё же сдалась - без людей легче будет сказать эти слова. Да и ни к чему им сегодня народ, он просто помешает им. И вот они в конце парка, деревья со всех сторон, и ни одной души.

Она вся подалась к нему, глаза лучисты, ясный блеск в них, загадка.

- Родной мой!

- Боже, как же я соскучился! – Уже успел поцеловать, но этого мало, мало, мало!

- Нет, Женя, нет! Подожди! Мне надо тебе что-то сказать! – И почти шёпотом.- Женька, у нас будет ребёнок...

- Что?! - Женя вздрогнул, глаза его смотрят в неё, смятение в них, испуг. - Что ты сказала?

- У нас будет ребёнок! Слышишь? – Слёзы в

в глазах любимой, голос дрожит.

Боже! Какая минута! Какие слова! Горит душа Женьки, ярким пламенем горит, не может он совладать с собой, слёзы градом из глаз. Схватил Галю за руки, выше локтей, прямо в глаза глядит. Но этого мало. Запрокидывает голову к небу и кричит:

- Боже, какая радость! Какая радость! – В волненье закрывает глаза.- Галинка! Галинка моя! Нет, я не верю! Не могу поверить!- Опускает взор - в неё этот взор, в сердце само.- Нет, это правда? Я не верю!

Но как хорошо Гале. Они обогреты, с первой минуты обогреты. С таким отцом ничего не страшно.

- Правда, родной. Теперь я уже не сомневаюсь.

- Стой здесь! - Евгений срывается с места. - Я сейчас! – Как медведь продирается сквозь кусты, и ревет, как медведь, просто не может не реветь, радость распирает грудь, сердцу тесно в груди.

И вот он перед нею – большой, всклокоченный, щёки поцарапаны. Мальчишка! Какой ещё ты мальчишка! Подаёт ей охапку цветов. Тут всё: и мальвы, и анютины глазки, и тигровые лилии, ещё что-то, а ещё много травы всех сортов - торопился, где уж тут выбирать!

А она цветёт, а сердце тает от любви.

- Дурачок! Ведь оштрафуют!- А сама рада, уж так рада. Это же не простые цветы, это благодарность за прекрасную весть, это и признание материнства. Бережно прижимает цветы к груди, ласково вздыхает.

А Женька ликует, горит, огнём пышат глаза.

- Пусть оштрафуют! Даже хорошо, за такую весть можно и оштрафовать... - Вздохнул- глубоко, шумно. - За такую весть даже в карцер можно!

- Настоящий дурачок! Причём тут карцер, а? Причём?!

- А вот притом! – Схватил Галину за руки, волнуется, уж так волнуется душа. - Притом, что если сейчас меня не заберут, я на весь мир буду кричать о своём счастье! Уже начинаю кричать! У нас...

Галя испугалась.

- Не надо, Женя, прошу! Это только наше...

Слышишь?

- Слышу, слышу! – Улыбка цветёт на лице, во всё лицо улыбка. – А поцеловать можно? – И уже тянется к ней, к её губам.

Той же улыбкой цветёт лицо Галины.

- Можно. Ибо ты не отстанешь.

А Женька рад, Прижал, целует, ещё и ещё.

- Да, теперь я точно от тебя не отстану.

А она озорует. Вырывается, хохочет.

- Теперь?! – Отстраняется на миг, заглядывает в глаза. - Выходит, если б не моя беременность, всего можно было бы ожидать, да?

- Глупенькая моя! – Нежность в голосе Жени, ласку дарят глаза. - Просто нас теперь трое, за троих я в ответе, вот что. – Улыбнулся, вздохнул. - Какие вы, женщины, беспокойные! Всё-то не доверяете нам, всего-то боитесь. А если разобраться, мы больше боимся вас, ей Богу! Ведь вы такое можете учудить! Вот и я уже боюсь тебя. Вдруг да исчезнешь или передумаешь, что я буду делать без вас? Нет, теперь я ещё больше буду тебя любить и холить. Хотя, куда уж больше, итак уже помешался, а теперь, после твоих слов, так вообще, кажется, свихнусь. – Помолчал немного, но слова просились, ими полна душа, не может она молчать, ими полно сердце, из него просятся слова. - Ты просто сразила меня. Лучшего подарка для меня нет! Я весь в твоей власти! Слышишь?

Озноб прошёл по телу Галины.

- А вот этого не надо! Боюсь я этих слов. Больше так не говори!

- Что ты? Чего ты так испугалась?

- Не знаю. – Теснее прижалась, отчего-то страшно, а отчего, не поймёт. - Что-то враз стало неважно. Тяжко в груди. Домой надо.

Вот тебе и радость! Вот тебе и счастье!

- Как это домой? Мы ещё не договорили. Хотя бы насчёт родителей – им-то можно об этом сказать? Или тоже нет?

Зарделись щёки Галины. Страшно-то как! Но и отказать нельзя. Теперь они заодно, теперь уже не отмахнёшься. Со вздохом ответила.

- Можно. – И тут же. - Ой, как я боюсь! Что они подумают обо мне?

Он взял её руки. Прямо в глаза глядит.

- А им не надо думать. Им надо готовиться к свадьбе. И чем скорее, тем лучше.

- К свадьбе?! Так мы поженимся?

Евгений улыбнулся.

- Дурочка моя! Как же иначе? - Вздохнул, ещё крепче сжал её руки, теперь выше локтей. - Я как раз сегодня хотел сделать тебе предложение.

- Ой! – охнула Галина. - Выходит, я поторопилась? - Как-то сникла вся, повяла.

И Евгений попытался исправить свою оплошность.

- Нет, просто предложение тебе сделано свыше. - Указал взглядом на небо. - Нас уже обвенчали там.

И Галина поверила – как не верить таким словам. Сладко вздохнула.

- Да, нас уже обвенчали там.

- Нам остаётся только зарегистрировать брак. Как и положено у людей. И мы – семья. Ты – моя жена.

- А ты - мой муж! – Прижимается к нему, ластится. - Боже, так быстро!

- Нет, не быстро. – Обнимает её, целует. - Мы с первого дня шли к этому.

- Да, мы с первого дня шли к этому.- А в глазах слёзы. Радостью плачут глаза.

И у Евгения в глазах слёзы. Слёзы любви.

- Галинка моя! Галинка! Как же я люблю тебя!
Как же я тебя люблю!

- И я!- Волнение в голосе Галины, срывается голос. - И я тебе люблю! С первого дня тебя люблю!

- А я с первой минуты.

- Всё! Больше не могу! Мне надо домой! Иначе я сейчас умру...- И Галя срывается и убегает, только крикнув уже из-за кустов. - Я люблю тебя, Женька!

А Евгений не может тронуться с места. Сел на скамейку. Он сразу заметил эту скамейку – в сторонке, за клумбой. Вдыхает, взгляд мечтателен.

«Нет, что она сказала... Не могу поверить... Ей - Богу, не могу... Ребёнок... у нас будет ребёнок. - Невозможно сидеть на месте. Встал, заходил взад – вперёд. Взволнованное сердце не даёт покоя, сладкие думы теснят грудь. Но вот остановился, поднял голову, в небо глядит. - Боже, как я счастлив! Как же я счастлив, Боже мой!»

Рывком опустил голову, взгляд устремился вдаль – туда ушла Галя. И опять сердце теснят тёплые слова: шепчутся, перекликаются в сердце, вздохами дышит грудь.

«Галинка! Галинка моя! Сколько ж радости ты мне дала! И сколько ещё дашь, родная!»

Только тут опомнился. Нет, что я торчу тут?

Когда надо домой, когда такая радость на сердце? Сры-
вается, бежит, радость переполняет сердце, поделиться
надо ею, скорее поделиться! Уж я обрадую родителей!
Уж я обрадую их! Только б не расплескать это счастье...
Только б не расплескать...

- Женя! – Он просто налетел на мать, она шла
навстречу. - Ты куда так бежишь? И такой взволнован-
ный.

- Ой, как хорошо, что я тебя увидел, мама! У меня
такая радость... я готов обнимать весь мир!

- Что случилось?

- Мама, нам с Галей надо срочно пожениться. У
нас будет ребёнок.

- О, Боже! О, Боже мой! Я так и знала... - Руки
матери задрожали, сразу стала немощной, старой, опу-
стила на землю сумку, нет сил, слёзы в глазах. - Я так и
знала...

Не того ждал Евгений, не этих слов ждал сын. Со-
противляется, не хочет слушать дальше.

- Мама, не надо так! Ты пугаешь меня. Мы взрос-
лые люди, мы отвечаем за свои поступки, мы...

Елена Сергеевна тронула сына за руку.

- Прости, сынок! Прости! – Улыбнулась - . Да, ты
прав, надо срочно играть свадьбу. - Помолчала, вздохну-
ла. - А поздравлять мы вас будем потом – и с тем, и с
этим.

А вот и вечер. Как долго Женя ждал его. Будто
вечность прошла, будто вечность стояла меж ними.
Опять парк (они любили этот парк, часто прогулива-
лись здесь). Опять Женя ждёт любимую, а она как все-
гда опаздывает чуть.

Но вот налетела (откуда она вышла, непонятно!),

в глазах ураган, и с ходу:

- Так хочу к бабушке в деревню! Страшно соскучилась!- улыбнулась, прижалась на миг. - Она у меня просто прелесть! Только живёт далеко.

А Евгению отчего-то страшно.

- Ты хочешь ехать? Сейчас?!

- Да. А что? Что случилось?

- Да нет, ничего. – Но страх не уходит, всё больше страха в груди, всё шире он. - Просто какая-то тревога... тоска в душе занялась...

И Галине передан страх, и ей уже страшно.

- Тоска?! Откуда она? Так разом? Нет, я не поеду!

Он так рад этим словам. Но и её жалко, она так соскучилась по своей бабушке, ей так хочется к ней. Вздохнул, улыбнулся, заглянул в глаза.

- Нет, нет, езжай! Это я так...Мне просто будет плохо без тебя.

- И мне! И мне, милый! – Порывисто вздохнула, и опять улыбкой цветёт, опять ластится. - Но я должна навестить бабушку. Перед столь важным событием, как наша свадьба, так хочется побыть с нею, наговориться... - Опять вздох ласковый. - Она такая умная у меня, а мне так страшно – беременность, свадьба, а это так радует и пугает.

- Вот и я боюсь, я просто боюсь.- Воодушевился. - Скорей бы свадьба! Там я уже буду отвечать за тебя. Там уже вместе будем решать, кому, когда и куда ехать. А сейчас езжай! Просто скажи, что всё будет хорошо.

- Глупенький! Конечно же, всё будет хорошо! - Глаза Галины сияют в предвкушении радости. Ластится, шепчет.- Вот приеду, загорелая, обласканная...

- И я тебя сразу съем! Такую загорелую да обласканную!

- Это точно! – Озорует чаровница, сводит с ума.- Просто чувствую, как ты набросишься на меня! Уж и сейчас страшно!

И пропал парень. Как устоять против этого очарования, против этих глаз? Схватил в охапку, целует, целует.

Но ей надо довести дело до конца.

- Ну, что, добро, да? Ваше величество отпускает меня?

- Моё величество на этот раз отпускает вас. Езжайте, отдохните. - И опять вздох. - Надеюсь, что в последний раз едешь без меня?

Галина не собирается сдавать своих позиций. Жалко его, но и себя надо пожалеть. Да и бабушка - вот что самое главное, потом будет не до неё, потом другие заботы, более ответственные, лягут на её плечи.

- Спасибо, Женька. Я знала, что ты согласишься со мной. Хотя я буду очень скучать.

- А я и сейчас уже скучаю. Ещё не уехала, а мне плохо. Но сейчас тебе надо. А потом... - Глаза - в её глаза. - Потом только вместе. Слышишь, Галинка моя? Только вместе!

Сладкий вздох был ему ответом. А вот и слова:

- Сумасшедший мой! Ну, я побегу! Пока! Надо собираться! Скорее уеду- скорее приеду!

- Беги, не то не отпущу! Зацелую!

- Точно, сумасшедший!

- Что-то ты сегодня рано, сынок?

- Так надо, мама. - Мечтательно улыбнулся.-

Вот приедет Галя, и сыграем свадьбу.

- Приедет?! – Как это приедет? Откуда?

- Она к бабушке решила съездить – посплетничать.

А Елена Сергеевна уже вошла в роль свекрови. Напустила на себя строгость.

- Она решила! Тут надо скорей под венец, пока живот на лоб не полез, а она к бабушке, вот так. - Ещё больше волнуясь. - Надеюсь, у вас не слишком запущено? Может, и свадьбу-то уже не надо пока играть. Ну, после родов...

Евгений улыбнулся.

- Совсем не запущено. - Тронул мать за руку. - Галина только что поняла, что беременна и только сейчас сообщила мне об этом.

Елена Сергеевна облегчённо вздохнула.

- Ну, это ещё полбеды. - Улыбнулась. - Вот и ты, сынок, скоро будешь женатым человеком, а там... - Голос её дрогнул. - А там и отцом. Ну да ладно, успеем ещё наговориться. Всё-то мы успеем. - Будто вспомнив о чём-то, с улыбкой вздохнула. - Вот отец-то обрадуется: скоро будет дедом. Он давно мечтает об этом.

- Правда? - Радость на лице сына, восторг. - А я боялся отца. А он мечтает...

Елена Сергеевна куда-то собиралась. Уже к двери подошла, но тут остановилась, повернулась к сыну.

- Вы только начали встречаться, а он уже поёт: «Ладушки да ладушки, скоро будем бабушки! Скоро будем дедушки!» И просто сияет.

- Хорошо-то как! Мама, я невероятно счастлив! Я так люблю её!

- Вижу, вижу, сынок. Да и она тебя любит, если с такой радостью сообщила тебе эту новость. А что с радостью, тоже вижу. Мы, матери, всё видим.

Наконец Женя один. Как хорошо-то, привольно, радостно. Ему есть о чём подумать, ему есть о чём по-

размышлять. В душе одно, в думах одно, вернее, одна, - Галинка.

«Господи, что б я делал без неё? Чтоб я делал без этой женщины, Господи? Я б просто умер без неё! Я так её люблю! - Слезы в глазах, голос взволнован. - Всё на свете отдам, лишь бы она была со мной!

А вот и Галинка пред ним - радостная, солнечная.

- И я! И я, Женька мой! - Глядит в глаза – в её глазах слёзы.

Но почему судьба бывает так немилосердна? зачем наказывает нас? зачем бьёт, и так больно, что порой и не подняться? зачем коверкает нашу жизнь? И что это? – злой рок или предначертание Бога? Иль испытание, посланное свыше?

Рано радовались влюблённые, рано праздновала победу – в один миг судьба смела, растоптала то, что казалось незыблемым, непоколебимым.

Женя работал электриком в одном из цехов завода. В этот цех он приходил уже семь лет: два года практики от училища и пять лет уже полноправным рабочим. Он сроднился с цехом, с его людьми, можно сказать, сросся с ними. Работа его устраивала, и дальше в жизни в этом плане он менять ничего не хотел.

И это день был обычным, как все. Одно тревожило – с утра так муторно на душе – будто червь какой забрался туда и точит, точит грудь. И тоска, эта страшная тоска – откуда она?

Прошло полсмены. Люди стали расходиться: кто-то спешил домой – перекусить да проведать своих, кто-то – в столовую, а кто-то по своим углам – съесть свой обед да отдохнуть.

А Женя не торопился. Столовую он не больно

жаловал, домой идти тем более незачем, никто там его не ждёт. Так что он остался в своём цеху. Он ждал своего друга, Павла, тот работает в соседнем цеху, вот-вот подойдёт. Вместе пообедают, наговорятся. Ему есть чем поделиться с другом, у него для друга сногшибательная новость - он скоро станет отцом!

Уже примостился за одним из столов - покемарить, отдохнуть. Благо, в их конторке никого не было - кто-то ушёл обедать к жене, кто-то убежал к подружке.

Но что это? будто треск какой? Выскочил - запах, знакомый запах! Провода! горят провода!

Быстро пересёк цех, завернул за угол - там стоял электрощит. Так и есть - искры летели именно оттуда. Горит электрощит! А ток не отключен, напряжение - страшное. И никого рядом нет. Некогда думать, отчего загорелся щит - от одной мысли, что может сейчас произойти в цеху - ведь там ещё не знали об аварии - волосы встали дыбом. «Надо срочно выключить рубильник... надо срочно обесточить цех, иначе... даже страшно подумать, что может произойти», - мысль эта родилась мгновенно, а другая - «что станет со мной?» - только на миг проскользнула в мозгу и тут же потухла - была вытеснена иной, более объёмной мыслью: погибнет цех, погибнут люди. И он, преодолевая, заглушая свой страх, шагнул в огонь...

Женю увезли в областную клинику в безнадёжном состоянии. И ладно, видел Павел (он как раз входил в цех), как Женя шагнул к щиту, иначе б ему конец.

А Галя гостит у бабушки. Просто не могла обойти этого донельзя любимого человека - не терпелось поделиться своим счастьем, просто побыть с нею. Ред-

ко выпадала им такая радость. Бабушка жила далеко – пятьсот километров отделяли их, может, оттого так тянулись друг к другу, оттого так желанны и радостны были их встречи.

Как хорошо Гале тут! Приволье, благодать! Утром откроет окошко – черёмуха тянет ветки к ней, ласкается, гладит. А солнце – солнце-то – что огненный шар – большущее, яркое, горячее. Птицы поют, перекликаются петухи, люди, переговариваясь, спешат по своим делам. Главное же – покой, спокойствие души. Такого в городе нет – там шум, грохот, а тут – тишина, настоящая на травах, на шелесте листвы, напоенная чудными ароматами хлеба и кваса – тут отдыхает и полностью раскрепощается душа.

А бабушка? Это чудное чудо, смесь нежности и доброты – уже три дня купается Галя в лучах её улыбки, а купалась бы всегда – так хорошо, так несказанно хорошо ей с нею.

В то утро Галя как всегда поздоровалась сначала с бабушкой, хлопотавшей у плиты, потом – с солнышком, ласкающим её сквозь мягкий тюль, и побежала к реке – поздороваться с нею да искупаться в её тихой утренней воде – этим она тоже не могла обделиться себя.

И вот она идёт от речки – свежая, румяная, любясь свежим утром, кивая черёмухе, подставляя лицо ласковому солнышку. Век бы дышала этой красотой!

Вдруг резко остановилась. Отчего-то стало страшно. У ворот стояла мать, как видно, ждала её. Вновь пугается душа. Зачем она приехала? – ведь она не собиралась сюда. А мать будто манит её – зашла в ворота и даже закрыла за собою их. И совсем страшно – страшно заходить во двор, страшно даже подходить к воротам.

Всё же вошла. И вот.

- Доченька!- бросилась к ней мать и забилась, запричитала.- Доченька, горе-то какое у нас... горе...

- Что, мама? что?! – зашлось сердце, заслоняется, пытается спастись.

- Женька... Женька твой...

- Что Женька? Ну, говори же?

- Нет Женьки... Нет Женьки, доченька. Погиб он, погиб твой любезный друг...

- Нет! Нет! – Галина отшатнулась, в исступлении рванулась к бабушке, приникла к ней - она защитит, она заслонит от этих слов. - Бабушка! Ведь он жив? Ведь он жив, родная?

Не заслонила бабушка– только обняла, прижала крепко-крепко, и слёзы горячими каплями ей на лицо.

Плохо Гале. Сомлела вся – теснят грудь рыдания, а слёз нет - ещё не приняло сердце столь страшные слова, ещё боится, не верит им. Но вот открылась душа, отомкнула сердце, и жалобный вой оттуда: «О, нет! нет! нет!»- И забилась, заголосила горлинка, и тесно стало ей в руках – рвёт объятья – на волю, на воздух просится душа – тесно ей, задыхается она, нет ей воздуха, не хватает воздуха ей.

Мать порывалась к ней, но бабушка только рукой: ни-ни! и глазами: не надо! лишней боли не надо.

Но вот очнулась Галя.

- Я должна похоронить его.- И, ещё злее.- Я должна, слышите! – загорелась душа, боль плещется в глазах, слёзы кипят, горючие, жгучие...

Но мать остановила её.

- Нет, доченька, ты уже опоздала. Его похоронили вчера...

Не доходят эти слова до Гали. А когда дошли...

- Как вы могли?! Как вы только могли? – Страш-

но смотреть на неё – уже не лицо, одна боль, а глаза – нет, больно смотреть в них – тоска, смертная тоска в этих глазах. Но вот подняла взгляд – решимость в глазах, горят они, огонь в них, вызов. – Нет, я поеду! Я всё равно поеду!

- Поедешь, поедешь, ластовица моя.- Теперь бабушка уже могла говорить, да и надо успокоить хоть на миг, хоть на час внученьку свою, а там будет видно, там что Бог даст. Всё сильнее прижимает внучку к себе, похлопывает по спине да приговаривает.- Конечно, поедешь, конечно, родная моя...

Чуть успокоилась Галя, хоть на миг, хоть на часть мига - порой и мига достаточно, чтоб перевести дух, чтоб настроить себя на новую, более светлую волну. Нет, опять всхлипывает, дрожит, едва держится- как же плохо ей, как же она слаба- от того, что умерло всё, сразу всё умерло в ней- и жизнь, и счастье, и любовь. Только бабушка бормочет – сквозь слёзы, сквозь боль: «Ластовица моя! Ластовица моя!» А Катерину даже взглядом не подпускает – будто чувствуя в ней что-то, будто этого что-то боясь. Та потерянно стоит в стороне, недоумевая- как это можно так плакать? по кому?

А Дарья Никитична тихо шепчет: «Пойдём, внученька, в дом,- обнимая внучку одной рукой за плечи, другой обхватывая талию. - Негоже во дворе стоять.- Тяжкий вздох вырвался из груди - уж так больно за внучку, уж так жалко её, сердечную. И опять надо скорее в дом - пока держится внучка, пока ещё держится она. Ласкает да уговаривает.- Не надо нам лишних людей, ох, не надо. – Ведёт, как больную, да приговаривает.- Я тебе постельку приготовлю, в чуланчике твоём, чайком с малинкой душистой напою ластовицу мою.

«Боже, как тяжело! Как тяжело-то, Боже! Что ж

я наделала, а? Что же я натворила? – это уже вздохи да охи Катерины. - Хлопнула дверь, скрыла от неё мать с дочерью. И совсем потерялась Катерина. - Дальше-то что? Дальше-то как?»

Старается успокоить себя – нельзя ей отступить, некуда. Если пошла – иди до конца.

«Нет, это только сейчас - завтра дочка будет иной, завтра она забудет его, а как же...»

Но нет покоя в душе, в сердце покоя нет.

«Надо в дом, скорее в дом! Там я не буду одна». - Оглянулась, будто уже кого-то боясь, будто кто-то невидимый сейчас войдёт в ворота, и быстро вошла в дом.

И Елене Сергеевне что-то неуютно сегодня. И мысли вразброд, и какая-то неясная тоска. И сердце, отчего так ноет сердце? Будто какие позывные из самого нутра, нехорошие позывные. «Нет, нет, у нас всё хорошо!» - пытается отгородиться от них, не дать просочиться боли, и, вроде, ей это удаётся- на минуту успокоилось сердце, легче стало дышать.

А за окном лето- солнце во всё небо, птицы заливаются- свистят. Раскрыла окно, распахнула- тёплый вечер, свежо.

И опять эта тревога - будто не в ладах сердце с этой красотой, будто в тягость она ему. И уже не хочется быть одной – опять давит сердце тоска, опять нехорошо ему, неуютно в груди. Прошла в комнату. Муж в кресле сидит, перелистывает газету. «Какой он у меня красивый!»- проскользнула мысль, и тут же упёрлась в другую, давящую, мучающую её - что-то сына долго с работы нет.- И, боясь испугать мужа, ведь тот видит её насквозь, столько лет вместе, перевела разговор.

- Ты будешь ужинать?

- Да, вроде, пора. – Потянулся в кресле. Улыбнулся жене. - Сейчас дочитаю...

Но и его что-то зацепило - не укроешь от любящих глаз тревогу, так же, как радость, как грусть. Отложил газету, с любовью глядит на жену, и говорит с любовью.

- А о Женьке не беспокойся. Молодость – скорее, с товарищами зашёл в кафе или просто гуляет в нашем парке. Любит он парк-то.

И опять этот вздох - что-то много вздохов для одного дня.

- Да уж, парк он очень любит. Ну, давай ужинать, стынет всё.

Елена Сергеевна накрывает на стол. Несёт хлеб в хлебнице, вилки, тарелки с едой.

- Садись, отец. Чай потом принесу.

Сели за стол. Ковыряют вилками еду – котлеты с макаронами, салат. И оба вздыхают. И вот Кирилл Анатольевич откладывает вилку..

- Нет, мать, прости! Что-то еда не идёт.- Рывком выходит из-за стола, идёт к окну.

Елена Сергеевна наблюдает за ним, продолжая водить вилкой по тарелке.

- Да что прости? Самой тошно отчего-то.- Голос срывается, дрожит. - Грызёт сердце сухота. – И ей не до еды. Выходит из-за стола, а что дальше делать, не знает.

- Ну, это ты брось! - махнул муж в сердцах рукой.- Ишь, сухота! Только сухоты нам сейчас не хватало! – Голос наливается, дрожит. Он уже идёт к жене, плохо ей, надо поддержать. Прижимает к груди – как томится её грудь, толчками бьёт. - Слышишь, брось это! Нам о свадьбе надо думать, а она о сухоте...

И уже легче жене, улыбается, бодрится.

- Что напустился-то? Вон и сам не свой, а на меня кричишь?

- Да не кричу я. Успокаиваю. Ишь, блажь в голову залезла тебе! - Берёт газету, устраивается в кресле. - Я лучше почитаю. - Улыбается ей - она вновь села за стол, решив всё же съесть ужин. - Да и ты не мучь себя, еду зря не мучь. Придёт Женька – вместе и поужинаем.

Елена Сергеевна вздохнула.

- Никогда он так не задерживался. Всегда вовремя. Придёт, поест, а уж там, если надо, - уходит. И где он? - Встала из-за стола, подошла к окну. Глядит через стекло на улицу. И опять вздох. - Никогда этого не было...

Кирилл Анатольевич отложил газету. Невольно вырвались слова:

- Что-то и у меня неуютно на душе. Может, куда позвонить?

Елена Сергеевна резко повернулась, зябко повела плечами.

- Позвонить? - Машинально тронула рукой сердце. - Ой, отец, что-то страшно мне!

И, будто в ответ на их испуг, звонок в дверь, тихий, нерешительный, - словно кто-то боится их напугать или сам очень испуган. Оба переглядываются. Кирилл Анатольевич идёт открывать. Елена Сергеевна застыла возле окна.

Вошёл Павел, друг Жени, это сразу насторожило – отчего он один, где Женя? А тот неловко мнётся у двери, а тому страшно. Как произнести эти слова, как сказать родителям о том, что случилось с их сыном?

А те впились взглядом, а тем уже страшно, ещё ничего не сказал парень, а им уже страшно.

Но вот, наконец-то. Павел подался вперёд – надо говорить, быстрее говорить – выйдут слова, и

всем станет легче. Ведь неизвестность страшнее всего.

- Здравствуйте! Мне надо что-то сказать... О

Женьке сказать...

Елена Сергеевна и Кирилл Анатольевич в один голос:

- Что с ним?!

Павел мнётся, молчит. Но вот.

- Он в больнице, он... обгорел.

Елена Сергеевна схватилась за сердце.

- Что?! – Ей показалось, что Павел сказал - сгорел.

И Кирилл Анатольевич уже рядом.

- Что ты сказал?

- Он... он...

Но Елена Сергеевна уже не слышала его.

- Сгорел... - беззвучно произнесла она и рухнула на пол.

- Леночка! Лена! - Кирилл Анатольевич подбежал к жене, тормошит её. А зачем, когда так легче матери, когда само сердце заслонило её от ещё более страшных слов. Хотя, куда более-то?

Жуткая минута. Невыносимая, пугающая тишина. Жена па полу, Павел мнётся у двери, и ничего не известно. Но надо же, в конце концов, что-то узнать! Кирилл трясёт парня за плечи, чуть не кричит:

- Что с Женей? Где он? Где?!

Только тут протрезвел Павел. Да и не мудрено - такую весть родителям принести - еле дошёл, еле заставил себя позвонить. Волнуясь, теребя в руках платок, вытирая потное лицо, проговорил:

- Увезли Женьку, он сильно обгорел.

- Он живой? - Кирилл Анатольевич просто впился в парня - боясь, что тот упадёт, прежде чем скажет нужные слова - он просто держал его взглядом, не позволяя раскиснуть.

И Павел уже более бодрим голосом ответил:

- Не знаю. Я им позвонил, ну, в «скорую», а их ждал... Он был жив, а потом... не знаю...

Нет, не может мать так долго быть в неведении. Открыла глаза.

- Женя! Сыночек! Где он?

Кирилл Анатольевич пальцем даёт парню знак - молчи!

- В больнице Женя. Жив наш сын, жив.

Ну, почему? почему так безжалостны люди? почему позволяют себе решать чужие проблемы? почему лезут в чужую жизнь как в свою собственную, не спросив, не получив разрешения, и лезут напролом, да ещё и правыми себя считают и чуть ли не благодетелями? Почему позволяют себе врать – врать без зазрения совести – только бы делали так, как угодно им?

Жив Женя. Жив. Только сильно обгорел. Это Катерина записала его в покойники, это она схоронила его – чтоб не ломать дочери судьбу. Знала, ведала – не отступится та – уж больно слаба да честолюбива. А что она рядом с ним? И что увидит с калекой? Нянчить, сиделкой быть возле него - нет уж, пусть мать сидит, а её доченьке другой парень найдётся – здоровый, крепкий.

Да и не жилец Женька. Вон и врачи не уверены – выживет ли. Но даже если и выживет, для Гали лучше схоронить его – схоронить и начать жизнь сначала.

С тем и примчалась сюда Катерина. И даже матери не сказала об истинной своей цели. Её тоже боялась Катерина – слишком правильная да слишком добрая. Да ей и говорить с матерью не пришлось – только она в ворота, и дочь тут как тут. А теперь уже всё, назад хода нет. Поплачет дочь, да и забудет. Молодость есть

молодость, всё быстро забывается.

Неладное творила Катерина. Не укрылось это от старой. Заметила она вздохи дочери – та то крестилась, то просила Бога простить её. И, улучив момент, когда Гале стало немного лучше, она оставила её, подошла к дочери и тут же спросила:

- Чтой-то ты сумная, Катерина? Не затаила ли чего? – А это уже почти про себя. – Больно уж скоро приехала, да глаза всё прятала от меня.

И Катерина, не в силах солгать матери, призналась:

- Верно, мама. – И, видя, как побелело лицо матери, добавила, как бы оправдываясь. – Но ведь он всё равно не жилец.

Но мать не слушала её.

- Грех это! Большой грех, Катерина, живого в покойники записывать. Да и девку зря мучаешь. Кто знает, а ну-ка выживет малый, что тогда-то, а?

- Да не жилец он, мама! Нет, не жилец! Если б ты видела его, так бы не говорила. Сгорел, начисто сгорел парень...

- И всё равно ведь жив пока. Как же промолчать? Как же стерпеть это? Нет, не могу! Сейчас же пойду и всё ей расскажу. – Встала, сделала два шага, и опять села на стул. – Нет, не могу. – Тяжело вздохнула. – И то не могу, и это не могу. – Укор в её голосе, недовольство. – Как же ты запутала меня, Катерина ... Как же ты запутала нас...

Но и Катерина стояла на своём.

- Не надо, мама! Зачем всё это? Не верю я тебе. Не можешь ты не желать внучке добра. А какое уж добро ... с калекой?

Дарья Никитична аж подскочила.

- Как ты можешь? Как ты только можешь так говорить?! Калека...

Вздыхнула тяжело, перекрестилась на образа.

- Все мы под Богом ходим. Каждый несёт свой крест. - Воззрилась на дочь, пытается образумить. - Помогать надо людям в беде, особенно своим, а не топить их! – Опять укор в её голосе, непонимание. - А ты с дочерью так... Как с чужой... - В сердцах махнула рукой. - Да что я тебе говорю! Не докажешь таким... своим умом живут. Пойду- ка я лучше к внучке. Коль спит, тревожить не стану. К соседке на миг заскочу, она просила.

Выскочила из избы - будто её и не было.

Как же будет казнить старая женщина себя – казнить за то, что пусть один раз в жизни, но пошла против своей совести, и, желая сделать лучше, сделала хуже. Да и Катерине обман дорого обойдётся – до конца дней не замолить ей вины и перед дочерью, и перед человеком, что она так поспешно решила схоронить в своём сердце.

- Отец! - Никогда не называла так, всегда ласково: Кирюша, или просто – родной, а тут – отец.- Нам надо в больницу! – И уже загорелась.- Нам надо быстрее в больницу!- Будто от этого «быстрее» зависела жизнь сына, а и зависела - все мы от кого-то зависим, всем легче дышать- даже при смерти легче дышать, когда рядом родной человек.

- Да, мать, да! Едем!- Он и сам рвался к сыну - скорее! скорее! а тут и жена поддержала. А два желанья – это уже победа.

Приехали. А их не пускают – нельзя, он в коме.

А они не в коме, а им можно вот так стоять посреди больницы, где, возможно, в эту минуту умирает их сын? Оба воззрились на сестру, оба пошли напролом. Шум, гам - опять не пускают.

- Что здесь происходит? Отчего такой шум? Кто эти люди? – Врач.- Это же больница. И такой шум.

- Это родители Сиротина. Они...

- Сиротина? - Вздохнул.- Пропустите их! Срочно пропустите!

Это «срочно» застопорило ход, оно же и подтолкнула. Срочно? Неужели...? И бегом по коридору - в палату, которую назвала сестра.

Палата. Но как страшно заходить, как страшно переступить этот порог - что там? как? Как...он? И опять - но врач сказал «срочно», что же они стоят? Что же они на пороге стоят? Переглянулись - всё же так страшно, и отец открыл дверь, сразу, нараспашку - чтобы легче было войти, чтобы сразу увидеть всё.

Вошли, увидели, вздохнули - сквозь боль, сквозь муку (не приведи, Господи, ни одному родителю видеть это!) переглянулись и пошли к сыну.

А сын не слышит их, а может, и слышит, может, и чувствует (многие говорят, что чувствовали), сын до сих пор не пришёл в себя. Да и сын ли это - замотанная в бинты кукла лежала пред ними. И в сердце рождался страх- каждая секунда невыносима, а сколько их будет, этих секунд, мучительных и больных? Сколько их ещё будет? и будет ли? И ещё страшнее - будет ли? И словно эхо - будет...

- Ой, отец... - Ещё больше постарела мать, за эти сутки на десять лет постарела. А на десять ли?- может, на целую жизнь...? Вздохнуть бы поглубже, да боится - услышит сын этот вздох, больно будет ему. И не вздох-

нуть не может - в себя вздохнула мать, тяжело, но неслышно.

- Ничего, мать...- и отец постарел, едва держится отец, а её надо поддержать, мать надо поддержать. Ей всех труднее, она под сердцем сына носила, она с первых минут чувствовала его. Тронул за плечо, похлопал.- Он сильный у нас, он выдюжит. Я верю в это.- И сам уже поверил, и ей веру передал. И обоим легче. Уже чуть легче обоим.

А вот и врач - и он переживает за их сына, а теперь и за них - как вынесут это? Как перенесут? Ничего, бодрятся, и ему легче - хоть тут всё в порядке, в относительном порядке. Сильные родители, а это тоже радостно - у сильных родителей и дети сильные, вот так.

- Мы надеемся на его организм. – Прямо в глаза глядит.- И вы надейтесь. – И это надо сказать, он врач, он здесь главный.- А теперь езжайте домой. Держите с нами связь. – Увидел, как вскинулись их глаза, и ещё твёрже.- Что приехали, хорошо, Он будет чувствовать вас. Но больше здесь находиться не надо - для него это уже тяжело. Держите с нами связь.

- Мы поняли. Мы сейчас же уедем,- это Кирилл. Тихонько сжал руку жены: мол, крепись, это надо для сына.

И она поняла, и она приняла эти слова.

- Мы сейчас же уедем. – Тут уже без вздохов не обойтись - оба вздохнули враз.

Страшный грех творила Катерина. Схоронила одного, а тут на подходе второй, и оба на её совести.

Не смогла Галя превозмочь себя – слишком сильным был удар, слишком резким.

К ночи ей стало плохо. Разламывало живот, мутилось сознание. Собрала все силы, вышла из избы – может, на улице ей будет лучше, но дальше сеней уйти не могла – боль настигла её, сломала, повергла на пол.

Мать не догадывалась о беременности дочери, потому очень испугалась, увидев Галю валяющуюся в сенях и корчившейся от боли.

- Что с тобой, доченька?! – истошно закричала она, вообразив самое страшное – что дочь отравилась. – Что ты наделала?!

А Галя только молила:

- Мамочка, спаси меня! Мамочка, спаси его! Я не могу потерять ещё его...

И тут мать поняла. Её дочь беременна! О, горе! И она уже не с горечью, а с облегчением подумала: «Пусть помучается, зато потом будет свободна». И, поняв, что её мысли греховны, сказала про себя: «Господи, прости».

А Галину скручивало всё сильнее, страшная боль раздирала тело, будто на раскалённой сковороде извивалась она на полу. И глаза, и губы молили: «Мамочка, спаси... мамочка, спаси...», - но когда поняла, что уже ничто не спасёт её ребёнка, взмолилась: «Мамочка, унеси меня в чулан... - и уже громче, истошней закричала. - Мамочка, скорее!»

Катерина отволокла дочь в чулан, хотела положить на постель, где Галя любила отдыхать в тёплые летние ночи, но дочь взмолилась: «Нет, мама, нет! Я тут, на полу... А ты уйди... я сама... я сама...»

Катерина вышла и ахнула: по всему их пути пролегла кровавая полоса.

Тут как раз пришла от соседки бабушка. Испуга-

лась, как бы та сама не прибежала к ним, а уж какие тут гости – вот и пришлось идти, как говорится, поговорить, только на её территории. И была-то минут двадцать, а тут такое.

Увидав кровавый след в сених, да услышав причитания внучки да всхлипы дочери, старая женщина всё поняла. Колом свело в груди.

- Вот он, грех-то. Вот он, непутёвая! – набросилась она на дочь, едва та вошла, растрёпанная и испуганная, в избу.

Но Катерина не понимала её.

- Нет, мама, это и лучше. Вот очистится Галенька, а там опять свободна.

- Очистится?! Очистится, говоришь? А хотела ли она очиститься-то? Спросила ты её, в радость ей очищение-то это? – укор в глазах старой, сверлят они дочь, корят её, греховодницу.

- Так, видно, Богу угодно, мама,- отстаивала свою точку зрения Катерина, хотя сама понимала, что не Богу это угодно – Бог тут совершенно не при чём – угодно это лишь ей. Но не скажешь об этом матери, она итак уже готова проглотить её, да и не нужно этого – сейчас должно быть тихо и спокойно в этом доме. Ну а уповать на Бога – что ж, это самый лучший способ свалить с себя вину – дескать, на всё провидение Божье – вот и цепляется в словах Катерина за него, как за спасителя своего. – Да, Бог видит нас, видит наши муки. Вот и шлёт Галочке моей избавление от мук.

Но не провести бабку. Знала она: не набожна дочь, а раз вспомнила Бога в эту минуту, то чувствует грех. Ей, для которой Бог – святыня, богохульство дочери что кипяток в сердце – жгли слова её, обжигали, разжигали злость.

- Богу?! – уже кипела бабка.- Бога вспомнила?

Нет, дочка, Бога тут не вплетай. Твои это дела, родимая. Ты творишь тут грех. Смотри, как бы заплатить за него не пришлось.

- Платить? – не сдаётся Катерина. – За что платить- то? – Страх сковал её.- Ты что же, думаешь, умрёт она?- Зажимает рот платком, прикипел платок к губам. Ринулась, было, из избы – туда, к дочери, но мать не пустила её.

- Нет уж, сиди тут. Ты своё уже сделала. Теперь мы и без тебя управимся. Сама матушка- природа поможет ей, ластовице моей. – Не вытерпела старая, разрыдалась – жаль было внучку и то, не рождённое, загубленное, до смерти жаль, ведь чуяла она – не хотела внучка этого. – А грех твой в ином, и ты потом поймёшь это.- Вздохнула тяжело. – Да поздно будет, родная. Поздно, голубонька моя.

И бабушка, перекрестившись и сотворив быструю молитву, шагнула в сени – туда, где ждала её измучавшаяся вконец внучка.

- Девчонки! Девчонки! Какая беда! – Людмила влетела в типографию, и была она вне себя.

- Что случилось? Говори!

- Женя... Женя... - только и могла выговорить Людмила, взор её погас, силы оставили её. Едва успели подхватить, а она никакая, а её будто нет. И только бьются в почти неживых устах беззвучные слова. – Женя, Женечка...

Все испуганы. О ком она? Что за Женя? Тормошат Людмилу, наперебой кричат:

- Кто этот Женя?

- Что с ним?

А она никакая. Переглянулись, быстро дали

воды. И она пьёт, пьёт, вода живительными струйками вливается в горло, и ей чуть легче, и опять хочется кричать, опять хочется выть в голос, а ещё больше хочется забыться, хоть на миг забыться, а, проснувшись, чтоб всё было по-старому: все живы- здоровы и Женя жив и здоров. Но уже знает – и это не спасёт, теперь ничто и никто её не спасёт – непосильным бременем нависли над нею слова: Женька сгорел... её любимый сгорел...

А тут подхватила - откуда силы взялись?

- Ой, что это я? Мне пора! – Уже иная, и хоть испуг в глазах, но уже не тот, далеко не тот. Но уже выдала себя. Сейчас точно выдала: и своё сердце, и свою душу. Ну, да Бог с ними, и с сердцем, и с душой, ей теперь вообще всё равно, ибо его нет, его уже нет. Только и сказала.- Я побежала! – и вон из типографии.

А тут уже погром, а тут уже возня.

- Ба! Теперь понятно! Теперь мне всё понятно! – воскликнула Марина, секретарь. Глаза готовы выскочить из орбит, а уж сияют, а уж горят, и вся она светится от того, что, наконец-то, открылось ей. Ухнула на стол - веса-то где-то под девяносто, и опять.- Только теперь я поняла, отчего это она на Женечку не так, как на других, поглядывает. Да смущается. Да мнётся. А оно вон как, а оно вон что! Постой! Постой! Что она сказала-то? Кто сгорел? – И тут до неё дошло.- Женя? – и, уже задыхаясь.- Женя?! Ой...!

- Вот тебе и ой! Дошло, наконец-то!

- Боже, а как Галя? Да и вообще, что с ним?

Всё, о работе не может быть речи. Повскакали, забегали - туда, сюда: разведать, вынюхать, выпросить. Но то, что вынюхали, повергло их в шок. Женя, Галин жених, герой – это раз, в больнице- это два, чуть живой, скорее всего, не выживет – это три.

И опять.

- Вот тебе и на!
- Да, дела!
И все разом:
- А Галя знает?
Вопросы остались без ответа.

Напряжённая тишина повисла в доме Сиротиных. А как радостно было здесь совсем недавно, какие радостные слова три дня назад прозвучали тут. И уже ничего нет, ничего. Дверь на балкон открыта – не хватает воздуха хозяевам, нечем дышать. Да что дышать-жить нечем, будто налетел страшный смерч и порушил всё, разметал. Гнетущая тишина поселилась в квартире, во всех комнатах и даже на кухне - гнетущая тишина. В комнату сына вообще страшно заходить, сыростью тянет оттуда. А ведь совсем недавно так уютно было в этой комнате, так шумно и так радостно. Сын прибежал с работы, шумно умывался и шел в свою комнату. Там отрывался по полной - то заваливался на свою кровать - хоть пол-часика почитать, то включал музыку, и танцевал, и при этом напевал что-то под нос. А в тот, последний вечер, так вообще будто сошёл с ума: кричал во всё горло: «Боже, как я счастлив!», потом выскочил к ним, обнимал, целовал - он просто сиял, их мальчишка, он просто горел.

И вот ничего этого нет. И сына нет. Охи и вздохи поселились в квартире. Заполонили её, запугали хозяев - похоже, надолго утвердились они здесь, ох, надолго. Да и лучше бы надолго - это ж какая-то надежда, проблеск надежды.

Гостиная. Хозяева не уходят отсюда – здесь не так страшно, да и от двери ближе. Хотя и дверь пугает - с чем ещё сюда войдут? Старый сервант с посудой, два

кресла, меж ними – журнальный столик, диван. Елена Сергеевна, кажется, поселилась на диване, вторые сутки напролёт, то вскакивая, то будто замирая, лежит, накрытая пледом. А Кирилл Анатольевич не может лежать. Неслышно ходит по комнате, часто выходит на балкон, всматривается вдаль – что там, с сыном? Как он? Оба подавлены, измучены.

- Нет, не могу лежать!- Елена Сергеевна вновь откидывает плед, садится, хватается за сердце. - Ничего не могу...

А муж уже рядом. Заботливо гладит по плечам, успокаивает.

- Не надо, мать. Жив наш сын, жив. Он сильный, он обязательно выживет.

Но не успокоить мать. Нет таких слов на свете, что могли бы сейчас успокоить её.

- Даже не оставили в больнице. Мне там было бы легче. – А слёзы потоком из глаз, и поток ширится, растёт.- Значит, дело плохо...значит... значит...

- Ничего не значит! – перебивает поток её рыданий муж. – И не смей так говорить!- И дальше, дальше.- Мы должны поддерживать его, мы должны верить в него, а ты...

А ей уже страшно. Никогда муж не кричал на неё, а тут... Но и это надо, надо, надо!

- Прости! Ой, что это я? – Уже легче вздохнула, и сердцу чуть легче. – Ты прав, мы должны верить в него. А значит, должны верить в себя.

- Вот именно - верить.

Нет, не проймёшь таких людей. Они во всём правы, и действуют, по их убеждениям, по праву. Вот и мать Галины сделала своё дело, а чёрное или белое,

неведомо. Ей-то кажется – белое. Ведь освободила ж она доченьку свою от калеки? – освободила, а тут ещё от нежеланного плода освободила – это вообще хорошо. Теперь можно с лёгким сердцем - домой.

Укладывает вещи в дорожную сумку, тихо бормочет под нос: это взяла, это тоже, это бы не забыть. Дарья Никитична глядела, глядела на неё – она накрывала на стол, надо же. как подобает, проводить гостью, а тут не вытерпела, бросила в сердцах.

- Лучше б ты вовсе не приезжала! Натворила тут дел, а мне, старой, расхлёбывать. – Прошла мимо дочери на кухню, вышла оттуда с электрическим самоваром, поставила его на стол. – И опять сердито. - Садись, чаю перед дорогой попей. Не упыри же мы, всё по-людски надо делать. – Села за стол, вздохнула, стала разливать чай. - Только не получается по-людски- то, ох, не получается...- Устало воззрилась на дочь.- Ну, что стоишь-то? Садись! Время-то идёт, не ровён час, на поезд опоздаешь. Дорога-то длинная, лучше тебе на час раньше на автобус-то выйти. Там, на вокзале, спокойненько до поезда посидишь.

Не хочется Катерине чаю. Однако села за стол, взяла чашку с чаем, нехотя пьёт. Она очень устала. Скорей бы из этого дома. А тут какой-то чай. Но и ссориться с матерью нельзя – та итак на грани взрыва. Сидят и вздыхают, молчат и пьют чай.

И вот.

- Ну, что ты, мама, заладила: лучше б ты не приезжала! лучше бы сидела дома! Я что, изверг, да! Или враг своему дитю? Или что-то страшное сделала?

Однако и мать не отступает.

- А сама не чувствуешь, что творишь?! А ну-ка да встанет малый, что я тогда внучке скажу? Ты подумала об этом, дурья твоя башка?

- Не встанет. Чувствую это. И пора б уже прекратить эти разговоры. Будто говорить больше не о чем? - И Катерина в сердцах отставляет чашку, руки её дрожат.

- Надо же, какие мы сердитые! – поддела Дарья дочь. - А не ты ли заварила эту кашу, голубонька моя? Не ты ли принесла сюда беду? – Уже трясёт Дарью Никитичну, уже не владеет собой. - Прилетела, как сорока - белобока, ждали её тут! – Вздохнула сокрушённо. - Эх, не вовремя Галенька тогда подросла! Уж я бы спросила тебя, уж я бы выведала, да погнала бы отсюда помелом, ей Богу бы, погнала! Ишь, заживо похоронила парня! Дитя невинное на тот свет отправила! Да ещё ершится, важничает тут. Обидели, де, её, кричат и кричат. - А вот и руки подняла старая, трясутся руки у старой. - Да тебя убить мало, слышишь? Как змеюку какую...

Рыдания сотрясают старую женщину, нечем дышать. Встала, отошла к окну, через тюль на улицу глядит, а видит, не видит там что, неведомо. Скорее, не видит, не до видений сейчас - другие видения в голове: измученная внучка, да дитя, что так просилось на свет, но, по воле её злыдни- дочери, так и не увидевшего его.

- Ох, Галенька... Ох, внученька моя... Как же мне жаль-то тебя... как же мне жаль... - Поворачивается к иконам, платочком вытирает слёзы, крестится. - Господи, прости меня! Прости мою дочь непутёвую! Не ведала, видать, что творила... - И опять слёзы ручьём, и опять плачет навзрыд, плачет да причитает. - А я-то, старая, не учуяла, а я-то не смогла отвести беду, вот Галеньке всё и досталось – и моё, и материно. Двойной груз тянет, бедняжка. Ох и тяжкий груз. И сколько ей ещё нести его, одному тебе, Великий наш Боже, ведомо. – Чуть легче вздохнула, перекрестилась. - Ладно,

хоть оклемалась... Ладно, хоть от этого уберёг.- И опять плачет, стонет. - А как мучилась-то, как страдала-то былиночка моя. На нет изошла... Что тебе колосочек сухой на лежаночке лежит. А сердце моё исходит.... исходит тоской да мукой сердечушко моё... За что? За что ей участь такая? За что муки эти? За что?!

Катерина несколько раз пыталась остановить мать. «Да... да ты... зачем, мама?» Но та будто не слышала её. Ей надо было выговориться. Ей было невмоготу.

Но вот вздохнула, вытерла слёзы и уже твёрже сказала.

- Слушай, Катерина, мой наказ. Если жив парень и есть надежда на выздоровление, пришли телеграмму: «Всё хорошо». А если - тут она перекрестилась, вздохнула,- не ровён час, отошёл, напиши: «Очень скучаю». Поняла ты меня?

- Поняла,- ответила Катерина и с облегчением вздохнула.

- И ещё вот что,- в сердцах воскликнула мать. - Коли звякнешь где про всё это – не дочь ты мне! Даже самому не смей, слышишь?

Уехала Катерина. Сразу стало легче дышать, дом очистился, повеселел.

Не отдала бабушка внуку в больницу – раз грех случился, решила спрятать его, скрыть от чужих болтливых уст имя золотой своей внучки. Решила так: отпуск у неё, а этого времени хватит, чтобы отлежаться, оклематься. Видела она: хорошо внучке у неё, слова её ободряют, запах родного жилья успокаивает.

А Галина просто бодрится, хотя в сердце её стон, стон да мука. Но куда деться от бабушки, от её тёплых,

ласковых слов. А та ей мёда - ешь медок, ластовица, он так пользителен, а та ей свежее молочко да отвары шиповника - и опять же под тёплый лепет, подбадривающие слова - а это так много для больного, да это всё.

Бодрится старая перед внучкой, а в сердце тоска. А ночью так вовсе не уснуть - что принесёт телеграмма, какие слова?

Тяжкий грех носила старая в себе. И всё из-за дочери своей непутёвой. Так и не смогла она сказать внучке, что обманула её мать – сколько раз пыталась, а не могла. Жалела она внучку. Да и думы мешали. А нука да вправду уж умер Женька? Или вот-вот умрёт? Как пережить это Гале ещё раз? Как?!

И вот телеграмма. Трясущимися руками разворачивает её, читает, и сердце ухаёт в ней, и сердце падает в пустоту. «Всё хорошо», - стояло там. Дарья Никитична вскрикивает: «Боже! Боже мой!»- и, зажав грудь, выходит из избы. Как неживая, проходит сени, входную дверь. «Нет, не могу!» - повалилась на крыльцо и взвыла:

«Вот он, грех-то... Вот он, непутёвая... О, Боже, что делать теперь? Что творить?» И опять трясутся плечи, сама жизнь трясётся в старой - впору умереть, чем дальше с этим грузом жить. И опять вопросы в душе, опять мучается душа: «Сказать внучке? Иль нет? Ведь жив парень, ведь жив... - Опять вздыхает, опять ухаёт сердце в ней.- А ну, как умрёт, тогда как? Как тогда, а? Выдержит ли сердечко её? После такого-то – да ещё удар? – И опять стонет, стонет, стонет.- О, Боже мой, помоги... Что делать мне, старой, подскажи...»

Страшно старой. Какой грех она носила в себе. Не отмыться теперь ей, не очиститься. И всё это дочь

с её вечными страхами да с вечной боязнью. Натворила дел – не расхлебаешь теперь. Заварила кашу, а ей, старой, доваривать.

Всё в жизни взаимосвязано. Всё в жизни, да и в судьбе зависит не только от тебя самого, но и от дум о тебе, от помыслов тех, кто с тобой в связке. Вот и Женина душа мучилась - знаю, что мучилась, верю в это, сама через то прошла - мучилась да терзалась. Ей бы поддержки, а тут такое, ей бы чуть ласки от любимой, тепла, - а нет: ни того, ни другого. Покойник он для любимой, схоронила она его - оттого так тяжко душе, оттого и сердце не хочет жить.

А как бы легче стало, если б она рядом была – тёплая, ласковая, родная. Дышала б рядом с ним, прикасалась к нему – уже оттого ожило б сердце, вновь захотело стучать. Он всё ещё ждал её, даже в бреду он ждал свою Галинку.

Мучайся, душа, терзайся. На то ты и душа - чтоб мучиться, на то ты и живая - что не позволяешь парню умереть. Вот и мечешься, хочешь пробиться - к той, от которой зависит жизнь парня. И пробьёшься, на всё свой срок.

Галя в этот день впервые встала с постели. Слабая, бледная, похожая на тень, стояла она возле окошка и, не отрываясь, смотрела в одну точку.

Кровь застыла в жилах старой. Болью сжало сердце, глаза вмиг сделались влажными – за что она страдает? за что муки эти?

Не вытерпела, разрыдалась, подалась навстречу.

- Ластовица моя! Кровинушка ты моя! – И, чтобы не поняла та причины слёз, слукавила.- Поднялась, родимая?

- Поднялась, бабушка,- пала к ней в объятия внучка. - Спасибо тебе!

Ещё хуже стало. «Спасибо». Эх, знала б ты, кому спасибо-то говоришь. Ведь и я тут виновата. А ещё больше мать твоя.

Гладит старая голову внучки, прижимает её к себе, а слёзы так и льются – не остановить их. А внучка утешает её, успокаивает:

- Ничего, бабушка. Ничего. Напугала я вас. Простите меня.

- Да за что простить-то, ластовица моя? За что прощенья-то просишь? – ещё крепче разрыдалась бабушка – невыносимы слова эти, бьют они в сердце, в самую душу бьют.

Но не понимает внучка причины бабушкиных слёз.

- Так значит, простили? – радуется она и ещё крепче прижимается, дрожит как осинка – слабенькая, беспомощная – горько смотреть на неё, больно смотреть.

А уж как ходит бабушка за внучкой, не рассказать. И это-то для неё, и это, и тут бы что сделать, и этим помочь. Главное же, уговорить боль, заговорить, - чтоб поостыла от неё внученька, чтоб вылезла из тоски злючей, болючей.

Вот и сегодня напекла блинов – любит их внученька, с малолетства любит. Пора и внучку звать.

- Внученька! Где ты? Идём ужинать!

А вот и внучка, ещё поникшая, но бодрится, пред бабушкой бодрится.

- А я на речку ходила. Так хорошо там. Возле водички постояла, бежит водичка себе и бежит.- Села за стол, и тут услышала знакомый запах.- Ой, а ты бли-

нов напекла! Как хорошо-то! Как хорошо! И вообще, хорошо мне у тебя, бабушка! Уж так хорошо, что не рассказать...

А у бабушки слёзы в глазах стоят. Хорошо ей... Эх, знала б ты, кому эти слова говоришь? Ведь я тоже повинна... Несёт в тарелке блины - горку румяных блинов, - а будто себя на заклятие несёт: на, внученька, бери меня, делай со мной, что хочешь.

- Смотрю, тебе легче чуть? - А сама ставит тарелку на стол, приносит сметану, варенье. Наливает из самовара чай в две чашки, и улыбается, осматривает внуку. - Вон, и нарядилась, и причесалась, и щёчки горят.

Вздых вырвался у Галины - невольный вздох - тоже хочет бодриться, да не выходит.

- Да, бабушка, чуть легче. - А вот и слёзы в глазах, и опять тяжкий вздох. - Просто жить надо. Если осталась жить...

- Вот тут ты, внученька, права. Жить надо, не смотря ни на что. Давай, наваливайся на блинчики-то, тебе силы копить надо.

И опять не то говорит Галина. Для бабушки не то. Да и делает всё не так - не так, как положено молодым. Вяло берёт блин, вяло макает его в сметану. Видимо, бодрилась, бодрилась, да надолго ли напускной бодрости хватит? Вот и срываются большие слова:

- Для чего, бабушка? Для чего мне силы? Когда жизнь как будто закончилась. - Нет, не естся, блин в горле застрекает. Одни охи да вздохи. - Так, живу, не живу, хожу, не хожу, будто вовсе не я. Вот и сегодня - гляжу в реку, бежит она себе вдаль - вот и мне бы с ней вместе...

- Да что ты! Что ты, Бог с тобой! - пугается бабушка. - Можно ли так? - Вышла из стола, подошла к

внучке сзади, обняла. - Ты это брось! Не допускай до себя эту блажь! - Целует в щёку, ещё и ещё.- Ты сильная у меня, ты сдюжишь, ты сдюжишь, родная!

- Всё можно сдюжить, бабушка,- вздохом отвечает внучка.- А для чего? Если жизнь немила, если свет постыл? Если одна дума в голове – нет моего друга, нет...- Всхлипнула, зажала рот рукою. - И не будет...Ой, бабушка, не могу я! - Вскочила, слёзы в глазах. - Ничего-то я не могу! Прости меня! – И с плачем выбежала из комнаты.

Вот оно, вот оно, горюшко горькое! Рухнула старая женщина перед иконой на колени и запричитала, закрывая руками лицо.

- Боже, я не могу! Не могу больше! Как совладать тут? Такие речи говорит... В речку бы ей кинуться... только б рядышком с другом милым быть.... А друг-то живой... и опять не скажешь... опять молчишь... Боже ж мой, как тяжело мне... как тяжело мне, старой...

Подошла к окну – что во двор. Открыла створку.

- Шарик! Шарик! На, ешь блины! - Выбрасывает блины в окно. - Похоже, кроме тебя, их есть некому, хоть ты поешь бабкинустряпню. - И как же плохо ей, невыносимо плохо. Грузно садится на сундук, что как раз возле окна, что смотрит во двор. - Вот и наелись... вот и накормила внучку свою... Уж так мы её накормили, век сыта будет...- И плачет навзрыд, слезою исходит сердце.

Долго бродила Людмила по улицам - брела и брела неизвестно куда, вялая, понурая, поникшая. Магазины, кафе, вывески, афиши. Люди, кто обгоняет, кто

навстречу идёт, - всё это ещё больше вводит в тоску - ведь все живые, и всё живое, а его уже нет или вот-вот не будет. Особенно лихорадит смех: вечер, молодёжь гуляет, шутят, смеются - прямо в сердце этот смех, режет сердце, слабит сердце. И эта неотвязная мысль: пойти к родителям Жени. И тут же - зачем? Они о тебе не знают, и знать не хотят. И опять - да хоть узнать о нём. Уже поворачивала, шла в сторону их дома: шаг, второй, третий. И опять останавливалась – нет, не могу! И шла назад.

И опять. Но я должна знать, что с ним!

И вот он, ответ, вернее, не ответ, а тот, кто может его дать. Павел, друг Жени. Остановила - ей уже было всё равно, да и что тут такого, если она спросит о Жене, о нём все спрашивают сейчас.

- Павел! – Остановился.- Как там у Жени дела?

- Да как, ничего хорошего, вот как! – Закурил. – Извини, нервы. Надо было ему именно в это время в цеху быть! Именно ему! Накануне свадьбы!

- Свадьбы? Так у них должна быть свадьба?

- Именно, должна быть. А теперь? теперь всё в воздухе повисло: и свадьба, да что свадьба - Женькина жизнь в воздухе висит!

- Что, так плохо?

- Хуже некуда. Считай, сгорел. Надо же, сгорел на работе, как метки эти слова, если б они не касались Женьки.- Только тут оглядел девчонку - ничего девчонка! Предложил.- Пойдём, погуляем, что ли? А то брожу тут один, углы сшибаю.- Осенило.- А может, в кафе?- как раз шли мимо кафе.

- А что, пошли!

Два часа сидели в уютном кафе. Чуть- чуть выпили - надо же как-то расслабиться, и говорили, говорили, и всё о Жене, и всё о нём. Оказывается, Павел не

только работал с Женей в одном цеху, они и друзья, с детства дружат.

- Мировецкий парень! – это он о Жене. - Да он хоть в огонь, хоть в воду - за любого!- Да что за любого - за котенка. На самую вершину дерева забрался, проказник, и орёт там, орёт. Боится слезать. Женька полез, хоть и было ему страшно: дерево-то высоченное, почти без сучков, а ему всего-то девять, в пору самого спасать. Но ведь залез, и слез – уже с котёнком.

Разошёлся Павел.

- А на уроках как Женька выручал! Контрольную сам быстренько решит, потом другим помогает. Ох, и уважали его в классе. А уж девчонок защищал - что рыцарь из сказки. Ни одну в обиду не давал. Так и объяснял нерадивым: девчонок обижать нельзя, они - будущие мамы. Сначала смеялись над ним – а, будущий папа! Потом уже другими глазами смотрели на ситуацию - девчонки выправлялись, округлялись, хорошели, и уже действительно как на будущих мам смотрели на них ребята, и оберегали. А потом, взросление. Нравился Женя девчатам, но вот его ни одна не зацепила. Пока не встретил Галю. И пропал. Засосало. А теперь и о свадьбе шла речь, а тут... Эх, Женька!

Ещё выпили по маленькой (хорошее вино), пора прощаться.

- Ты мне звони, если что. Нет, просто звони.- Сжал кулаки.- Но если с Женькой что, если не выкарабкается парень, я не знаю, что будет со мной. – И слёзы вспухли в глазах парня, и он не стыдился слёз - то плакало сердце, мучилось за друга, страдало.

- И ты звони. Каждый день звони. – И у Людмилы слёзы в глазах, и ей нестерпимо больно.

Она рядом живёт, провожать не надо. А поговорили хорошо, чуть легче обоим.

- Неужели не выкарабкается парень? – Тот же врач, заведующий отделением – тоже врачу, что ведёт палату.

- Не знаю. Родители каждый день звонят, а мне нечем порадовать их.

- Рано радовать. Не о том надо вести речь. Вообще бы когда-то вылез парень, вот было бы ладно.

- Хорошо, видать, парень. Звонят и звонят, тревожные звонки, больные. И молодёжь звонит, и родные, и из его цеха уже сколько звонили. Не могут люди терпеть, в неведении не могут быть, вот и звонят.

- Да, сюда просто так не звонят. И это радостно. Да, видать, стоящий парень, а за стоящего уж люди поболеют. А это, возможно, и ему силу даст.

- Вы что, верите в Бога?

- Я верю в людей. В хороших людей. Ну, что, пойдём, посмотрим, а?

- Пойдём, посмотрим.

- Давай-ка, я тебе ещё накапаю валерьяночки.- Она женщина, она слабее его, она ждёт поддержки от него. Берёт со столика флакон с валерьянкой, капают в стаканчик, подаёт жене. - Тебе надо успокоиться, тебе сейчас силы нужны.

- Уже трое суток прошло – и ничего не известно. И Павел не идёт. – Всё же взяла валерьянку, нехотя выпила. И опять охи, вздохи, конца- края им нет.

Но и Кирилл Анатольевич не отступает.

- Если Павел не идёт, то всё в порядке. Да и врач сказал...

- Что он сказал?- перебивает Елена Сергеевна мужа. – Ничего он не сказал! Выпроводили нас, и всё!

- Не выпроводили, а попросили уехать домой. Мы просто мешаем им, от нас толку нет. Да и...

И тут звонок – за дверью звонок, кто-то просится к ним.

Елена Сергеевна вскакивает с дивана.

- Похоже, опять Павел? – В глазах её испуг, даже страх.- Так же звонит.

- Я тоже так подумал. Пойду, открою.

- Ой, отец, что-то мне страшно!

А Кирилл Анатольевич уже идёт к двери. Быстро открывает – точно, Павел.

Павел подал ему листок.

- Вот, читайте, тут всё о Жене. Все верят в него, мы все верим в него.

- Может, зайдёшь?

-Нет-нет! У вас это лучше получится.- Уже пошёл, но вот.- Передайте Елене Сергеевне, что Женя обязательно выкарабкается, мы все молимся за него.

Дрожь прошла по телу Кирилла Анатольевича. Такие слова! Такие слова из уст молодого парня. Они оживили сердце, они и другое сердце оживят.

- Спасибо, Павел! Всем вам спасибо от нас!

Заходит и подаёт листок жене.

- Что это?- Страх в глазах матери, но и нетерпение.

- Это «Молния». Вот, смотри....

- Какая ещё молния? Ты что-то знаешь о сыне?

- Тут написано о Жене,- и подаёт ей листок.

- Ой, страшно мне!- восклицает Елена Сергеевна, хватаясь за грудь. - Читай сам! Быстрее читай!

- «Мы верим в нашего Женьку» - так называется статья. – Кирилл быстро пробежал первые строки молнии. Успокоился – всё в порядке, нормальные сильные слова. Передохнул и начал читать. – «Весь завод вско-

лыхнула весть о подвиге Евгения Сиротина. Не каждый пойдёт на такое, но Евгений не каждый, - это истинный борец, истинный патриот, человек с огромным всеобъемлющим сердцем и с такою же душой - чистой, несокрушимой. Мы верим, что Евгений поправится – он сильный, он очень сильный, и воля его крепка. Мы все молимся за него, мы все его ждём».

Что-то струнулось в лице матери. То ли в глазах пробежала искра, и они ожили, то ли мимолётная радость от заключительных жизнеутверждающих слов статьи осветила щёки, и они заалели на миг, - но как чудесно это, как это кстати, как это нужно им- двум изголодавшимся по хорошим словам людям, истосковавшимся по сыну, измучившимся болью за него.

Отец увидел это, отец понял значение этих перемен – и слёзы застлали глаза, слёзы радости и боли, слёзы великой веры и любви.

- Я теперь тоже верю, что наш Женька встанет, - только и сказал он.

А мать добавила.

- И я тоже. – Вздохнула и продолжила.- Ему сейчас нужна наша вера. А нас вон сколько, и мы все верим в него. Как тут не встать, как тут не встать, пусть только попробует!- Улыбнулась тихой материнской улыбкой.- А Павлу спасибо – за этот листок спасибо, за его слова - я слышала их, мать всегда всё слышит.

Ходит по комнате отец – не может просто сидеть, сердце взбудоражено, всё взбудоражено в нём. Но вот встал против жены, улыбнулся и изрёк.

- Вот и мы, мать, стали сильными.- Обнял жену, привлёк к себе. Волнуется душа, сердце волнуется в груди. Прямо в глаза глядит и говорит. – Если кругом такая сила, если кругом такая вера, поневоле заразишься. – Поцеловал в щёку, мягко улыбнулся.- А теперь,

родная, поспи, слышишь? – Уложил жену, укутал ей ноги тёплым платком.- И я чуть отдохну. Нам надо отдохнуть.

- Да, отец, нам надо отдохнуть,- проговорила Елена Сергеевна слабым голосом. У неё просто не было сил. И, уже засыпая, произнесла.- А про ребёнка мы Паше не сказали.

- А вот это ему скажет сам Женя. И будет правильно. Всему своё время.

- Да, мать, ты права. Всему своё время.

Прошло ещё несколько дней. Думы, думы, думы. От дочери ни слова, ни полслова - значит, жив парень, иначе бы та сообщила. Хоть как-то бы сообщила. Вот и терзают думы старую, вот и не находит покоя душа. Что делать с внучкой? Куда её деть?

Тот же вопрос терзает и внучку. Как ехать домой? К кому? С чем? Уже и на улицу не хочется выходить, то на кровати лежит, отдыхает, то часами стоит возле открытого окна.

Но, сколько не крепись, разговора не избежать. Дарья Никитична на столе гладит бельё.

- Слушай, внученька, что скажу.

- Слушаю, бабушка, - машинально отвечает Галина, не поворачивая головы.

Дарья Никитична кладёт выглаженную сорочку на кровать.

- А не поехать ли тебе к тётке Варваре в Тобольск?

- Что? - воскликнула Галина, быстро поворачивая голову. И, уже радостно.- В Тобольск?!

Подскочила к бабушке сзади, вплелась.

- Бабушка, как ты хорошо придумала! В То-

больск? Как это я забыла о нём? Это ж так хорошо! Это ж просто прекрасно!

- Правда?- Дарья Никитична аж отложила в сторонку бельё.- А я всё боялась тебе сказать...

- А я измучилась вся,- быстро говорит внучка.- Куда ехать, куда деваться? Домой не могу, там... Да ты понимаешь, одна Женина мать чего стоит. Ведь она знает, что ребёнок должен быть, а нет ребёнка-то, - всхлипывает,- нет. Как ей сказать об этом? Как?! Если это последняя ниточка, если у неё больше никого нет? Нет, не могу! Видеть никого не могу! Лучше спрятаться, скрыться, чтобы всё забыть, чтобы забыться чуть...

Минуту длится пауза, только вздохи, только всхлипы. И вот.

- Бабушка, отправь меня быстрее к тёте Варваре! Слышишь, быстрее отправь! Я здесь больше не могу... Мне плохо здесь...- Опять всхлипывает. - Невыносимо...

Так жалко её, сердечную. Заслонить бы от боли, а как? Прижимает старая внучку к себе и гладит, гладит - голову, плечи, и шепчет, шепчет - сквозь вздохи, сквозь стон.

- Конечно, родная моя... Конечно... Я понимаю тебя... Сегодня же будем собираться. А Варваре я сама дам телеграмму. - При слове «телеграмма» она тяжело вздохнула. - Напишу, чтобы встречала. Она встретит, она рада будет тебе.

- Так я начинаю собирать вещи,- подхватила Галина. - Хотя, чего тут собирать? А ты беги, давай телеграмму – завтра я выезжаю.

- Да, да, касатущка моя. Бегу! Только б билеты были в кассе...

- Будут! Обязательно будут! Я должна ехать, значит, будут.

- Ну и ладно...ну и ладно, внученька,- уже от двери бабушка.- Давай собирайся с Богом!

- Слава Богу! Слава Богу! – воскликнула Галя, едва за бабушкой закрылась дверь.

Ей очень хотелось в родной город- там родители, подруга, друзья. Но нельзя ей туда. Сейчас нельзя. Не поймут её там, та же подруга не поймёт. Ведь она даже на похоронах не была. НО больше всего она боялась матери Жени. Вдруг она спросит о ребёнке – ведь и она знает, что внук должен родиться – что ответить ей? Ведь у неё, возможно, сейчас одна зацепка в жизни – этот ребёнок, как же сказать ей, что нет его, нет этой зацепки, ничего нет. Это бесчеловечно. Лучше сбежать. А там уж пусть, что хотят, говорят.

Не поехала даже рассчитывать – послала матери письмо, в котором просила рассчитать её из типографии и переслать ей документы в Тобольск. И ещё просила никому ничего о ней не говорить – где она? что с ней? – уехала и всё, а куда, не знаю.

И вот Галя в Тобольске. Живёт, работает. Город очень красив, а это утишает боль. Дивный Кремль. Соборы. Праздничные колокола. Всё это напоминает о её боли и об её грехе. Да, она считала себя грешной. Ведь не доносила дитя – и уже этим грешна. К тому же, сбежала, никому ничего не объяснив -и это тоже грех, так с родными нельзя.

Но пусть лучше грех, чем каждодневный страх. И упрёки. А глаза Женькиной матери?- не вынести их взгляда! Ни за что не вынести! Пусть лучше корит – ведь сбежала! сбежала! Пусть лучше прокликает – не надо ей лишней боли – и так по завязку.

Всё это Галина переживёт тут. А может, и вооб-

ще останется в этом городе, где её никто не знает, где никто не спросит, не укорит.

Сама себя заточила в крепость. Но живёт, живёт.

Выжил Женя. Вытащил себя. Не один месяц ушёл на выздоровление - потому что почти весь обгорел, потому что ожоги долго заживают, самое же главное - потому что он брошен. Нет от Гали вестей, и самой нет - будто и не было, будто так, забегала на часок, и всё. Бросила. Выкинула из жизни.

Сначала он ждал - когда пришёл в себя, когда осмысленно взглянул на жизнь, когда понял, что самое страшное позади. Её не было - хотя и друзья уже были, и те, с кем работал рядом, тоже были. О родителях и говорить нечего, те, только им сообщили, что сын пришёл в себя, приехали, поселились в городе, и каждый день были у него.

А её не было. А он ещё ждал, потому не допускал разговоров о ней. Хотя видел: и вздохи, и недоумолвки, и то, что все боятся вопроса о ней, тоже видел.

А тут не вытерпел - сколько можно? Да и что он, слабак? Не надо его жалеть, и прятать от него ничего не надо, всё как есть - только так, только так.

Первый вопрос был задан родителям.

- Что с Галей? Где она?

Ответ был неутешительный.

- Не знаем. Из деревни она не приезжала.

- Она знала обо мне?

- Да. Мать ездила к ней туда, сразу, как это с тобой случилось.

- Всё понятно. Хотя ничего не понятно

Но надо было беречь силы, надо было вытаскивать себя - несмотря ни на что вытаскивать - потому

не лез в дебри, потому замолкал, боль прятал в кулак - в сердце для неё места не было, ещё слабое сердце, его надо пожалеть.

Шли дни, недели - никаких вестей. Родители уехали - сыну лучше, но выпишут не скоро, сколько ж можно по гостиницам таскаться. Да и не дешёвы гостиницы, не по ним.

При последней встрече всё же попросил.

- Сходите к её матери, разузнайте, что и как. Где она? Почему не едет? – И, с надрывом.- Я должен это знать!

Сходили родители, разузнали - уехала куда-то, даже они не знают, куда. И всё, круг замкнулся. Гали для него больше нет.

Долечиваться Евгения перевели в родной город – тут неплохая больница.

И будто по волшебству, в больницу заглянула Люся. Женя обрадовался - это же подружка Гали, вдруг да скажет что про неё.

А у той свои мысли, думы свои. Отчего-то уехала Галя, что-то толкнуло на это её. Зато у Люси появилась надежда - что повернётся парень к ней, что, наконец-то, забудет о Гале.

Тщетные надежды. Тщетные порывы. Еще больше тоски в Жениных глазах, ещё больше боли – что с Галей? где она? отчего уехала? И ещё один вопрос сидел в сердце - что с ребёнком? И опять. - Не из-за него ли уехала она? А что - ей сказали о нём, организм не выдержал и...- И опять.- Но это абсурд! Даже если потеряла ребёнка, не беда – нет, конечно, беда, но и это можно вынести, главное, они живы, а дети у них будут ещё, они ж молодые.

Ничего не понимал, вопросы задать некому, а

если и есть кому - ответов нет. Мучительные дни, ещё более мучительные ночи.. Сам ещё не окреп, а тут это. Давит, давит грудь неосознанная, а оттого ещё более тягучая тоска, и сердце пронзает боль - неисходная боль, неисходная мука поселились в сердце, и не выгнать их, не превозмочь.

А тут Люся. Да, обрадовался. Светлая она, чистая, притом, подруга Гали - а это связывает, роднит.

Опередила.

- Я ничего не знаю. Её родители молчат. Мать одно твердит - уехала навсегда. И всё.

- Сядь, Люся. Посиди. – И опять вздохи, вздохи, вздохи, хотя не надо бы их, хоть при девчонке не надо. Но они не спрашивают, ими полна грудь, он и дышит вздохами - переполохами, это у него уже в крови.

- Женя, я так рада! Я так рада, что ты живой!- За руку взяла - её рука тепла, её рука жива, пульсирует, тёплая, нежная, мягкая. И как-то легче, хоть чуть легче, хоть на миг. А у неё надежда в глазах, те же вздохи в душе- те, да не те. О своём вздыхает девушка. В душу парня пытается пробиться. Не надо, не время, не сейчас. А когда будет сейчас? Когда для неё будет сейчас? Или никогда? Но не отступит, теперь уже не отступит – он свободен, а время идёт.

- Ну, скажи хоть что-то, расскажи- как там друзья, что там на улице, вообще, что делается на свете?

- О, сколько вопросов! Что, задавать их было некому?

- А кому? Друзья сразу лапать, орать- ура! ура! Как-будто бастион взяли или крепость какую. А оторались- удрали. А родители- тем не до вопросов, сидят и молчат, охают - это мама, и опять молчат. А я словом их тронуть боюсь- боятся они слов моих, ох как боятся. Если б знали что, сами б сказали, что ж их пытаться. – Он

опять о своём, он опять о боле - Галинка его боль, одна Галинка пред глазами. А кто ж тогда Людмила для него?- да никто, просто друг.

Но и это хорошо. И это уже хорошо - друг не пустое слово, не каждого другом назовут. А что рядом посадил- тоже роднит. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И ещё: живая водица и камень точит. Всё у них сладится, всё у них слюбится - ведь он свободен, главное- он свободен. А уж она расстарается - ни одну не допустит до него, хватит!

- На улице – благодать. Хоть осень уже, но тёплая, ладная.

- Ладная? Как хорошо ты это сказала - ладная!

- А и впрямь хорошо! Откуда это слово выискалось?- А сама уже смеётся, что колокольчик звучит её смех, нежный колокольчик в степи. В сердце парня пробивается звук колокольчика, будоражит сердце- чуть вспыхнуло сердечко и опало, и опять этот вздох, и ещё, ещё. Не скоро зарастёт рана. Такие раны заживают долго, да и не до любви ему теперь - подняться бы, на воздух выйти, отпахнуть, вволю надышаться, налюбоваться, насытиться воздухом родным, жизнь вобрать в себя, всей грудью вобрать.

- Оттуда и выискалось - из души. Душа у тебя светлая, вот и слова светлые живут там, - просто ответил он.

- Спасибо, Женья!- На миг взглянула в глаза парня и тут же отвела взгляд – чтоб не обжечься, чтоб не утонуть, да и его не спугнуть, прежде времени не спугнуть.- И у тебя светлая душа, ох, и светлая! Потому и выжил, что любят тебя, что все молились за тебя - именно потому, что ты светлый. – Слезинка блеснула в глазах, голос задрожал, но вот опять налился, зазвенел, новой струной зазвенел.- Мы все так болели за тебя, мы

все так страдали за тебя!

- Все? – И опят вздох.- Спасибо вам! За поддержку спасибо! Ей- Богу!- Тронул за руку.- А теперь, Люся, иди, я что-то устал. И часто не ходите. Мне надо набраться сил, мне надо скорее набраться сил.

И она встала и пошла. У двери обернулась на миг – он уже был не с нею, он опять был не с нею.

А Гали ни для кого нет. Просто жила, просто работала, просто коптила небо. Устроилась на почту. Разносила газеты, журналы и, конечно же, письма. Всем письма шли, только не ей. Потому что некуда идти. Потому что некому их писать. Даже подруге не разрешила дать адрес - лучшая подруга не могла связаться с ней. Родителей тоже просила не тревожить её - пусть успокоится сердце, а там... там будет видно.

Не зарубцевалась ещё рана, кровоточит – Женька, один Женька перед глазами. Не видела его мёртвым – потому он живой, для неё живой. Только коснётся головой подушки – вот он, рядом, глядит на неё, и улыбка, то радостная, то виноватая, на лице его. И опять не уснуть. Будоражат сердце видения, видения прошлого – болью окинет да тоской сожмёт душу - Женька, Женька мой ненаглядный... Ни о чём больше думать не могла, никого видеть не хотела – один Женька перед глазами, слова его, нежные, ласковые, страстные – бьют в сердце. «Галинка... Галинка... - шепчет он,- как хорошо-то с тобой... как сладко-то....» И аж сожмёт всю, кровь кинет в голову – так бы и полетела – найти, отыскать, из-под земли достать - её он! её! и больше ничей! Но нет её Женьки, давно нет – одни воспоминания, образ один - оттого и тоска, оттого ненавистны все, оттого тошно ей, среди живых тошно.

А уж как Женьке тошно, не рассказать. Ему намного хуже - хотя, почему хуже - их боль соизмерима, их боль обоюдна, как и тоска - только она тоскует по умершему другу, а он не понимает, почему отказались от него, живого?

А ещё хуже ему потому, что ОН НЕ ЗНАЕТ, ГДЕ ОНА, ЧТО С НЕЙ. Но больница есть больница - в ней надо лечиться. И вот комиссия, приговор врачей - инвалидность. Значит, списан, и тут списан. Сначала мирился - ведь он жив, жив! Потом бесился - а зачем жить, если калека? Зачем жить, если везде гонят? Зачем жить, если от тебя бегут? Да, это было самое страшное - от его бежали, а скорее, отталкивали, это обессилило его, это не давало борьбы - угасла в нём борьба, пламень угас. А с угасшим пламенем долго не проживёшь. Хотя нет, прожить можно, но как?

Попробовал он это как: смирение заменил водкой, борьбу заменил покоем - день пил, два пил, три, неделю.

Мать испугалась - ведь это всё, если её сын запил, это всё. Раз пришла - сынок, не надо! Он - мама, отстань! Второй раз пришла - сынок! - он только рукой сердито махнул, и всё. Больше она не заходила, но как же ей было плохо - невыносимо. И нечем помочь, сыну нечем помочь.

А отец твердит одно - отстань от парня, пусть попьёт, ему это надо. Отец как никто понимал сына. Да, выбрался из боли. Да, жив. Но как жить дальше, чем жить? Но сын найдёт выход - если от болезни убежал, то уж от водки и подавно сбежит. А сейчас и водка для него союзник - в водке успокаивается душа, мысли приходят хорошие - это он знал не понаслышке. Тоже жизнь закручивала, тоже порой брался за стакан - чтобы

переболеть, переосмыслить жизнь. Не зря говорят мудрецы- истина в вине. А жену он не трогал- мать есть мать, пусть побушует, пусть пострадает- в страдании тоже сила есть, было б за кого страдать.

Но и мать искала выхода. Пошла к сватьям - так она называла родителей Галины, в упор спросила:

- Где Галя?

Ей также в упор мать - отца дома не было.

- Её нет, её ни для кого нет!

- Даже для вас?

- Даже для нас. Видеться запретила, писать запретила, - пока сама не напишет.

- И всё же где она?

- Не скажу, она особенно вам говорить не велела.

- Но почему?! Почему особенно нам?! Что с нею?

- Не знаю. Уехала, значит, так надо.

И всё, ушла мать ни с чем. Их предали, её сына предали. Нет у них сватов, и не было. Точка. Пора ставить точку. Пора настраивать сына на новую жизнь. Но легче это сказать, чем сделать. Не приемлет сын таких разговоров - и долго ещё не приемлет.

Значит, о работе надо вести речь. Нельзя ему дома сидеть, пустой дом (они работали – оба в отделах, на их же заводе) не для него.

Но сильный у них сын. Встал утром, и - надоело! До чёртиков надоело! Сам себе надоел - противный, обрюзгший, небритый. Но что делать? Податься куда? И ещё хуже – кому я нужен такой? Но и смириться не мог - взбунтовался: я хочу работать!

Но одно дело – хотеть, другое - мочь. Он же работать по своей специальности не мог: отказывала нога, ей больше всех досталось тогда. И опять залёг на дно,

там лучше, теплее. Но хватило его на неделю. И опять бунт - уже против себя, против самой жизни. Постановил: я буду работать! А для тех, кто хочет работать, место всегда найдётся. Нашлось и для него- преподавателем в лицее: преподавал основы электричества, словом, учил тому, что хорошо знал сам.

И дома всё в норме. Родители не нарадуются – ожил их сын, ожил! Друзья приходят- то в шахматы перекинуться, то просто за кружкой пива вечер скоротать. Павел заходит каждый день – будто утверждая в нём жизнь, будто намекая, что она проходит мимо.

А от неё ничего нет. Канула. Хотя в каждой похожей женщине видит её, а иной раз даже вскрикнет - Галинка! Но нет, опять не она - ещё глуше тоска, беспредельная, гнетущая. Всё можно простить, всё можно понять, но такое...? Он не понимал, отчего его бросили. Он не мог поверить, что его бросили, потому так тяжело, потому гнетёт сердце тоска.

И всё чаще Людмила на пути. То навстречу, то дорогу перебежит - она-то бежит, он-то тащится, поравняются, выйдут на тротуар, а говорить не о чем. Вроде вскинет на него глаза, и тут же опустит взор - пусто в его глазах, а коль пусто, то и глядеть нечего ничего не выглядишь там.

Всё же закидывала удочку.

- Хоть бы в гости когда пригласил, на чаёк.

- А зачем? Тебе скучно будет со мной, весь вечер курю или пиво пью.

- Так и я выпью!

- Не надо, Люся. Не надо. – Он сразу ставил ей

заслон, он всем женщинам ставил заслон - сюда не лезьте, занято!

Люся обижалась - ведь не замуж же навяливается, мог бы и повежливее с нею. Отходила, уходила, исчезала на неделю, две, а потом опять, будто ненароком, на пути. Словно предупреждая: не забывай меня, я слежу за тобой. Но также пусто в сердце его. Будто опалили или спалили совсем. И эта неясность – она не давала покоя. Жил, работал, гулял в парке, где когда-то гуляли вдвоём, казнил себя этим. Но и поил - ему легче там, легче общаться с нею.

- Да что он может? И кто он такой? Его самого бросили! – Он выходил из-за угла здания, его ещё не видели. Но слова о нём - это Евгений понял сразу. И сразу плохо, гадко на душе, противно.

Нет, нельзя с подбитым сердцем к молодёжи. Они видят всё. А тут, в маленьком городке, и знают всё. Он для них не авторитет, его бросила женщина, его просто жаль.

Но ты уже среди них – так не будь же тряпкой, будь мужиком! Это длилось секунду - в следующую секунду он был рядом.

- Что случилось? – в лоб.

- Да ничего, так.- Но его глаза, не отрываясь, глядели на ребят - гордые, сильные глаза. И уже другие слова.- Да вот, у Марика подружка... В общем, кинула она его, с другим гуляет.

- Ну и что? Значит, такая подружка. Что же о ней горевать? – Он напирал, он был зол - они ничего не знают, а смеют судить. Он сам ничего не знает, и это рождает неуверенность, муки. Но не казаться же слабаком, не быть же им, в конце-то концов? Подошёл к Марику, тронул за плечо.- Не раскисай, парень. На твой

век девчат хватит. А эта,- Евгений нажал на слово «эта», - так и останется этой, не парься из-за неё, не стоит.

И пошёл от них – он своё сделал, ему легче, как же легче стало ему. Заступился за парня, а вроде бы за себя заступился. Нет, не так. Отчего-то заныло сердце-будто подсказывая, что он не кинут, нет, он не кинут. Тут что-то другое, тут что-то не так.

Но для ребят он стал более весомым.

- Простите! Ну, за те слова... Мы не имели права судить вас...

- Проехали! Я даже благодарен вам – что-то стронулось в душе, стало теплее. Одно скажу - меня не кинули, это точно. Тут что-то другое, и я в этом разберусь, когда-нибудь разберусь.

- Вот это по-мужски. Надо разобраться!

- Будь здоров, Марик! У тебя хорошие друзья, дорожи ими!

- Замётано!

Прошло три года. Галина живёт у тётки в Тольском. Видения прошлого не оставляют её. Везде ей чудится Женя. Не видела его мёртвым – потому он живой, для неё живой. В каждом мужчине видит его.

Поле, город рядом, видны его дома. За полем лес: кедр, ель, берёза. Галина молча идёт по полю. Вдалеке, из леса, выходит мужчина. Сердце занялось. Ей показалось, что это Женя.

И уже кричит, подавшись навстречу:

- Женька! Женька мой ненаглядный! – И вот, почти поравнялись. - Нет, это не Женька... Чужой мужчина...

Мужчина вздохнул, молча кивнул и пошёл дальше. А Галина зажала голову руками, больно - больно

но, сильно- сильно, и стонет, стонет, стонет и плачет:

- О, Боже! Помоги! Нет больше сил... Так я устала... Так казнию себя, что не поехала тогда, не поклонилась могилке. Было б легче, намного легче.... А теперь... не могу видеть его мёртвым, представить мёртвым не могу... И во сне и наяву он со мной... Такой же, живой...

Тихонько, как помешанная, бредёт дальше. И опять стонет, поёт: «Ночью проснусь от ласк его, от объятий его. Только шепчет, шепчет мой Женька: «Галинка... Галинка моя... Как хорошо-то с тобой... как сладко-то...» Отогнать бы видение, а не могу – уж так сладко он целует, уж так сладко обнимает, аж задохнусь... - А сама всё дальше и дальше- будто возомнила спрятаться от себя - или его догнать, образ неутомимый.- Не иначе, схожу с ума. А ведь думала, будет легче... Сбегу, де, ото всех, забудусь... А нет, не легче – ещё тяжелее».

Но что-то сдвинулось в душе Галины – будто камушек какой за пазуху попал и щекочет грудки, щекочет. Женщина - она всегда женщина. Даже когда спит. Вот и Галина просыпалась, токи живые чувствовала в себе. Радовалась и тут же огорчалась- ей ли это томленье, ей ли эта страсть - а что страсть, тоже знала - так же билось сердечко да щекотало за пазухой, когда с Женей была. «С Женей...»- и опять плохо, опять эта тоска, но и хорошо - отболеть, переболеть, перемотаться, и дальше жить, и жить дальше...

Как же уютно в этой квартире. Простая обстановка: книжный шкаф, сервант, диван, кресло в углу, а так вольно здесь, сердцу тепло. Большое окно- возмож-

но, из-за него так светла комната и так уютна. Из этой комнаты, что служит и залом, и спальней для Варвары Матвеевны, дверь в комнату Галины.

И всегда тихо в квартире, спокойно. И сейчас та же тишина. Варвара Матвеевна в кресле читает книгу. Заходит Галина, улыбается.

И как же возрадовалось сердце тётушки. «Боже, никак она улыбается? Наконец-то!» Лукаво повела глазами.

- Не иначе, на свидание ходила?

- Пока нет,- так же лукаво улыбнулась Галина.

- Ну, вот, - недовольно парировала Варвара Матвеевна, - я-то обрадовалась – ожила моя девонька, а она по-прежнему в тоске.

- Нет, тётя, не по-прежнему,- сладко вздохнула Галина.- Намного легче стало. Спасибо вам!

- Спасибо? Это тебе спасибо, доченька! Ты меня будто воскресила. А то уж я, было, умирать собралась.

- Да вы что? Как это – умирать? Вам ещё жить да жить!

- Теперь-то и я так думаю, - вставая с кресла, согласилась с племянницей Варвара Матвеевна. - А раньше всё охала да вздыхала. Видать, больше делать было нечего.- Улыбнулась.- А теперь я жить хочу, замуж выдать тебя хочу, внучат нянчить, то, сё...- Подошла, поцеловала. - Нет, о смерти думать мне рано... Пусть она подождёт...

Помолчала тётушка. И вот.

- Тут один всё спрашивает о тебе...

А вот этого не надо! Галина перебила тётушку.

- Нет, нет, тётушка, увольте! Ни о ком не говорите! Я сама...Я как-нибудь сама...

- Ну-ну! Сама, так сама. Я что, против? Только время-то идёт, как бы не опоздать.

- Не опоздаю. Моё от меня никуда не уйдёт! – А самой уже хорошо, вон, алеют щёки. Чмокнула тётушку в правую щёку.- А ты лучше подумай о себе. Самой замуж пора... Вот так!- Целует в левую щёку, смеётся. - И не возражай! Вон как заалелась – знать, в точку попала. Верно, тётя?

Варвара Матвеевна зарделась.

- О-о-о-х! Нет, сначала тебя выдам. А там и о себе подумаю...- А сама смеётся, а самой радостно.

И для Евгения не прошли даром эти три года. Что- то сдвинулось в сознании. Неясный свет наметился впереди.

А Люся не отставала, опять преследовала его. Будто почувствовала - её это время, пора действовать, пора наводить мосты - между нею и Женей.

А он ни в какую. Никого не хочет видеть- из женщин никого, будто отгородили его, будто каменной стеной заслонили от него жизнь.

Уж и мать переживать стала - а не повлияло ли это на него? Ну, как на мужчину, не повлиял ли пожар: стресс, шок, больница? Сын будто мысли её прочёл.

- Мама, со мной всё в порядке. Только не торопи меня, ладно?

- Ну и славно, сынок. Ну и славно. Больно уж хочется внучат понянчить.

И как же взвился Женя, как же он взвился.

- Внучат?!- Вскочил, разъярен, даже взбешен.- Больше мне этих слов не говори! Никогда! Слышишь?

- Слышу, сынок. Прости.- Не отболело ещё у сына. Ох, не отболело. Но и это матери надо знать, на то она и мать. Что ж, подождём, было б чего ждать.

О том же горюют две женщины: Дарья да Варвара. У обеих сердца беспокойны. Ох, и беспокойны сердца. Тоже внуков нянчить пора, а где их взять-то, коль Галя никого из мужчин не допускает до себя?

Слетелись - Варвара отпросилась у племянницы мать повидать.

- Вроде очнулась голубонька,- вздохом начала Варвара.- Мне бы радоваться, а на сердце тоска. Для чего очнулась-то? Для кого?

- Очнулась, говоришь?

- Ой, не говори, мама! Всё смурная была, уж такая смурная, живёт и не живёт. А тут вроде воскресла – другими глазами на мир глядит, свет дивный в глазах. А мне страшно - кого выберет она? И ещё более страшно: Женя -то опять остаётся в стороне.

Мать будто ждала этих слов. Рухнула на колени пред иконами, запричитала:

- Боже праведный, что ж мы натворили! Что ж мы, злыдни такие, натворили - то?

- Натворили, ох, и натворили, матушка, - за Господа отвечает Варвара. – Ты - что сплвила её ко мне, подальше от греха. А я, что грех твой - именно твой, не её, на себя приняла.

Поднялась Дарья Никитична - негоже пред Господом на коленях стоять, коли сказать ему нечего. Господь тут ни при чём - сами натворили дел, и выпутываться надо самим.

- И всё из-за Катьки. Из-за доченьки разлюбезной моей. Та-то, видать, спокойна: сделала своё дело, нагородила огород, наплела с три короба на Женьку, лишь бы её доченьке с калекой не жить, и ухом не ведёт. А что нам делать? Что нам теперь делать с тобой? И так, и так страшно.

- Вот и я о том же, мама. И так, и этак страшно.

Сказать о Жене – а как сказать, какими словами объяснить всё это? А не сказать- опять страшно.

- Вот и я не знаю. И так, и этак раскидываю мозгами, а всё пусто, всё не так. Эх, что я ей тогда всё не сказала! Что ж пожалела её? А пожалела ли? Вот в чём вопрос - пожалела ли? – И, будто успокаивая себя, продолжила.- Уж больно слаба она была, уж больно тосковала, вот и побоялась я правду-то сказать. Да и об Женьке же думала: вдруг да с ним что, как ей тогда? После моих-то слов, как? Так, говоришь, смурная? Будешь тут смурной - мёртвым не видела, да и не чует мёртвым его, вот и мечется душа, не находит покоя.

- Вот и я, мама, говорю, верней, хочу сказать. Может, рассказать ей всё без утайки, хоть теперь рассказать?

- Я тоже об этом думала не раз и не два. Вся жизнь теперь думами этими забита. И никакого ответа не вижу. Все слова не для неё.

- Вот и я ничего не вижу. Только смотреть на неё уже нет сил. Оплакивает его, а кого оплакивает - живого? Ой, грех-то! Ох, уж грех! Не превозмочь его, не преодолеть!- Налилась, налились глаза. – И всё же надо сказать. Ей Богу, надо сказать!

- Нет уж! – рывком прозвучали слова матери. – Опоздали мы. Если сразу не сказали, то теперь, как говорится, наш поезд ушёл. – Вздохнула.- Знать, так надо, знать, так надо. Пусть Господь рассудит нас.

- Пусть Господь рассудит нас,- как эхо, повторила Варвара. А Дарья добавила.- Коль угодно это Богу, он сам сведёт их, родимых.

И как-то легче стало обеим. Пусть хоть так. Там будет видно. Жизнь всё расставит по местам.

Да, время не стоит на месте, и как на смену зиме спешит весна, так и на смену горю приходит радость. Жизнь берёт своё, а молодость на то и молодость, чтобы цвести, чтобы покорять, чтобы томиться в ожидании счастья.

И для Галины зацвела весна – нежная, пахучая. Растопила ледок её сердца, а вот и первый росточек, неуверенный, робкий, но проклюнулся он, живёт, а оттого и дорог, оттого тепло сердцу – любовь проснулась в ней, любовь ко всему живому.

И первой это заметила она сама. Проснулась и впервые за столько времени улыбнулась – утру, тихому, ясному. А вот и солнечный зайчик – скользнул в окно и на её плечо – нежное, шелковистое, и тут же, будто обжёгшись и устыдившись, – на кровать. А ей уже ласково, тепло на сердце – радуется и весна, и этот лучик, и ещё больше радуется молодость её. «Я молода! Я хороша!» – потянулась в постели, нежно провела по бёдрам, груди и загадочно, томно вздохнула, закрыла глаза, и грудь ей ответила сладким вздохом – то проснулась душа.

Сорвалась с постели – не хочу лежать, когда весна! Бежать! лететь! смеяться! – навстречу весне, навстречу счастью, навстречу любви.

- Тётя! Тётя! Хорошо-то как! Сладко-то как!- Налетела на тётку, а та в слёзы – радость великая у неё, оттаяла племянница, живёт. А она уж бояться стала за неё. Да и за себя тоже – такой- то груз нелегко нести. А Галина дальше – как мотылёк скользнула на кухню, вдохнула аромат пищи и уже сыта, порхнула к двери – туда, на волю, в лес, в поле, в фантазию юности.

И захлестнуло её, закутило. Что родник, стиснутый камнями, пробил дорогу вдруг и звенит, поёт,

искрится на солнце, неся свои воды по камушкам, по траве, так и она, будто проснувшись и впервые увидев свет, не может надышаться, налюбоваться жизнью, покоем, волей. Расцвела красавица, расправила пёрышки, приподняла стан. Дивно хороша! женственна! прелестна! – лебёдушка, да и только!

Не заметила, как очутилась в поле.

- Боже, что со мной? Как хорошо-то! Как хорошо! - Бежит по полю. Ветер треплет ей волосы, обнимает её. А она то шепчет, то кричит, обмахивая себя воздухом, хватая воздух губами, душой.

- Я хороша! Я дивно хороша! - Бежит дальше и опять кричит. - Теперь-то я найду своё счастье! - Кружится, смотрит в небо. – Слышишь, Небо, я его найду! Обязательно найду! Ибо хочу этого!

И Небо соглашается с нею. А сердце Галины уже ищет любви, ждёт её, томится в ожидании счастья, и попробуй не дай ей его - сама возьмёт, отвоюет, обвоюет, но возьмёт и не упустит, уж теперь-то не упустит ни за что.

Всё в жизни предопределено. Исполняется всё. К чему человек готов - то и приходит. Если готов к любви – вот она, рядом. Вот и Галина готова к любви, ищет любимого, хочет забыться – в страсти новой, в хлопотах новых. А любовь-то рядом. Чуть не налетела на парня – кружилась, глаза закрыты – хохочет, поёт. А он по той же дороге идёт, только навстречу.

Парень заморожен.

- Ну и ну! Впервые вижу такую деву! Озорница, да и только!

Галина чуть испугалась – откуда он взялся? Но тревоги нет в её душе - томление там, страсть. А коль

нет - можно и поозоровать. Томно повела глазами, заалелась вся, зацвела.

- Да, озорница! - Улыбнулась, развела руки, как бы обнимая мир. - Просто мне очень хорошо сегодня! Так хорошо, что хочется петь, хочется летать! Вот я и пою, вот я и летаю!

- А может, вместе полетаем? –с улыбкой парень.- Только сначала давайте познакомимся, а? Я - Сергей.

- А я Галина,- отвечает озорница, озоруя, стреляя глазками. И тут же.- Ну что ж, полетаем! – И уже бежит, машет руками по воздуху. - Я лечу! Я лечу!

Боже, что за дева! Сергей срывается, бежит за нею. Ноги сильные, через какие-то метры нагнал озорницу.

- А дальше что?- вопрошает Галина, заливисто смеясь.

- А дальше - возьмите меня с собой! – также смеясь, отвечает Сергей. - Вы просто заворожили меня.

А уж Галина рада. Окидывает его взглядом, оценивая, озорно качая головой.

- Взять с собой? Посмотрю, посмотрю...- Подмигивает парню. - А что, такого стоит взять!

И побежали дальше по полю, озоруя и смеясь.

Мутно на душе Варвары. То радость бьётся там, то боль. Мысли путаются, пугают её. Верно ли они поступили, не сказав Галине о Жене? – И ещё страшнее.- Ведь узнает она, всё равно узнает правду, что тогда? Тогда-то что?! – Опять мучает себя. - А Галина уже с другим. Новая страсть стучится в двери, новая любовь. Это она сразу увидела, поняла. Упорхнула племянница из дома. И где она теперь, кто знает?

Одно успокаивает. И у Жени, говорят, новая любовь завелась. Всё идёт своим чередом. И всё равно стыло на душе, оттого, что упустили время, оттого, что так и не набрались смелости рассказать о Жене.

Вечер клонится к закату, а Галины нет и нет. Уж и обед остыл, впору готовить ужин, только кому, а? кому? Вот и стоит возле окна, через стекло высматривая племянницу.

Глядела, глядела и проглядела. Галина вбежала – какая-то испуганная, но и радостная одновременно, и сразу к тётке, да всё жмётся, прижимается - как птаха какая, а и есть птаха. А вот заворковала, запричитала.

- Ой, тетя, я боюсь!

Испугалась тётушка.

- Что ты? Что ты? Что случилось?

А та дрожит, а ту бьёт нервная дрожь.

- Он встретился мне... Тот, кого я ждала... А я испугалась... Мне отчего-то страшно...

Отлегло от сердца Варвары Матвеевны. Улыбнулась.

- Ну-ну! Ну-ну! Что ты...что ты, глупенькая! - Шепчет – баюкает, похлопывая племянницу по спине.- Ну-ну! Ну-ну! Чего ж так испугалась-то? Хотя понимаю...Столько лет одна, а тут снова мужчина! Вот и томишься, вот и страдаешь. Ой, батюшки-светы, всё-то мы чего-то ждём, всё-то мы страдаем...

- Да, тётушка, да, - всхлипывает Галина. - Жду чего-то, томлюсь, а все пустое. А тут встретился парень, я сначала обрадовалась, а потом испугалась. Как я без Женьки? Как без него-то, а?

«Вот оно! Вот оно! – вздрогнуло сердце Варвары. - Боже, как страшно! Как страшно-то, Боже! - Мечется душа Варвары.- Сказать? Хоть теперь сказать? – Опускается сердце.- Нет, не могу, уже не могу, ничего

не могу. Впору сгинуть, умереть, так страшно мне, сказать страшно и не сказать - страшно».

Но надо же что-то говорить. Галина ждёт. А в груди бьются слова – хоть теперь скажи, пока не поздно, скажи! - А она опять.- Нет, не могу, уже не могу. Не могу! Теперь для меня одно – врать. Врать – чтобы выгородить себя и мать, врать - чтобы легче было Галине.

Шепчет, баюкает племянницу.

- Как я понимаю тебя, родненькая моя. Тебе просто надо успокоиться. И парню подсажи: не тревожь, мол, пока меня, дай остыть. И всё будет ладно.

И уж как рада Галина этим словам, уж как рада.

- Спасибо тебе, тётушка! Спасибо! А то уж я растерялась... не пойму, что делать, как жить...

«Где уж тут не растеряться...- шепчет Варвара Матвеевна про себя. - Впору с ума сойти... от жизни такой, от любви такой.... Такая любовь – и всё прахом...»

- И всё прахом...- как эхо вторит Галина.

«Боже мой! – Варвара Матвеевна вздрагивает и отклоняет племянницу. - Боже ты мой!»

- Страшно мне отчего-то. – И Галина, как потерянная, уходит в свою комнату.

«Боже мой, она всё слышала... Душу мою слышала... Вон какая чувствительная, всё-то слышит, всё-то понимает. Только свою душу не поймёт. Мечется душенька её, не находит покоя. О, Боже, как страшно за неё... как страшно-то за неё, такую ранимую, беспомощную такую... Но и сильную... Любовью она сильна, светом дивным сильна, сердцем своим сильна, душенькой своею... Ей бы радоваться да цвести, а она вся в печали. Ей бы навстречу парню идти, а она боится. И сколько ей ещё бояться... Сколько муки ещё в сердце

её... - И опять. – Боже, что мы натворили! Что мы, мама, натворили с тобой...

Подошла к двери, послушала, потом приоткрыла чуть, и тут же тихонько закрыла.

Спит. Или не спит. Свернулась калачиком, и нет её. Опять со своими думами, со своей тоской. Опять со своим Женькой. С ним расстаться не может... Уж никак не может... Свет белый застил...

Может, сейчас сказать? Открыться: жив, мол, твой любезный друг, только покалечен. И опять. Нет, нет! Не могу! Как сказать, коль столько лет молчала? Как вытолкнуть из сердца эти слова? Да и надо ли? Когда уже с другим племянница её, когда другой стучится в сердце? Надо ли?!

Взмолилась: «О Боже, помоги! Запуталась я, уж так запуталась, сама себя не пойму. - И тут же себе. - Где уж тут Бог, коль в пучине давно. Теперь только ждать да молить Бога, чтобы всё у касатиков наших было хорошо».

На цыпочках отошла от двери, встала к окну, чуть легче вздохнула. «Сколько боли в тебе, сколько ж муки в тебе... Вот и парня испугалась...» - Улыбнулась. И всё равно хорошо. Просыпается красавица, для другого мужчины просыпается радость моя, для жизни другой... - Перекрестилась. – О, Боже, а Женька?... - И тут же.- Нет, не могу, ничего не могу! Раньше надо было сказать. Помоги ей, Боже! Помоги!

Те же слова Варвара несла матери при встрече. Всё больше лет матери, всё чаще хочется видеться с нею. Боится дочь за мать, а тут ещё грех, что стоит меж ними. Рассказала о новом парне Галины. Нет, не увидела радости, большой радости не увидела, а что

услышала, так это вздох. Ничего ведь не скроешь, а откроется, а ведь рано или поздно откроется, что будет тогда? Как они посмотрят той же Галине в глаза? А Женя? - как ему-то в глаза глядеть?!

Но теперь говорить уже нельзя. Будь, что будет. Что-то нарастало в воздухе, всё больше нечем дышать, нечем жить, негде укрыться. Ложь рождает другую ложь, а молчание, если есть что сказать, та же ложь. А они столько времени молчат.

Прошло два месяца. Встречи, расставания. Вот и сейчас Галина с Сергеем бредут по полю. Им хорошо рядом. Они счастливы.

- Подожди! - Сергей стал впереди Галины, взял её руку в свою.

- Как хорошо, что ты мне всё рассказала. Теперь я знаю всю твою жизнь. И ты знаешь мою жизнь, да и что там знать: школа, техникум, армия, интеллигентные родители, у которых я, как перст, один. - Повернул к себе Галину. - А у твоих родителей ещё кто-то есть?

- Нет, - вздохнула Галина. - Но лучше б было.

- Почему лучше? Одна – море любви, море...

- Море слёз,- перебила его Галина.- Нервно сжала правую руку в кулак. - Ты знаешь, мне порой кажется, что со мной что-то натворили. Этот приезд матери... - Она даже не заметила, что так сказала - матери. - Уж больно быстро она приехала. И глаза всё прятала... Да, да, это только сейчас до меня дошло – она всё время почему-то прятала глаза.- Поднесла руку ко рту, нервно закусила палец. - Но неужели? Нет- нет! – И, уже срываясь на крик. - Нет!!

- Что случилось? – обеспокоено воскликнул Сергей. - Ты что-то вспомнила?

- Да нет, - чуть успокоилась Галина. - Это так...
- И опять.- Только отчего она так быстро уехала тогда?
Ведь мне было так плохо? - Нервно замотала головой. -
Нет- нет, это просто блажь! Я просто устала от этих
дум, я просто....- Отняла руки ото рта, вздохнула. -
Мне надо перестать думать об этом. Отойти от этого,
уйти. Ведь у меня есть ты.- Улыбнулась, подалась
навстречу. - Ты поможешь мне, я знаю. Я вижу это.

- Конечно же, помогу! – воскликнул Сергей, не
скрывая ликования. - Доверься мне и ничего не бойся.
Обнял, прижал к себе.

- Всё у нас будет хорошо!

- Да, всё у нас будет хорошо, - повторила Галина,
вздыхнув. И тут же, без перехода. - А когда у нас
свадьба? – Она устала. Ей хотелось в другую жизнь

А Сергей взволнован. Боже, что она говорит!
Будто мысли мои читает. Будто в сердце моё глядит.

- Свадьба?- Прикинул в уме. - А что откладывать –
осенью и сыграем!

- Осенью? Так скоро? – Волнуется Галина, уже
страшно сердечку. Ведь одно дело сказать, другое -
сделать. Но слова уже вылетели. Да и надо скорее:
чтобы забыться, наконец, чтобы начать новую жизнь. И
уже соглашается, уже торопит. - Нет, не скоро. Пусть
будет осенью, в сентябре. Тепло, листья кружат. Заво-
раживает эта красота, как вино, пьянит.

Высвободилась из объятий. Разгорелась.

- Люблю осень! Люблю в это время ходить в лес
– так чудно там, сердце замирает.

- И я осень люблю!- вторит ей Сергей. – Пре-
красная пора! Очей очарованье!

- Да, сколько стихов написано об осени - пре-
красных стихов!

Взбудоражены души. Взбудоражены сердца.

Сергей рывком опускается на одно колено. Глаза устремлены на любимую.

- Делаю тебе официальное предложение: стань мой женой!

- Ой, Серёжка, как строго-то! – волнуясь, шепчет Галина.- Я даже испугалась! - Улыбнулась. - Я согласна быть твоей женой. Я согласна!

И как же взволнован Сергей. Слёзы радости в глазах, слёзы счастья. Поднимается, обнимает любимую, крепко-крепко, и шепчет, шепчет.

- Сегодня самый прекрасный день в моей жизни! Самый прекрасный! Можно, я тебя поцелую?

Сладко вздыхает Галина.

- Конечно же, можно.

- Впервые целую свою невесту!- воскликнул Сергей, целуя Галину.

Дрожь прошла по спине Галины. Но она сдержалась. Закрыла глаза, и опять Женька перед ней, и поцелуй будто его.

А вот и свадьба позади. Да и какая свадьба, так, посидели с родителями – с его родителями, выпили за их счастье. Родителей Галины на свадьбе не было. Так и не решилась она открыться. Подумала: ещё рано, пусть всё останется так.

И ещё два года пролетели как один день, как один миг – в счастье и радости время быстро летит. Особенно для Сергея. Не надышится он на жену, не посмотрится – так люба она, так желанна.

И Галине хорошо с мужем – нежность идёт от него, спокойствие, женщиной чувствует себя Галина, желанной и любимой, сама уже тянется навстречу, ждёт ласки, сладких слов, прикосновений.

Но иногда, чаще во сне, иной мужчина приходит

к ней, другие видит глаза, другие руки ласкают её, другие губы шепчут нежно и страстно: «Галинка! Радость моя! Как хорошо-то с тобой! как хорошо!» - и проснувшись, не сразу отходит она – всё ещё во власти сна, во власти страсти. Нежностью отзовётся душа, сладко на сердце – Женька! Мой Женька! Знает, чувствует – нет Женьки, сон это, только сон, а не хочет прогонять видение – насладиться, намучить себя – до боли, до сердца, а там опять жить, быть покорной и нежной женой и чудесной хозяйкой.

И Сергей не трогал её. Видел её борьбу, слёзы мимолётные видел в глазах, но молчал – и ещё больше любил - за сердце её, за терпение и доброту. И всё чаще благодарил судьбу – за счастье великое, за Галину. Говорят, что к счастью привыкают – для него оно каждый день ново, а жена с каждым днём всё более волнует. При одной мысли о ней закипает кровь, и страстное желание обволакивает его, и ещё больше она дорога, ещё больше желанна. Он каждый день видел в своей возлюбленной новое и каждый раз удивлялся, заметив что-то иное в её характере,- то во время разговора, то просто в мимолётной встрече с кем-либо родным или даже посторонним. И ни одна её черта не была противна ему - наоборот, в каждой подчёркивалась прямота её души, её суждений, доброта её сердца, ненависть ко всему пошлому – вся её душа была наполнена благородством, стремлением помочь ближнему, защитить беспомощного и просто сделать счастливее, хоть ненадолго - любого человека.

Но ещё большего счастья ждал Сергей. Да и Галина тоже жила в ожидании чуда, то моля приблизить этот день, то пугаясь – а вдруг он совсем не настанет?

Ещё год пролетел. Что-то зреет в воздухе, то ли какая-то тайна откроется вдруг, то ли высветится такое, отчего обоим станет так радостно, так привольно, что и квартира, подаренная родителями Сергея на свадьбу сына, и всё вокруг сразу обретёт иной смысл, станет ярким и незыблемым.

И вот оно, пришло. Галина только что вернулась с работы. Но какая-то она не такая – солнечный свет пронзает её, и вся она как солнышко – яркая, пахучая. Пробежала на кухню – надо готовить ужин, надо приготовить сегодня что-то необычное, чтоб этот вечер запомнился надолго – навсегда.

Заходит Сергей. Галина не вытерпела, вышла встречать мужа.

- Здравствуй!- тоже радостно Сергей. - Обнимает жену, целует. - Но какая-то ты не такая? - С придыханием. - Неужели...?!

Глаза Галины сияют.

- Да, я жду ребёнка. Теперь могу об этом заявить открыто.

И закачался Сергей- так долго ждал этого момента, а теперь не может с ним совладать.- О, Боже, я сейчас упаду! – Прижимает её к себе и шепчет, в испуге шепчет.- Я просто не могу совладать с собой... Такая радость... такое счастье...- А сам обнимает, а сам целует жену - в губы, в щёки, в шею. - Галочка! Галочка моя! - Вздыхает.- А я уж начал бояться...

Галина вздрагивает. Озноб проходит по телу - зябко ей, зябко.

- Не надо, Серёжа. Больше не надо...- Тут же срывается и убегает в другую комнату.

А Сергей уже ругает себя. За эти годы он научился понимать жену. Да что понимать- он видел, чувствовал, что она до сих пор любит Женю. Вот и

сейчас его вспомнила, того ребёнка вспомнила. Не избыть, видать, ей эту муку... И как же он недоволен собой. А тут я, с радостью своей. Мог бы и потише...

Ходит по прихожей и вздыхает. Такая радость- и опять эта тоска.

«И сколько ещё она будет носить эту муку? Год? Два? Или всю жизнь? Вот и радость для неё неполная. Не может отдаться полностью - ни радости, ни счастью. Всё-то у неё вполювину. И сама будто разбита надвое: одна половинка со мной, другая – с Женькой. И когда я склею эти половинки? И смогу ли? Наверное, не смогу...»

Опять ходит, ходит, ходит- так ему легче, сердцу его легче. Да и думаю тоже.

«Вроде, забудется, вроде, вся моя. А тут опять... Ночью стонет, плачет – Женька, Женька мой! И такая тоска в голосе её, такая мука, что выть хочется, просто хочется выть. Не отходит от неё Женька, никак не отходит...»

А вот и Галина - забежала, взбудораженная, и счастливая, и пугливая одновременно. Слезы счастья в глазах, но и мука там, и тоска - всё сплелось в этой женщине, оттого и дорога, оттого и жалко её до смерти. Подлетела к мужу.

- Прости меня! Прости!

- Это ты меня прости. Я просто ошалел от счастья. – И опять обнимает, целует, еще и ещё.

А уж она ластится, а уж ей хорошо – просто вплетается в мужа, запрокидывает голову, ждёт новых поцелуев. А сама шепчет- воркует.

- Я тоже очень рада. Я тоже боялась... Я уже перестала ждать... Думала – больше у меня не будет детей. А тут – такая радость. А про того я никогда, наверное, не забуду. Мы так хотели его... - И опять

поникла. И опять слёзы потоком из глаз.

Боже, что горлинка - такая же трепетная, нежная, такая же слабая в своей тоске. Прижимает жену к себе. Гладит ей плечи, спину, да всё шепчет, шепчет - теперь уже шепчет, баюкает словами.

-Я знаю. Я знаю, Галочка. Это твоя боль, мука твоя. Как и Женька. И не думай обо мне плохо – я понимаю тебя, и ещё больше люблю - за эту муку, за терпение твоё.

Отнял её голову от груди, заглянул в заплаканные глаза.

- Родная моя! Как я буду без тебя, если...?

- Что ты говоришь? - в испуге отшатнулась Галина. - Какое если?

- Сам не знаю... Откуда взялись эти слова? Даже страшно стало... Пойдём ужинать! А то договоримся, Бог знает, до чего! – Подошёл, обнял жену за плечи и повёл на кухню. - Пойдём! Пойдём, родная!

Что-то ели, пили чай, разглядывали друг друга. Он уже увидел – по-новому горели её глаза, и вся она перед ним уже не просто женщина – мать.

- Галочка!- Не вытерпел, встал, подошёл. Она тоже встала, подалась навстречу. Прижал её к груди, и она затихла, и только дыхание, взволнованное, идущее из сердца, выдавало её состояние. – Галочка! Родная моя! Сколько радости ты мне дала, сколько счастья! – Ещё крепче обнял – не надышится, не налюбуется ею.

Да, им нечего было сетовать на судьбу. Всем лучшим, что было у них, они обязаны ей.

И для Жени прошло ещё три года. Нет, он чуть изменился: повзрослел, мужской силой налился. Но отношение к жизни осталось прежним – никого из жен-

женщин не хотел видеть рядом с собой. К Люсе привык как к другу, как к человеку, с которым можно погулять, поговорить. И только. Шесть лет прошло, но ничего не забыто, ничего.

Однако у Людмилы что-то стронулось в душе. От Галины, наконец-то, получила письмо. Та пишет, что уже три года замужем, что всё у них хорошо. Только о ребёнке ни слова – зачем раньше времени говорить.

И Люся решилась. Не хочет она больше ждать. Пора определяться. А если человек чего-то хочет, он не сидит на месте. И Людмила поставила перед собой цель: разузнать у Жени о его чувствах к Гале. Начала издалека.

- Да, жизнь не стоит на месте. Так и должно быть.

- Что? О чём это ты?

- Да и о нас, и о Гале.

- О Гале?! Ты что-то знаешь о Гале?!

- Теперь знаю. Недавно письмо пришло от неё.

Галя уже три года замужем, хорошо вроде живут. - Сказала, и как-то легче стало. Да и что теперь молчать, когда иная жизнь у Галочки, когда всё уже позади. Даже если он захочет поехать – всё позади.

И точно.

- Люся, едем туда! – тут же подхватился Женя.- Хочу всё знать – чтобы жить дальше.

Вот так. Но и верно. Он должен увидеть это.

Галина успокоилась, настроилась на материнство. Нет, она пока работает, работа ей не в тягость, но уже ждёт того времени, когда будет дома, когда все мысли её будут об одном - об их ребёнке.

А вечерами они дома – ужинают, ведут неспешные беседы, а после ужина или смотрят телевизор (если есть чего смотреть), или просто сидят рядышком и шепчутся. Сергей обнимет свою жёнушку – тепло от неё идёт и какая-то благодать – только от беременной женщины идёт такая благодать, а уж если она любима, тут уж дыши, не надышишься, вбирай в себя, черпай эту благодать – а её всё больше и больше. Как колодец летом – чем больше черпаешь воды, тем больше становится её в колодце, так и женщина – чем больше любишь её, тем она добрей, милей и желанней.

Чудный вечер. Галина, сидя на мягком удобном диване, вяжет крючком носочки малышу. Сергей из своего кресла с любовью наблюдает за ней.

- Эти крохотные носочки будет носить малыш?

- Они ещё будут ему велики! – Галина лукаво взглянула на мужа. – Видела у одной знакомой малыша. Ножки, – вот такие! – показала двумя пальчиками.

- Неужели? – удивился Сергей. – А я-то думал...

- Ты думал, что ножки у него будут, как твои?

- Ну, не как мои. Но всё равно мужичьи...

- Вам бы себе под стать! Мужичьи! А как нам рожать этих мужиков, вы об этом не думаете. – Вздохнула. – А я вот уже боюсь. Чувствую, он растёт во мне, молю, чтоб не сильно вырос, боюсь не разродиться.

- Да что ты! – садясь рядом и обнимая жену, успокаивает Сергей. – Будто ты первая! – Приник к её животу, шепчет. – И всё равно ты не больно-то расти! А то мамаша боится. Вот родишься – тогда на здоровье – хоть на килограмм за сутки поправляйся. Понял?

- Понял, понял! – со смехом отвечает Галина. – Отец первое наставление сыну или дочери даёт!

- А как же! Их только так и воспитывать!

ВТОРАЯ КНИГА

Звонок испугал их. Сергей бежит открывать. «Кто это?» – пугается Галина, а в сердце уже тоска, что-то неясное зреет в душе, какая-то то ли пустота, то ли тревога. Откуда они?

И вот.

- Тебе телеграмма!- забегая в комнату, помахивая каким-то листочком, с улыбкой восклицает Сергей.

А Галине всё тревожней. Поднялась с дивана, вся подалась навстречу.

- Мне? От кого? - Берёт из рук мужа телеграмму, читает. - Боже, это от Люськи! Вот радость-то! Вот радость!- Прижимает листочек к груди, в волнении вздыхает.- Я тебе рассказывала о ней. Подруга это моя, самая хорошая подруга. Боже, как я соскучилась по ним всем! Только теперь поняла... - И опять завяла, будто сердца её коснулся какой-то невидимый зверь и душил, душил его.

- Что она пишет?- в нетерпении Сергей. И ему передалось волнение, и ему уже страшно.

- Проездом будет у нас, - чуть слышно отвечает Галина. Ей зябко, так зябко ей. Но вот налилась, всем телом налилась, вздохнула и, на одном дыхании. - Пойду встречать! Завтра она приезжает.

- Вместе пойдём. Я не отпущу тебя одну,-тут же подхватился Сергей.

- Нет, я пойду одна,- как о решённом, заявила Галина, всё так же прижимая листочек к груди. И ещё раз повторила. – Я пойду одна. – Подняла на мужа глаза – больные глаза.- Это встреча с нашей юностью, по-

нимаешь? – И, уже мягче.- Мы не виделись много лет.

На это возразить нечем.

- Когда хоть приходит поезд?

- Утром. И как хорошо, что завтра выходной.

Даже отпрашиваться не придётся.

- Подгадала твоя подружка.

- И правильно сделала, что подгадала. Хоть бы дня два пожила у нас. Наговориться хочется. - Мечтательно вздохнула. - Столько лет не виделись... Столько лет...

Да, не всегда бывает так, как хочешь. Случается, вся жизнь переворачивается в одну минуту, и все прошлые мечты и стремления летят к чёрту, ибо уже ничего не значат по сравнению с новыми ощущениями.

Так случилось и с ними. В один миг перевернулось то, что, казалось, было незыблемым, один миг стёр из памяти всё, чем жили целых шесть лет, одного мига было достаточно, чтобы забыть и не только забыть, но и предать то, что до сих пор составляло их жизнь и что они именовали счастьем.

Да, хватило одного мига, одного взгляда...

Известие о приезде подруги и обрадовало Галину, и растревожило. Воспоминания вновь нахлынули на неё – родной город, родители, Женька.

Муж видел состояние жены, понимал её волнение - она снова там, с Женькой, и не заслонить её от этого, не спрятать.

- Может, всё же я пойду с тобой? Ей Богу, мне было бы легче.

- Нет! Я должна идти одна, и только одна.

И он понимал её - ей хочется задать подруге

вопрос, который легче задать без него. И вопрос этот касался Жени, это он тоже знал. Что ж, это даже лучше - спросит, услышит ответ и успокоится, наконец. Всё уйдёт в прошлое, им обоим станет легче.

И как же ждала Галя утра. Торопила время – будто утро что-то подскажет или даст ей успокоение. А и даст - она, наконец-то, услышит те слова, которые когда-то прознесла её мать и которым она до сих пор не верит. Она, наконец-то, удостоверится в смерти Жени, и ей, наконец-то, будет легче, хоть чуть легче. Она, наконец-то, отпустит его, ибо держит до сих пор, а это невыносимо, а это так больно, у неё уже нет сил.

Нет, ничего не забыто, просто ненадолго улеглось в тайниках души, и хватило двух слов телеграммы, чтобы поднять, растревожить душу и вновь напоить мозг болью утраты. Но если б знала она, что ждёт её на перроне, верно, взяла б с собой мужа, чтоб он помог ей пережить то, что, как глыба, обрушилось на неё, отчего вся её счастливая жизнь полетела к чёрту.

Поезд затормозил, и вагон под номером «9» оказался как раз напротив Галины. Дверь тамбура открылась, и за несколькими пассажирами показалась голова Люси, и Галя, в радостном возбуждении от встречи с юностью, помахала ей рукой. И вот подруга возле неё. Бросила чемодан и просто повисла на Гале - видимо, тоже страшно соскучилась, видимо, тоже рада встрече с ней. Наконец они отпрянули друг от друга, радуясь, что не постарели, что почти те же.

И тут Галю словно током пронзило – от простых, вроде, слов, и даже не от слов, а от голоса, сказавшего эти слова.

- Здравствуй, Галя! – произнёс этот голос, и она,

подняв взгляд, отшатнулась и в испуге попятилась назад – перед ней стоял Женя, её Женя, прежний и немного не похожий на себя. Лицо – то же, лишь глубокие шрамы кое-где прорезали его, и весь облик его, одна разница - у прежнего Жени не было трости, а этот поддерживал, должно быть, больную ногу тростью.

Тысяча мыслей в одну секунду пронеслись в мозгу Гали. «Как же так, ведь он умер? Но он живой... Но почему, почему?!» - И лишь одна мысль пока не вонзилась в её мозг: «Неужели меня обманули?» - эта мысль просто щадила её, щадила на время, ибо Гале просто бы не выдержать ещё и этого.

Она настолько была потрясена и настолько чувствовала себя виноватой перед Женей, что даже не ответила на его приветствие. Но вот повернула лицо к подруге и в упор, задыхаясь:

- Почему? Почему не сказали?- И ещё резче, почти срываясь на крик.- Почему?!

И Люся не нашлась, что ответить. Она ничего не знала об их отношениях. Ей казалось, что Галя просто побоялась соединять свою судьбу с калеккой, поэтому так поспешно ретировалась.

- Ты что, не знала, что он живой?

- Я ничего не знала! Мне сказали... Мне сказали, что он погиб. - И выкриком, болью.- Почему не сказали, что он живой? Почему!?

Как же страшно стало Людмиле. Она поняла, что проиграла. И как же ругала она себя. Зачем напомнила Жене о Гале? Зачем привезла его сюда? Но откуда ж ей было знать, что Галя считала Женю погибшим. Она-то думала...она-то думала... Да что теперь - все её думы, все её мечты разлетелись в прах - вон как глядят друг на друга, глаз оторвать не могут.

И уже считала себя виноватой – ведь не писала,

даже слова не писала. Но куда писать, если даже родители Гали, по их словам, не знали точного адреса дочери, и, к тому же, ссылались на то, что ей не нужно писать – зачем беречь раны, пусть ничего не напоминает ей о прошлом.

Ничего не ответила, да они уже и не ждали ответа – от неё не ждали ответа. Да и что она может ответить? И к чему Гале её слова – когда Женька перед ней, когда взор его в неё, Галинку. Боже, как страшно! Как страшно-то, Боже! Она считала его мёртвым, и теперь, обретя его вновь, уже не того, другого Женьку, но живого же, живого!- просит у подруги ответа.

А Галя уже и не ждала ответа. Её взор впился в Женю, а в мозгу неотвязно шептались мысли – неужели это не сон? неужели это он, мой Женька?

О том, что он уже не её, вернее, она уже не его, у неё не возникало мысли, на это ещё не хватило её энергии – вся она ушла на восстановление сил после столь сильного потрясения. И тут её пронзила огромного заряда мысль: «Да что ж я стою,- это же он, мой Женька!» И она бросилась к нему, обняла, прижалась, просто вплелась в него и зашептала: «Женька! Мой Женька! Любимый! Живой!»

И только тут до Жени дошло, отчего она так испугалась, отчего так побледнела, увидев его. «Она же считала меня мёртвым! Но почему? почему?» - Теперь уже ему стало страшно, теперь уже он был потрясён, и не менее, чем она.

Вопрос не хотел оставаться в душе Евгения без ответа, потому он задал его вслух.

- Ты что, Галя, считала меня погибшим?

- О, да! О, да, Женя! Если б ты знал, как мне было плохо.- От одного воспоминания о пережитом слёзы брызнули из глаз, и словно туманом обволокло созна-

ние, и Женя, почувствовав это, обеспокоенно спросил.

- Тебе плохо?

- Да, мне плохо, Женя, мне очень плохо,- не таясь, ответила Галя. А ей действительно было плохо, и не только от слабости – больше от того, что она так жестоко обманута.

«Обманута?» - эта мысль засела у неё в мозгу и уже не отступала, но Галя гнала её хоть на время прочь, зная, что если поддастся этой мысли, ей просто не выдержать.

Людмила, видя, что она тут лишняя, решила оставить их одних.

- Галя, я, пожалуй, пойду,- тихонько сказала она.

- Да, да, иди,- тут же ответила Галя, даже не подумав, куда может пойти подруга, если она приехала именно к ней. Эта мысль, как и все прочие, даже не могла сейчас возникнуть в опустошённом этой встречей мозгу. В нём сверлила и сверлила одна-единственная мысль: Женька живой! Мой Женька живой! – и от этой мысли было сладко и тревожно.

Люся ушла, а Женя, видя, что Галя оглядывается по сторонам в надежде увидеть укромное местечко, чтобы присесть и спокойно поговорить, предложил:

- Ну, что, пойдём куда-нибудь? Хотя бы вот в этот парк, - показал он взглядом на небольшой сквер, где росли сиротливые берёзки и на дорожках стояли две-три покрашенных скамейки.

- Да, да, пойдём,- охотно согласилась Галя, ибо ноги уже не держали её.

Прошли в парк, сели на скамью, и все вопросы, что они хотели задать друг другу, вмиг улетучились. Оба не знали, с чего начать разговор или же просто боялись этого разговора.

Но начинать всё же надо.

- Галя, ты замужем?- спросил Женя, хотя уже знал ответ на этот вопрос.

- Да, Женя, я замужем, - как можно спокойнее ответила Галя, но вздох выдал её чувства.

Дальше она не дала ему говорить. Ей просто не хотелось терять время на никчемные вопросы, на которые заранее готов ответ. И она решила идти напролом.

- Женя, ты приехал ко мне, да?

- Да, Галя, я очень хотел тебя видеть.

- Ты ещё не забыл меня?

- О, нет, Галя, я не забывал тебя ни на минуту.

И ей вновь стало плохо и невыносимо стыдно за себя – ведь о себе такого сказать она не могла. Но он понял её.

- Галя, я всё знаю. Ты давно замужем. И верно счастлива?

- Счастлива? – переспросила она и машинально, не думая, ответила.- Да.- И тут же, как бы извиняясь, добавила.- Я же не знала, я ничего не знала.

Он повернул её к себе, заглянул в глаза – тоска, боль в его глазах – и сказал:

- Говори, Галя. Я всё хочу знать. Всё, слышишь?

С болью рвались слова, болью сжимало сердце, билось там, металось неотвязное – за что? за что? И вот рассказ окончен, но слова идут – идут из души, злые, больные – сердце рождает их – саднит, рвёт его, мнёт в невыносимой муке. И вот прорвались слова, единым вздохом: «Да как она могла? Как она только могла?! – И ещё злее, ещё хлётче слова.- Я ж не прощу ей этого! никогда!»

Больно и Жене. Видит- любит она его, страшно любит, рвётся на части, рвётся сердце к нему. А вот и

он вскинулся словами:

- И я виноват! Почему не кинулся за тобой, когда уже мог? Я ж поверил, что ты отказалась от меня, и сдался. А мне не надо было сдаваться, никак не надо! Но всё же мне легче,- продолжил он после минуты молчания,- я свободен, я волен в своих чувствах, а ты нет. Ты принадлежишь не себе, а мужу, и сейчас, я ж вижу, ты думаешь не столько обо мне, сколько о нём.

Галя не хотела разуверять его. Действительно, так или иначе, все её мысли упирались в мужа. И она ответила:

- Да, Женя, тут уж ничего не поделать. Я замужем.

- Да, ты замужем,- вздохнул Женя и, набравшись смелости, сказал.- Но ты же не знала обо мне? Ведь, зная, что я жив, ты б не вышла замуж? Ведь не вышла б, а?

- Да, - ответила Галя, ещё не понимая, куда клонит Женя.

Огонь блеснул в Жениных глазах – синие, влажные, прекрасные Женькины глаза – молнии пляшут в них, горит душа, сердце горит, и жар этот ходит по телу, жаром пышет и взгляд его – в неё этот взгляд, в сердце само. А вот и слова – такие же жаркие, жгучие:

- Но я же живой! Вот я, Галка! Галинка моя! – Сжал, сграбастал, дышит в лицо – всё такой же сильный, страстью пышут глаза, любят её глаза – весь он, каждой клеточкой, каждой жилочкой любит её, хочет её и страшно боится её отпустить. – Галинка моя! – Истома обволакивает тело Галины, звон в ушах, и так хорошо, сладко так – будто и не было этих лет, будто и не расставались они – нет, не забыто, ничего не забыто – так же млеет от него, так же тянется навстречу, так же страстно хочет его. Но нельзя, нельзя – несвободна она,

несвободна. А сама тянется к нему – хоть поцелует, это-то можно, хоть посидеть рядом, в объятьях его подольше побыть.

- Ой, Женька мой! Женька! – А он опять – целует, ласкает её и шепчет, шепчет – сквозь слёзы, сквозь вздохи её.- Уедем, слышишь, уедем... Я так люблю тебя, люблю... И ты любишь меня, я ж вижу...

Опомнилась Галя. «Что это со мной? Нельзя так, нельзя». Отодрала руки от себя, облизала губы – сладко-то как! сладко! И заспешила, заторопилась:

- Нет, Женя, это невозможно. Я жду ребёнка.

- Ребенка?!- Враз опустили руки, взгляд погас, а вот и тоска плеснулась в лицо. Галя видела, как побледнел он, как затряслись от обиды на свою судьбу его губы, а руки нервно задрожали, взгляд стал колючим, укоряющим.

И ей захотелось встать и уйти, чтобы не мучить ни себя, ни его. И она встала, сделала несколько шагов в сторону, и болью кольнуло сердце: он её даже не остановил. И она пошла дальше.

И тут он сказал:

- Иди, Галя, иди. Но нам ещё надо встретиться. Приди вечером сюда, больше я пока ни о чём не прошу.

Он сказал – «пока», и это слово обеспокоило её и одновременно напоило радостью.

- Хорошо, я приду вечером,- ответила она, лишь на секунду обернувшись, и ушла, оставив его наедине с думами и сомнениями.

Едва Галя скрылась из виду, Женя вскочил с места. Просто не мог сидеть, душа рвалась куда-то, хотелось убежать от самого себя. Но не убежишь. Ходил он, ходил и опять пришёл к этой скамейке, сел, зажал голову руками, отрешённый, опустошённый,

просто выпитый весь.

И тут его заметила Люся, давно обитавшая здесь, и по одному взгляду догадалась, что у них с Галей произошло. Уже направилась к нему, как вдруг он моментально вскочил и, отмахиваясь и обходя всё и всех, ринулся к вокзалу. Люся кинулась следом.

Он стоял за углом – там народу совсем мало – и в нетерпении, в злости мял в руках сигарету, и взгляд его то быстро поднимался вверх, то тут же опускался – видно было его сильное волнение. Люся подошла, тихонечко, будто боясь испугать, дотронулась до его руки, он тут же обернулся, и взгляд на миг потеплел, но вот глаза опять застыли, ушли вглубь, и видно было, что ему очень и очень плохо. А вот он уже говорит:

- Люся, уйдём, уедем отсюда. Я не могу, я просто задыхаюсь тут.

Люся поняла его. Ни слова не сказала – потом, пусть остынет, пусть перебродит в нём злость, волнение этой встречи, пусть улягутся на место мысли, а там, может, и слова будут не нужны. Но как же тяжело ему, как тяжело. Нестерпимо смотреть на него – побитый, опустошённый, а глаза – в них вообще сил нет глядеть – боль плещется, бьётся в них, и тоска, смертная тоска.

Той же тоской окутало Люсю, боль и страдания передались ей, и, кто знает, не пожалела ли она о содеянном – может, уже ругала себя за эту встречу – не надо было её, ох, не надо. Но то же сердце отвечало – надо! – и Женькин взгляд, пусть и боль в нём, тоже говорил – надо!

- Ребёнок. У неё будет ребёнок,- выдохнул Женя – невыносимо держать это в себе – боль ищет выхода, взгляд – сострадания, сердце – участия.

Страшно стало Люсе. Вот отчего бесится он, вот что стало на их пути.

- Ребёнок? – невольно вырвалось из сердца. И он ответил, резко и зло.- Да, его, его, Люся, ребёнок!

Вот она, жизнь. Блеснёт раз удачей, счастьем озарит на миг, а там - слёзы опять, страданье да боль. И если б не надежда, не стоило б жить. Надежда тешит нас, ведёт вперёд. Лишь она всегда впереди – как ясный луч, как тайна, скрытая от нас, как путеводная звезда.

Не терял надежды и Женя. Ломило, ныло сердце, а он приказывал ему – молчи! Страдала и мучилась душа, а он просил – отстань! Тоска звала отсюда – беги! беги!- а он и её гнал прочь – нет, она моя, моя, слышите вы все! И сквозь боль, рыдания души высветлялся её образ – Галинка! Родная моя! Боль моя! Радость... И уже пела, молилась душа – люблю тебя, слышишь, Галинка, страшно люблю...

И отступила Люся. Не надо слов- пусты они. Бежать, бежать отсюда – от этой любви – пока не захлестнула обида, пока не заплакало сердце – от скорби, от зависти к подруге. И она ушла. И Женя даже не заметил этого. Никто и ничто не существовали сейчас для него. Один образ, одно лицо стояло перед ним, жило в нём, поило его душу – болью, радостью, надеждой – Галинка! – ею он жил, дышал и не мог надыхаться.

Вздохнул – не ушло ещё время вздохов. Сказал вслух: «И всё равно я буду ждать тебя... Я уже жду тебя, Галинка... - Глаза плакали, голос дрожал. - И я знаю, что ты придёшь... А что будет дальше, - с силой сжал правый кулак, вздохнул,- я не знаю».

Дотронулся ладонью до лба – страшно болела голова. И опять мысли неслись к любимой.

«Но тебе труднее, тебе в тысячу раз труднее, Галинка моя. Я свободен, а ты... Ты связана двумя узлами. И всё равно ты придёшь, чувствую это. Ибо и ты не можешь без меня, ибо это сильнее нас... Я и сам себя

боюсь... и за тебя боюсь... Мне бы бежать, сесть в поезд и бежать отсюда... А я не могу... Прикипел, жду чего-то... Чего я жду? Чего?! Я жду, как помешанный, твоего приговора. Боюсь его и опять жду. Надеюсь,- озноб прошёл по телу, - нет, не надеюсь, боюсь, и всё равно жду, как подаяния, твоего слова. Без него мне не уехать, я связан тобой, я не могу... Я ничего теперь не могу, Галинка... Я спутан, я в путах твоих, Галинка...»

Зажал голову руками, закрыл глаза. Боже, скорей бы вечер... скорей бы вечер...

Закурил, нервно мнёт в руках сигарету. Нет, надо идти отсюда! Хоть куда, только идти! Не то я рехнусь... До вечера точно рехнусь... - Вздохнул - А она придёт, она обязательно придёт, я чувствую это...

Тут же сорвался с места. Куда угодно: в город, за город, только б чуть отпахнуть, только б чуть забыться.

Знал он, чувствовал – придёт Галя вечером, уже ждёт этого часа, томится по нему. Только труднее ей, куда труднее. Но придёт, всё равно придёт – это сильнее её, сильнее их, это – любовь...

А Сергей не находит места себе. Ждёт жену с подругой. Давно бы пора им прийти, а их всё нет и нет. Уже терпение потерял, уже намеревался бежать на вокзал, узнать, разузнать- вдруг да случилось что.

Скрипнула дверь. А вот и Галя. Но что это с ней?- вялая, понурая, выпитая вся.

- А где Людмила?

- Людмила? Какая Людмила? - Подняла на мужа глаза, затуманенные болью, - и вздохом. - Серёжа, я видела Женю.

- Что!?! – отшатнулся от неё, сразу нечем дышать, да что дышать – жить нечем.

– Да, я видела Женю, - наседали словами Галина. - Он жив. - И, увидев, как у Сергея в испуге, в недоумении поднялись брови и весь он сжался, будто в предчувствии беды, обмякла, разрыдалась. - Ой, как всё сложно, Серёжа, как сложно.- А вот подняла глаза, в душу глядит.- Ты только ни о чём не спрашивай. Хорошо? Я сама ещё ничего не знаю. – Вздохнула, но взгляда не отвела.- Одно скажу: сегодня я снова пойду туда, он очень просил.- Взглянула в глаза – страданье в глазах её, боль, плачут глаза, ищут поддержки, а вот и слова, и в них – та же боль.- Не знаю, что я скажу, ничего не знаю, но то, что я сделаю, будет верным. И не вини меня, милый, не вини. – Устало взглянула на мужа.- Мне надо побыть одной. Прости, я так устала.... - прошла в спальню и закрыла за собою дверь.

Какая жуткая минута! Невыносимая. А её надо прожить, протащить сквозь себя. А с нею и боль, страх, что затмили всё собой, что всю прежнюю жизнь повергли в прах.

А была ли она, прежняя жизнь? Или только иллюзия жизни? Ведь они оба жили будто взаимны. Женя отошёл, уступил своё место Сергею, и он воспользовался им, а потом, с истечением времени, даже уверился, что место его. Но вот Женя явился и попросил освободить своё место - нет, он не гнал, не угрожал, не буйствовал и даже не умолял – он просто пришёл, явился. Теперь, что ни говори, что ни делай, всё упирается в него. Это понимали они хорошо.

Страшно было Гале – страшно за свою судьбу, за судьбу мужа, но сквозь страх пробивалась радость, и эта радость заполняла всё вокруг и заполняла её. Ещё душа не верит, ещё боится – а вдруг да это обман?

вдруг да померещилось ей? – а невидимый звоночек отвечает – нет, не померещилось, это Женька твой, и он живой, он живой. И радостная волна захватывала её, мучила, пеленала в своих объятьях – уж таких сладких, непомерно сладких, и уже не хотелось ждать вечера – бежать! сейчас же бежать! - увидеть его, почувствовать. Она оживала – она оживала для Женьки, ещё не верила и верила себе, её мысли путались – то сладкие – где Женька, то горькие - где оставался муж, но она жила, она уже жила.

Это Галина, это её душа. Но что происходило в другой душе, намного страшнее. Если душа Гали, хоть и боялась, страшилась будущего, но ликовала же, ликовала, то в душе мужа этого ликования, увы, не было. Он ничего не говорил. Просто наблюдал за женой, просто вспоминал рассказы её – о Женьке, об их любви, вспоминал вздохи её, сны, в которых она звала Женьку, и душу его охватывало холодом. Понимал Сергей - теряет жену – вот-вот она уйдёт, вон, уже поглядывает на часы – скорее бы вечер! скорее бы туда! к Женьке!- и ничем не мог себе помочь. Да и что он мог? Закричать – нет, ты моя! – ну и что? послушает она его?- нет. И это он хорошо знал.

Но как же тяжело, как тяжело ему, и как им всем сейчас тяжело. Всем троим. А о четвёртом – о том, что ещё не родился, говорить не надо. Он будет счастлив - невзирая ни на что, его будут любить – несмотря на обстоятельства. И любить ещё сильнее, как бы платя ему за беспокойства да радуясь, что он пережил вместе с ними такое. Да, ребёнок тут не пострадает, он только выиграет, и ему даже позавидовал Сергей. Тут дело в маме этого ребёнка, вот в чём главный вопрос. Куда она пойдёт? И что она решит? И ещё страшнее стало Сергею, ибо он понял, что теряет двоих. Ведь ребёнок,

хоть он уже есть, и хоть он его, пока ещё одно целое с матерью, её частица, и куда пойдёт она, туда понесёт и его. И даже тут он не властен! Даже тут ничего поделать не мог. В один миг, в одну минуту он лишился всего – и счастливой жизни, и жены, и ребёнка. Всё летело в тартарары. И нет того человека, что защитил бы его, и нет слов, что заставили бы жену отступить. Нет таких слов. А оттого так страшно – душу свело, сердце свело, а в голове - дзиль! дзиль! – будто молоточек стучит, отсчитывая его последние минуты – последние минуты счастья.

Нестерпимо жаль Гале мужа. Хоть она ещё ничего не решила и это же твердила душе: «Я ничего не знаю, я ничего не решила», Но душа же и отвечала ей: «Решила, моя хорошая, уже решила! - И ещё больше была душа в грудь.- Только увидела Женю, только поняла, что он жив, уже решила. Просто боишься признаться в этом, ибо жалеешь мужа». – «Да, жалею,- отвечала она душе,- ведь он-то ничем не виноват!» - «А ты виновата? – опять дразнила душа. – А твой Женя виноват? – И та же душа шепталась в ней.- Жене досталось больше всех, он больше всех пережил, а значит, больше всех достоин счастья». И она соглашалась с душой, и радовалась за Женю, и опять жалела мужа. Но вот вспоминала о главном – Женька жив! Её Женька жив! – и все мысли летели прочь, и сияло сердце, радовалось и плакало – от невыносимой радости, от предчувствия счастья.

И всё-таки надеялся муж - может, передумает? может, пожалеет его? Ведь ребёнок же у нас, он вот-вот родится. И Галя, чувствуя его взгляды, вопросы его немые, порой сдавалась –ведь у нас ребёнок, у нас семья, – но это только на миг – совесть говорила в ней, человеческая совесть. Но тот же голос, голос совести,

в следующую секунду твердил другое.- Мужа не хочешь предать? А Женя? Его что, предашь во второй раз? А не много ли этого, а? А не лишне ли для одного человека? – И опять мучилась душа, вставал перед ней образ Женьки: глаза его, слёзы его, и сжималась душа, и молила – родной мой, прости!

Прошла от окна к двери, за которой был муж. Остановилась. «Нет! И с мужем остаться не могу. Ничего не могу... Потерялась, запуталась... - Опять прошла к окну, резко повернулась -. Боже, как страшно-то! За свою судьбу, за судьбу мужа... А тут ... Женька... Его-то как скинуть со счетов жизни? Его-то как откинуть? - Счастливая улыбка осветила её лицо. - Женька! Женька мой! О чём это я... Ведь он живой... Что это я? Что это я? - В изнеможении, в радости. - Женька! Женька мой! Живой... - Взглянула на часы -. Только двенадцать. Боже, как долго! - В испуге схватившись за грудь -. А может, это сон? Может, не было его? - Радостно вздохнула. - Нет, был... Был Женька... И сейчас он рядом, родной мой...»

Подошла к столу, налила из графина воды, выпила. И опять о муже. «И этого до смерти жаль. Но что скажешь ему, если уже готова... - И опять. А как же он? – Вздохнула-. Не знаю. Да, я жалею его. Но только жалею. Люблю же я Женьку. Я больше всех люблю его. – Потянулась. Томно вздохнула. - Мой Женька жив! Мой Женька жив! И прочь всё остальное! Главное – он жив! - Улыбнулась.- Нет, надо отдохнуть... И время быстрее пролетит. И я опять увижу его... моего Женьку...»

Прилегла на кровать, накрыв ноги пледом. Она не слышала, как вошёл муж – постоял над нею и тихо прошёл на кухню, чтобы приготовить обед. Обед, к которому, скорее всего, никто не притронется.

Вечером Галя встала, привела себя в порядок. Взглянула на мужа, вздохнула и вышла.

И вот Сергей один. Один. Ходит и ходит по комнате, не знает, куда себя деть. И только шепчет: »Всё пропало! Всё пропало! Как дальше жить? Чего ждать?«

Вышел на балкон. Смотрит вдаль - туда ушла Галя, туда она ушла, к другому мужчине. Закурил и тут же смял сигарету в пепельнице. Всё больше нервничает.

«Она вот- вот уйдёт к нему. А я... А я опять останусь один. - Вздохнул. - А ребёнок? Наш ребёнок? Нет, она не может уйти, ведь у нас будет ребёнок.- Стиснул голову руками. - И всё равно уйдёт. Это сильнее её, это сильнее всего. - Встрепенулся.- Что это я? Сам себе подписываю приговор. А она что? Что надумала она?»

Снова закурил, глубоко затянулся. Взгляд не отпускает пустоту, взгляд направлен вдаль. «Где она теперь? С ним? – Махнул рукой.- Нет, надо отдохнуть! Иначе сойдёшь с ума! Иначе точно сойдёшь с ума!» Просто хватается себя за шкирку, просто тащит себя с балкона - быстро в спальню, подальше от окна, подальше от двери. Рухнул на постель, зарылся в плед и затих, хоть на минуту затих.

Лишь только вышла Галя из дома, лишь только захлопнулась за нею дверь, силы оставили её. Хотелось броситься назад – спрятаться, заслониться от того, что ждёт её впереди. Но и назад она вернуться не могла. Женька звал её, сердце её звало – иди, родная, иди!

Она шла, считая шаги: раз, два, три, четыре, пять, шесть. Эти годы она прожила без Женьки. Дальше счёт путался, дальше была неизвестность. Но чем ближе к вокзалу, тем сильнее стучит сердце – что ждёт её там? какие слова скажут ей?

И когда она увидела Женю, взглянула в глаза, измученные тоской, глаза, ждущие от неё решения судьбы, поняла, что назад хода нет. Она просто не могла допустить, чтоб человек, истомлённый болезнью, измученный страшным бременем разлуки с ней, вновь потерял её. Его глаза молят быть с ним, и весь его вид, жалкий, беспомощный, хоть он и старался выглядеть бодрым, говорит, что ему плохо без неё, что будет просто бесчеловечно оттолкнуть его.

А вот и слова, которых боялась она и которых с замиранием сердца ждала.

- Галинка, поедем со мной! - слова из сердца, из души.- Я не могу уехать без тебя.- Тоска плещется в глазах, с уст срываются слова.- Лучше б я не приезжал!

Встрепенулось сердце – болью, тоской ожгло его. Слезы враз волной, горячие, из сердца, из души.

- Нет, не лучше! Не лучше! – боль плещется в глазах, болью горят глаза. – Ты должен был приехать! – Вздохнуло сердце, вздохом слова.- Но лучше б ты приехал раньше!

Женя понимал её, понимал, как трудно ей, как рвётся в эту минуту её сердце. Но и оттолкнуть его она уже не могла – это он тоже видел. И он сказал:

- Я знаю, тебе жаль мужа. Но пожалей и меня, я страдал больше. – И тут его прорвало.- О, если б я знал, что ты считала меня погибшим, я б давно нашёл тебя! Я б исколесил всю Россию, но тебя б нашёл! – Слезы в глазах, тоска в них, боль, любовью, жаром пышут глаза. А вот и руки к ней, весь подался к ней. – Любимая моя!

Единственная! – Но погас взгляд, нет ответа ему. Но не остановиться уже. Душа болит, жжёт душу боль, и уже зло в словах, дрожат губы, слёзы вскипли вмиг.- Но как же злы люди, если могут сделать больно тому, кто и без этой боли задыхается. И ладно я... Как могла она обмануть тебя, свою дочь?

Этого уже Гале не вынести.

- Прощу тебя, не надо! – простонала она.- Не говори так!

- Не надо? – взъерошился Женя.- Не говорить? – Скрипнул зубами, затряслись руки, боль плещется в глазах.- Да это ж она, только она виновата, что мы не вместе. Она заставили нас страдать. И это она,- голос его сорвался, видимо, от страшного волнения,- она погубила нашего малыша. Слышишь, она! И я не прощу ей этого никогда! – Потеплел голос, но тоска так и плещется в нём.- Я ж понимаю, сколько выстрадала ты. Ты же очень хотела этого ребёнка.

- Да, Женя, да,- болью откликнулась Галя и затряслась, забилась как раненая птичка.

Ещё больше зла в Женькиных глазах – за её боль, за её страдания.

- Да как она могла... по самому больному... это ж бесчеловечно... это ж подло, подло, подло...

Нельзя его остановить – он должен выговориться, он должен выпростать душу.

- Если б ты знала, как я жил эти дни и эти годы. Не было дня, когда б я не задавал своей душе вопрос – чем я виноват перед тобой? что сделал, чтоб ты оттолкнула меня? И не находил ответа. И это мучило меня, мучило изо дня в день. - Голос его сорвался, взгляд стал злым, беспощадным. – Но почему ты сбежала тогда? Почему не приехала, не удостоверилась, жив я или нет? Ну, почему?! – тряс её Женя, заглядывал в душу и не

находил ответа.

А ей нечем было ответить, ибо она сама задавала себе тот же вопрос - почему? И как же ругала она себя, что не послушалась тогда души, а ведь она звала ее, звала и звала – и наяву и во сне – не отступай! не верь им! съезди сама, удостоверься. Не прислушалась тогда к душе, не прислушалась и потом, когда ночами Женька звал её, говорил, что не может без неё – ведь то ж душа напоминала: жив он, тоскует, ждёт тебя, - а она опять гнала эту мысль да прогоняла видение, принимая его за наваждение. И только теперь она поняла – не наваждение то было, мысли его, Женькины, тоска его передавались ей – её он звал, её любил и её страшно хотел – потому и не посмотрел за это время на другую женщину, потому до сих пор не женат.

Он и сейчас страшно хочет её – будто и не было этих лет, будто не долгая разлука меж ними была, а так, несколько дней, но он уже успел соскучиться и готов выпиться в неё, расцеловать и раствориться в ней.

А он и впрямь как чумной. Выговорилась душа, выплеснула все слова, теперь легче ей, легче и ему. И не надо ждать от Гали слов – вот она, перед ним, глядит в глаза, молит глазами: не мучай меня, родной, не мучай. И заслонили всё её глаза. Ничего не видит, ни о чём не хочет знать – любимая перед ним, глаза её, губы её трепетные, что так любил он целовать, и вся она, прежняя, волнующая. И нет сил у Женьки – потянулся к ней, к её губам, к её глазам, обнял и зашептал вне себя:

- Я никому тебя не отдам! Слышишь, никому! Я так долго шёл к тебе, я так истомился по твоим губам, по всей тебе, что больше я тебя никому не отдам!

И Галя уже тянулась нему, да что тянулась – она уже была его, и хоть судила себя: нельзя так, нельзя! –

– а глаза молили, притягивали её, а вот и губы его на её губах, и померк свет, нет больше Гали, нет её, нет.

И опять стало страшно – что я делаю? зачем? А Женя целовал её, целовал и шептал: «Поедем, поедем со мной, родная, я не могу без тебя!» Теперь уже Галя прислушивалась к душе. А та ей шептала – не надо торопись, не торопись, пусть всё уляжется на место.

Да, сложная штука жизнь. Такие кренделя порой выламывает, такие узлы вяжет, что и не знаешь порой, как к ним подступиться. Вот и перед Галей встал вопрос: как жить дальше? Но она не спешит отвечать на него – тот, кто ошибся раз, другой раз не будет спешить – жизнь сама подскажет, что и как.

Отлепила Женины губы, но не отошла от него – так же, глядя в глаза, сказала:

- Нет, Женя, идти с тобой я сейчас не могу. – Увидела, как заблестели, загорелись обидой его глаза, и тут же болью сжало сердце – родной мой! Но не изменила слов – сказала те, что готовилась сказать, что диктовало само сердце.- Ты и сам не простил бы меня, поступи я так.

Схватил за руки – мольба, стон в глазах.

- О, нет! О, нет, Галя! Только не уходи!

Не хотел он отпускать её. Сколько времени шёл к ней, ждал этого часа, и вот, когда он настал, его час, когда всё, казалось, свершилось, взять и отступить? О, нет! Нет! И хоть совесть его шептала: она права, у неё муж, она чужая, наконец, но сердце отталкивало эти слова. Сейчас оно не хотело слушать даже голоса совести. Оно любило, оно настрадалось от любви, оно истомилось в разлуке с любимой, оно не хочет больше разлук.

Страшно боялся Женя новой разлуки. Он видел, что Галя по-прежнему любит его, что она в смятении,

что сердце её разрывается надвое. Видел он и то, что перевес сейчас на его стороне. Но это же только сейчас, когда он рядом, когда всё остальное для неё не существует. Но чувствовал он: стоит ему уйти, скрыться из глаз, и тут же перевес будет не на его стороне – те, двое, перевесят.

Нет, нельзя отпускать её, нельзя позволять, чтоб она опомнилась окончательно. И так уже столько времени потерял. Надо было просто схватить её, когда она только подошла к нему, задушить в объятиях, оглушить лаской своей, двумя словами оглушить, и тут же, не дав ей опомниться, затащить в вагон – в любой вагон, любого поезда, и пусть силой, пусть бесчестно, но увезти её, от её прошлого увезти. Ведь любит же она его, а значит, хоть и переберется, перемучается, но не уйдёт – это Женя просто чувствовал, знал.

Он и теперь готов был задушить её в объятиях. И слова бы подходящие нашлись. Да что их искать, ими полна грудь!- вот они, ласковые, нежные, горячие, так и теснят, так и распирают грудь. Но уже нельзя, уже потерял миг, теперь эти слова только оскорбят её, а значит, пусть пока подождут.

Стиснул ей руки выше локтей, сильно, больно. Весь он был напряжён, глаза горели, плакали, стонали глаза, губы враз спеклись. Жаром окутало от одной мысли о расставании, болью ломило сердце. А вот и слова, жаркие, горячие, сердце в них, душа его, Женьки.

- И всё-таки я не могу, не могу тебя так просто отпустить! Уже не могу, слышишь?!- Руки ещё крепче впились, ещё крепче сжали. Глаза – в её глаза, боль в них, страх в них, – вот она, рядом, а не твоя, уже не твоя! Но, отпугивая эту мысль, твердит сердце: будет моя! будет! будет! И, словно в дополнение его слов. –

- Я боюсь тебя отпускать! Боюсь, слышишь, Галинка? - Имя это, родное, тысячу раз повторяемое раньше и вот уже столько времени только во сне или шёпотом, всколыхнуло его, бросило в дрожь, а вот и слёзы прорвались, скупые мужские слёзы. И ослабли руки, слабость во всём теле. И уже тихие слова, глухие – тоска, безысходное горе в них.- Я уже не смогу без тебя. Просто не смогу. – И опять эти слова, как отзвук пережитого, пережитого. - Лучше б я сюда не приезжал! - Это уже стон души, крик души.

Боль режет сердце Галины. Тоска Жениной души, боль его передались ей. Глаза вмиг повлажнели, налились слезой, и вся она дрожит, как мотылёк.

- Нет, не лучше! Не лучше, слышишь! –Слова вырвались произвольно, но оттого они хороши, оттого и дороги. В них крик души, в них обнажённое сердце. Вот оно, тоже тоскует, та же боль плещется в нём, то же страдание. Глаза - в его глаза, тонут в них, плачутся, страдают. Больно обоим, тяжело, но и отраднo.

Нет, не посмел он схватить её, хотя руки просто просились, и сердце заламывало от предчувствия радости: вот она, на руках! моя! моя! моя! Обидеть её боялся, унижить, что ли.

А она разволновалась. Вот- вот сама бросится на шею. Едва сдерживает себя - нельзя: не одна я, не свободна. Уняла себя, волнение уняла, но слова всё же вырвались из души, из сердца вырвались эти слова:

- Люблю тебя! Страшно люблю, Женька! И не знаю, что теперь будет со мной. Одно прошу: не неволь меня, не мучай зря. Дай перестрадать, перемучиться дай.

И всё. Бежать бы Жене, пока не остыли эти слова. Но ноги не слушались, они не хотели уходить,

теперь уже совсем не хотели. Другими глазами глядел на неё Женя, глазами мужчины на женщину, и мысли бесовские одолевали – утащить бы её куда, заласкать, зацеловать. Но гнал эти мысли от себя, хотя всё естество просило эту женщину, хотело её, измучилось по ней.

Но нельзя, ничего нельзя, мысли и те спрятать, чтоб не увидела их, не обиделась за них. Но как тяжело это, неимоверно тяжело. Всё же пересилил себя. Сдался Женька, во имя любви сдался.

- Хорошо, Галя, я оставлю тебя сейчас. – Слова глухи, волнение прорывалось в них.- Но знай: для меня существуешь только ты. – Помолчал, добавил.- Одна ты у меня, Галинка,- опять «Галинка»,- на всю жизнь одна.

Он тут же ушёл. Миг, и нет Жени. И опять она одна, одна, одна. И опять мозг пронзила мысль, страшная, пугающая: «А может, его и не было, а? Может, это лишь сон? Или наваждение?» Но волнуется сердце, горят глаза. В них он, Женька! Нет, не обманулась она – был он здесь, её Женька, был!

Не скоро Галя пришла в себя – она ещё была там, с Женькой. В сердце только он, в глазах только он, больше ничего и никого. Слова его, вздохи его, взгляд его, тревожный, волнующий, руки его сильные, до сих пор будто ломит выше локтей. А последние слова так и бьют в голову – «Одна ты у меня. Галинка, на всю жизнь одна!» – бьют и бьют, и от них и больно, и тревожно, и сладко.

Но уже проскальзывала, проносились и иная мысль: муж, муж. Но проносились легко, без боли. Будто пустяшная какая: скользнёт, исчезнет, скользнёт, исчезнет.

Но настало время, и мысль эта превратилась в реальность, а Женька, Женька, хоть и невольно, но отодвинулся на задний план. «Муж? У меня же муж! Что же это я, а? Как же это я? – Заохало, застонало сердце – не вмоготу ему, рвётся болью, разрывает боль на части. – Да как же это, а? Да что же делать-то мне? Что?» Заломило голову – от дум этих, от безысходности, от страшного напряжения. А слёз нет, высохли слёзы, заперла их боль, отгородила перегородкой – мучайся, терзайся, но не плачь.

Но прорвались слёзы, сломали перегородку и потоком из глаз. Плачет, стонет душа, изливается в слезах сердце, думы теснят голову, всё больше этих дум, всё страшнее они, всё страшнее от них.

«Бежать! Бежать домой!»- просто приказывает себе. Но нет сил, слабость во всём теле, ноги, будто песком налились. Опустилась на скамейку и дала волю слезам, благо, никого рядом, не мешают выплакаться, облегчить душу, освободить, хоть чуть-чуть, хоть на грамм освободить душеньку свою.

Но и слёзы не облегчают. Да и где же будет легче, когда ничего не видится впереди, когда сама душа раздвоилась, когда сердце разорвано на части.

Нет, надо домой! Быстрее домой! – просто стаскивает себя со скамейки и бежит, действительно бежит. Домой! Там она будет не одна, там ей будет легче...

Нет, не убежать от себя. Никому ещё это не удалось, не удалось и ей. Ещё хуже стало. И дом не радует, и чистота, порядок в нём будто в укор ей – что, мол, предала нас, забыла?

А вот и муж вышел из спальни, но глаза не сонные, не спал он. Тревога в глазах, страх. Суется глаза, бегают по ней, по комнате, перебегают на дверь, будто

боясь, вот сейчас откроется она, и войдёт тот, кого больше всего не хотелось видеть, кто больше всего страшил, пугал.

Ещё хуже Гале, невыносимо тяжело. Хочется спать. Опостылело всё. Разом опостылело.

- Ты постель разобрал? – выдавила из себя. И, увидев, как обидели мужа эти слова, ведь не их он ждал, не этих слов требовала его душа, Галя разрыдалась. Быстро прошла в спальню, скинув только туфли, ничком рухнула на постель и забилась, затрепыхалась как птичка, попавшая в силлок.

Сергей подошёл к ней, тронул за плечо.

- Разденься, Галя, и отдохни. И не надо так, его пожалей.

И в первый раз Галя не захотела этого ребёнка. Лишним он был сейчас, ненужным ей. Даже возникла мысль убить его, а ещё лучше, так же, как тот: был, и нет. Иного она хотела ребёнка, ни от мужа, а от Женьки, вот тому она была бы рада.

Эта мысль лишь на секунду коснулась сознания и тут же отступила, но и мимолётная, она была страшна. Да как же это! Да что же это со мной!

И слёзы пропали. Ушли слёзы, только сильнее болела голова, да ломило сердце. Застонала, зажала голову руками и тихо прошептала:

- Ни о чём не спрашивай, Серёжа, слышишь, ни о чём. Я тебе сейчас ничего не скажу, я и сама ничего не знаю.

- Спи, Галя,- только и мог сказать муж. Хотя тысячи вопросов роились в голове, тысячи мыслей терзали грудь. Но кого спрашивать? От кого ждать ответа? И ещё роднее стала жена, ещё желанней, ещё любимей – за боль эту, за муку, за страдание её. Подойти б и зацеловать, сказать, чтоб не мучилась, не страдала за них. А

как скажешь? Да и поймёт ли она? Нет, это её. Пусть перемучается, перестрадает, вывернет душу наизнанку и тысячу раз обольёт слезами, но решать только ей, только ей. Накрыл её пледом, минуту постоял. Вдруг всё же скажет что? или спросит? И неслышно отошёл. Но тяжкий вздох выдал его переживания, и вздох этот болью отозвался в сердце жены.

Стучат на стыках колёса, поезд уносит Женю всё дальше и дальше от Гали. И как же стыло на душе. И как же страшно ему. От страха ищет поддержки. И у кого - у той, что самой нужна поддержка. Но своя боль всегда больнее. Из груди рвутся слова.

- Люся, она не поехала со мной, она не хочет меня!

Страшно Люсе – страшно за Женю, страшно за Галю, страшно за себя, и за кого страшнее, неведомо. Он так любит Галю, он по-прежнему любит её, хотя его предали, предали, предали. А она опять в стороне, она, как всегда, в стороне. Всё же пытается помочь.

- Что ты? Что ты? Не надо! Успокойся!

А он ничего не видит, а он никого не видит. Галинка пред глазами, взгляд её, смятение, испуг. И в сердце рождается крик – истошный, раненый крик:

- Боже, нас предали! Нас предали, Боже! И кто? Тот, кто должен оберегать, тот, кто должен страдать за тебя. Мать, нас предала её мать! Как она могла? Как она только могла? А вот могла. Заслонила, спрятала от меня Галинку. Будто пёрышко какое, будто вещь.- Заломил руки, глаза не видят ничего, мука там, боль и опять мука. - Как жить? Как жить, Люся? Если по тебе так прошлись, если ты для них никто?- Шумно вздохнул, сел на топчан, руки сжал в кулаки, трясёт руками.

– Но главное не это. Это бы я пережил. Вот Га-лина... Она так путано говорила, я ничего понять не мог.

- Ей нужно время. Она не одна.

- Да. Она не одна, уже не одна. Их трое. Это я один, опять один. Куда уж мне тягаться с троими!

- Не надо Женя. Тут ей решать, только ей. Как она решит, так и будет.

- Да что тут решать? Те, двое, перевесят!

А вот этого совсем не ожидала Люся. Женя набросился на неё, повалил и ну мять, и ну шептать:

- Я больше не могу! Я больше не хочу! Я больше ничего не хочу! Ты здесь, ты со мной, и пусть будет так!

И как же хотелось Люсе, чтоб было так. Вон, его руки обнимают её, глаза молят: отдайся! отдайся! Нет, не может. Это горячка, это всплеск, он пройдёт, и ей будет ещё хуже, да и ему тоже.

- Не надо, Женя. Ничего не надо. – Отвела его руки, а тут и его отвела от себя.- Тебе надо отдохнуть. Тебе надо успокоиться. – И это сказала, хотя и тут играла против себя.- Галя тебе обязательно напишет. Жди.

- Спасибо, Люся! Спасибо!

Рывком, глаза в его глаза, слёзы в его слёзы, горят глаза Людмилы, спелыми маками горят.

- Эх, Женька, и зацеловала б я тебя сейчас, только, увы, на чужом несчастье своего счастья не построишь. Да и не со мной ты сейчас, и теперь не со мной. Зачем мне это?

- И опять ты права. Как же ты знаешь меня.

- Как же я люблю тебя!

- Не надо! Прошу, не надо!

- Не буду.

И как же ругала себя Людмила, последними словами кляла. Вот дура, повезла друга, думала, узнает о Гале всё, отойдёт. А он ещё больше взбесился, а он ещё больше любит её.

И всё же надеялась на чудо. Мы все надеемся на чудо иногда. А вдруг это всё? А вдруг Галя не оставит мужа? Ведь ребёнок у них, ребёнок... И опять. Нет, оставит. Они же чокнутые: и Галка, и Женя, а такие идут наперекор судьбе, такие всё сметают на своём пути.

И закружилась карусель. Уж так закружилась. Нет, не могла Галя сразу уйти от мужа. Что-то держало, останавливало её. И вот она поняла, что.

На другой день Галя засобиралась к Варваре Матвеевне.

И вот они напротив друг друга. И.

- Как ты могла? Как вы могли так с нами?

«Боже! Вот оно!» - Сжало сердце Варвары. Болью кинуло в Галину.

- Прости, мы боялись за тебя.,- защищается Варвара. -Боялись, что не выдержит твоё сердечко нового известия.- Говорит и трясётся, душа в ней трясётся, всё естество трясётся в ней. Ведь столько лет молчали, за столько лет – ни звука. Выдохнула с болью, и, с той же болью, криком .-Это твоя мать заварила кашу. Прилетела, раззвонила: Женька умер! Женька сгорел! Что мы могли сделать, если поверили ей? А когда открылось, опять жалко тебя. Вдруг да не выживет парень, как вынести тебе это во второй раз? А потом? Как сказать об этом потом?

А Галя уже не слушает её.

-А ведь я всегда чувствовала его живым. Понимаешь, живым! Я всё время чего-то ждала. Боялась и

ждала. - Воздела руки к небу.- О, как же я ругаю себя! Почему поверила ей?- Ещё выше крик.- А потом? Почему не поехала туда потом? Когда оклемалась, когда уже могла? А теперь? Как быть мне теперь? - Но как плохо ей, невыносимо плохо. Там Женька, тут Сергей, кого выбрать, кого обойти? Хотя, уже выбрала. Сердце выбрало. И опять. А Сергей? Что будет с ним? И взревела белугой, и забилась – запричитала. - Что делать мне, Господи? Помоги! И так, и так страшно...

Даже воздух в комнате пропах болью. Боль рвалась отовсюду: от стен, от дивана, на котором сидела Галя, боль висела в воздухе, и уже нечем дышать, от этой боли нечем дышать.

- Галенька, малыша пожалей! Хоть его пожалей!- со стоном Варвара.

- Малыша?! – вонзилась в неё взглядом Галина. - А Женькиного малыша она пожалела? А Женьку моего она пожалела?! – Воздела руки к небу.- Ой, не могу! Не могу я, Господи! Как тошно мне! Так уж тошно мне!

И Варваре тошно. Тошно и страшно. А ну-ка опять? Переводит огонь на себя.

- Меня ругай, Галенька, а вот бабушку пожалей. Она извелась вся, жалея тебя.

И не смогла Галя пересилить эти слова. Бабушку перешагнуть не смогла. Уж кого-кого, а её корить не за что. Та так жалела её, так плакала. Да если б не она, что случилось бы с нею? Только и вздохнула - Боже, какая трудная жизнь, сколько намешано в ней!

- Бабушку не трону, ни разу не укорю. А вот мать... Нет у меня больше матери, точка!

Как страшно слышать это из уст молодой женщины. Беременной женщины, что сама скоро станет матерью. И ещё труднее возразить на эти слова, да что труднее – невозможно. Только и скажешь: жизнь всё расставит по местам. Надо только переждать.

- Тётушка, дайте мне чаю. Я очень хочу пить. Я очень устала. – А ведь не хотелось задерживаться здесь. Выскаться и бежать. А вот не смогла. Их-то за что корить? Их-то за что? За любовь? Так за неё не корить, благодарить надо.

И уже за столом сказала со вздохом:

- Я не держу на вас зла. Вы так любили меня, вы так любите меня. И бабушке скажи это: я не держу на неё зла. А вот про мать не вспоминайте, у меня больше нет матери. – И совсем страшно.- Я её никогда не прощу!

Он прошёл мимо своего дома. Он торопился в другой дом. И вот он там. И сразу.

- Как вы могли?! Как вы могли так с нами?! – Те же слова, та же злость.

Катерина попятилась к окну. Так взбешен был Евгений, так горели его глаза. А Максим ничего не понимал. Что с ним? Какие страшные слова он говорит!

- Ты о чём, сынок? Что случилось?

- А вот это вы спросите у своей дрожайшей супруги. Она... она похоронила меня, она сказала Гале, что я умер, и та от горя потеряла ребёнка, нашего ребёнка. Она...

- Что!?! – перебил его Максим. – Что ты сказал? Она похоронила тебя?

- Да, ваша жена похоронила меня, в этом же убедилась и вашу дочь. И та, обезумев от горя, бежала подальше ото всех, чтобы забыться, прийти в себя.

-Теперь мне всё ясно,- выдохнул Максим. – Теперь я всё понял. А то пытаю её: где Галя? отчего не едет домой? А она одно - нечего тут делать! – Он наливался злобой, он зверел.- И я, грешным делом, уже подумывал плохо о дочери – что испугалась, что бежала от беды. А

тут такое! А тут – такое! – Вызверился, подскочил к жене.- Как ты могла, а? Как ты только могла?!- Он тряс её за плечи, он был безумен. И вот. – Да с кем это я живу? С кем?! Это же исчадие ада? Это же... – Заскрипели зубы, заиграли желваки на скулах, стоном вырвались слова.- Нет, я тебе этого никогда не прощу! Никогда! – Обхватил голову руками, замотал головой.- О, доченька моя! Что же ты пережила! И ты, сынок, и родители твои. А она спокойненько жила: ела, пила, спала. Боже, с кем же я жил! С кем же я жил, Боже мой?!

Сразу после ухода Евгения Максим покинул свой дом. Вслед ему неслись слова:

Но я же хотела как лучше...

По возвращении от тётки, Галя собрала вещи и ушла из дома. Мужу при уходе сказала: -«Мне надо всё хорошо обдумать».

И только вздох провожал её.

Поселилась Галя на это время у подруги. Та жила с ребёнком на окраине города. У неё она нашла приют, у неё нашла и поддержку, и понимание.

Мужчины не тревожили её. Лишь изредка мельком видела мужа. И было отраднo, что следит за нею, и ещё более отраднo, что не докучает, не теребит зря. А Женька уехал. Тоже не хотел мучить её, заставлять страдать. Но знала Галя: он уехал, чтоб вернуться вновь – когда она позовёт, когда он будет очень нужен.

Люди тоже понимали её, настоящие люди, а до сплетников ей не было дела.

Женя пришёл домой в возбуждённом состоянии. Снял туфли, прошёл в комнату. Навстречу мать. Как

она ждала сына, как переживала, и вот он, злой, взъерошенный, перед нею.

Мать всё поняла и всё же спросила: - Ты видел Галю?

- Да, я видел Галю. – Воззрился в глаза матери, будто в них ища защиту.- Мама, нас предали. Нас предали, мама. И кто предал? Её мать.

- Как?!

- А вот так. Съездила туда, ну, к бабушке Гали, и сказала ей, что я погиб. Она похоронила меня, мама, понимаешь? И Галинка сломалась, потеряла ребёнка, нашего ребёнка.

Как страшно! Ей страшно, а сыну?

А сын продолжал.

- Но это не самое страшное сейчас. Она жива, я тоже жив, мы нашли друг друга. Но... - Трясётся сын, сама жизнь трясётся в нём, болью пышут слова.- Мама, у неё будет ребёнок. Всё так сложно, мама.

Мать открыла, было, рот, чтобы повторить это слово – «ребёнок», но слово не вылетело из уст, слово осталось в сердце. Больно её сыну. Зачем же причинять лишнюю боль? Тут надо потихоньку. Тут надо поддерживать сына, неназойливо, мягко поддержать.

- Успокойся, сынок. Всё будет хорошо. – Откуда взялись эти слова? Скорее, их вытолкнуло сердце, материнское сердце всё чувствует загодя: и радость, и беду. Тут же радость. Лишь произнесла эти слова и сама поверила в них, и у сына щёки загорелись, чуть потеплели глаза, страх стал меркнуть, а вот и исчез совсем. Зачем он тут, после таких-то слов?

- Правда, мама?

- Правда, сынок. – Мать тронула сына за руку. - Я чувствую это. Вот-вот твоё время придёт, а может, уже пришло. Радость ждёт тебя, несказанная радость.

И заплакал сын. И плакал долго. А мать вышла из комнаты. Сын должен побыть один.

Вот она, любовь. Неимоверной мукой приходится платить за неё, неимоверной болью. И ещё слаще она – сквозь всё прошла, сквозь время прошла и победила. Да как же не восхвалять её, как же не превозносить её снова и снова. И как же не восторгаться и не любить – любить и любить, дарить любовь, благодарить за любовь, и снова любить и восторгаться.

Живые токи в сердце Евгения. В душе подъём. Ещё плачет душа, не верит в счастье, но звенит же, звенит.

А вот и мать. Мать всегда чувствует своё время. Улыбается сын, сквозь слёзы улыбается сын.

- Мама, она обещала написать.

- Ну, вот. Всё хорошо, сынок. Всё у тебя будет хорошо. Ты дождался своего счастья, ты дождался его. – Откуда эти слова? Кто их преподносит ей? Материнское сердце, что недавно страдало за сына, что готово было себя на заклятие отдать. Теперь же иное в сердце живёт – радость там живёт, разрастается, ширится, вот – вот займёт весь дом, и дальше, и дальше. Они дождались счастья, оно уже на пороге.

- Mamочка, я так люблю её! Я так её люблю!

- Потому Господь и свёл вас, что оба любите так, что готовы друг за друга умереть.

- Да, мама, я готов за неё умереть! Но теперь я хочу жить! Я обрёл свою Галинку, я её никому не отдам!

- Вот это слова мужчины! Bravo, сынок! Bravo! Только...

- Сейчас я не трону её. Но я чувствую, мы будем вместе, мы столько времени к этому шли.

Вот она, жизнь. Вот он, выбор. В жизни всегда

надо сделать правильный выбор, и она повернётся к тебе и порадует тебя. Не бойтесь же этого: сделать правильный выбор, как бы страшно вам не было иногда.

Одна. Одна. Никого рядом. Почему? Что я сделала такого, чтобы остаться одной?

Третий день Катерина не находит себе места. Третий день третирует себя, третирует своё сердце - что я сделала не так? почему они отвернулись от меня?

Да, она до сих пор считает себя правой - что вторглась в судьбу дочери, что переломала там всё. Но ведь она хотела как лучше, но ведь она обязана позаботиться о своём единственном ребёнке.

И Максим ушёл. Почему? Он-то почему? Что я сделала не так для него? Что?! Вызверился, налетел как шакал, выплеснул ушат грязи и ушел.

Нет, что ушёл, не страшно. Мало ли бесятся супруги, мало ли один или оба встают на дыбы, но ведь успокаиваются, опять идут навстречу, опять, как ни в чём ни бывало, живут дальше. А этот ушёл, будто в воду канул, будто и не было его. Был, и нет, а это так страшно, а это так мучает, гнетёт.

И сердце беспокойно. А ведь, вроде, до сего времени всё как-то лепилось, всё как-то сглаживалось, а тут, этот взрыв, этот шквал, этот ураган, – он смёл её, подмял под себя, и уже нечем дышать, нечем жить.

Выходит, она была не права, если он так, если и муж с нею так. Ну, ладно, Евгений. Да, возможно, она переборщила, записав его в мёртвые. Но откуда ж ей было знать, что он выкарабкается, что он будет жить? И откуда ж ей было знать, что он будет почти здоров?

Надо же, съездил к Гале. Вот выхухоль, не успокоится никак. Другой бы парень думать о ней забыл.

Ведь она убежала, считай, предала. А этот за ней, этот опять за ней.

Заревновала. А она не видела дочь уже столько лет. Она, мать, столько времени не видела свою дочь. А этот уже съездил туда, всё там разведал, выведал.

Враз вспотели руки, гнев поднялся в груди. Ну и что, облизнулся? Не твоя теперь Галина. Уже не твоя.

И опять на сердце тепло. Всё складывается так, как она хотела. А этот выхухоль побесится, побесится, да и женится на Людке. Вон как она стрекочет вокруг него, чисто стрекоза. Вот и живите на здоровье, а в нашу жизнь не лезьте!

Уже на Людмилу переключилась

«И эта хороша! Выведала адресок Галины, и Женечке на блюдечке: там-то и так-то живёт твоя зазноба. Вот уж дура, вот уж дура набитая, больше никак и не назовёшь! Кому сказала-то? Зачем? Ведь ещё б чуток перетерпеть, и был бы твой. Хотя, и теперь будет. Галина замужем, дитя вон ждёт. Зачем ей какой-то там Женька, притом, покалеченный, когда ясный сокол рядом сидит?»

Но беспокойство не оставляло Катерину. Что-то зрело, ширилось, росло, и это что-то пугало её. Подспудно чувствовала, что её спокойной жизни приходит конец. Если уже не пришёл. Сопротивлялась, успокаивала себя: всё хорошо, у меня всё хорошо, но в сердце росла тревога. И не только тревога - отрешённость. Сердце всё больше пугало её. Будто спорило с нею, а где-то и отторгало её, и ей становилось всё более неуютно, даже страшно. Именно страшно: страх закрадывался в душу, мям, пеленал её, мучил, долбил, страх утверждался в её душе, вил гнездо там, а это пугало, а это уже пугало.

Приказывала себе - надо спать! Ночь успокоит

меня, ночь даст мне отдых. Но и ночь не несла успокоения. Мучили кошмары: дочь на полу белугой ревет, молит спасти ребёнка, уж так она воет, уж так она заламывает руки, и такие у неё обессиленные глаза, такой испуг на лице - Катерина будто воочию видит это, будто это происходит сейчас.

- Мамочка, спаси его! Мамочка, пожалей, хоть его пожалей! – Будто из преисподней этот крик, и голос-то замогильный.

Страшно Катерине. «Боже, я схожу с ума! Откуда этот крик? Зачем?! - Силится открыть глаза, а вот и открыла - никого. А крик живёт, а крик звенит, а крик полоняет её, вот уже полонил.

И, будто в оправдание себе, ответный рождается крик.

- Нет! Нет! Я не виновата! Я хотела как лучше! Зачем тебе этот ребёнок? Зачем тебе Женька, если столько здоровых мужчин на свете, если можешь иметь кучу здоровых детей? – Слабеет крик, и крик устал, всё тише, тише звуки, а вот исчезли, растворились в ночи. Сразу уснула, не уснула, провалилась в сон – до того измучил этот крик, до того безумен он.

Но уже боялась ночи. День ещё можно пережить: работа, заботы, хотя, какие теперь заботы, если и муж ушёл. Но день есть день: светло, люди кругом. А вот ночь - ночью она одна, ночью защиты нет. А если опять придёт этот крик? А если опять навалится на неё эта жуть? Нет, лучше не спать- читать, вязать, только не спать.

Читала - сначала возле настольной лампы, потом включила дневной свет – так уютней, так не страшно. Лишь когда сон смежил веки, откинулась на подушку, уснула, вернее, забылась. Нет, эта ночь была без кошмаров, и то, слава Богу. Ко всему привыкает человек.

Но к кошмарам привыкнуть нельзя. На то они и кошмары, чтобы мучить, терзать.

Она ещё ждала мужа. Она ещё не разуверилась в нём.

Людмила не находила себе места. На что она надеялась, поехав туда? На всё, только не на это. Да, она знала: Женя любят Галю, всё ещё любит. Но знала она и другое: у Гали давно другая семья, она счастлива с другим мужчиной. А значит всё. Ждала, они встретятся с Женей, этого уже не миновать, и он, узнав, что у неё всё хорошо, успокоится, наконец. И как же она теперь ругала себя, что проболталась, что вспомнила о Гале, вернее, ему напомнила о ней. Как же она наивна. Верила, что ничего серьёзного там не будет. Успокаивала себя: Галя - это прожитый этап, притом, сама сбегала от него. А она, вот она, рядом, всегда рядом. Да, Людмила надеялась, что Женя выберет её. Все мы надеемся на что-то, верим в то, чего так хочется нам.

С этой верой она ехала туда. Нет, и страх был. Так, возникал иногда, пытая её: а вдруг, а? что тогда? Но глаза Жени улыбались, ни волнения, ни других каких чувств не было в них. Он был спокоен. Откуда ж ей было знать, что в этом спокойствии скрываются жуткие чувства: и ревность, и страсть, и любовь, и боль, и обида, и мука. Всё это прятал Женя от неё. Он и от себя прятал эти чувства, приказывал себе быть спокойным, настраивал себя только на мимолётную встречу: так, встретятся, поговорят и разойдутся.

Если б знать, что их ждёт, если б только знать... Только увидела она глаза Гали, только заглянула в них, стало страшно. Мука была в этих глазах, растерянность. А вот они вспыхнули, занялись огнём, слёзы

вскипели в них, и уже невозможно оторвать от этих глаз взора – любовь в них, любовью горят глаза, и эта всепоглощающая страсть – они просто впились в Женю, эти глаза, впились и тут же забрали его - целиком, в одну секунду, раз, и не стало его. И её, Люси, не стало. Она сжалась, вжалась в землю, чтоб только не упасть, чтоб только устоять на ногах. Шальная энергия шла от этих двоих, флюиды, казалось, искрились вокруг. И ладно Люся сразу стала в сторонку, а то б видно сгорела в этом огне.

Ей стало страшно. Она потеряла Женю, ещё не обретя, потеряла его. И что самое страшное, по своей же вине – сама выболтала, сама лишила себя счастья. А в тот раз он потянулся к ней, впервые потянулся как к женщине. А тут и слова его: «Ты мне нравишься, Люся.- А вот и ещё.- Возможно, мы поженимся, если ты не будешь против». Ещё бы она была против! Да если б он женился на ней, она была бы самой счастливой женщиной на свете. Вот тут-то у неё и вырвалось произвольно:

- Всё будет хорошо! И у нас, и у Гали ...

- У Гали? – встрепенулся Женя. А Люся уже ругала себя за непростительную ошибку, а Люся уже кляла себя за эти слова.

И всё. Она сама испортила праздник. Хотя, Женя всё равно бы узнал. Не от неё, так от других. Та же мать Гали, успокоившись, рассекретила бы её. И тогда было б ещё хуже, тогда бы Женя ей не простил. Да, всё упирается в Галю, как не говори, всё держится на ней.

«О, Господи, помоги! О, Господи, помоги!»- шепчут и шепчут губы, а страх всё больше охватывает сердце. И опять шепчут, умоляют губы: «Господи, только не это... лучше я... лучше меня возьми...»

Мечется по купе Максим, не в силах совладать с собою, не в силах унять свой страх. Загнать бы его в угол, утопить. Ан, нет, не выходит, страх сильнее его, навалился, обнял, опутал всего и не выдохнуть теперь, не вздохнуть.

А ведь раньше любил ездить, наслаждался поездкой. Сколько разговоров, сколько встреч, сколько радости – когда совершенно незнакомые люди сидят за общим столом и ведут сначала никчемные, потом, выпив одну-другую рюмку водки, уже более осмысленные, более откровенные разговоры. Хорошо было тогда. Не торопил, наоборот, успокаивал поезд – чтоб подольше ехать, подольше отдыхать и наслаждаться беседой.

А теперь? Да что теперь! Одна дума - скорей бы попасть в Тобольск, скорей бы увидеть дочь. Только представит её – как ей тяжело сейчас, как ей неимоверно тяжело, боль вонзается в сердце, а вот и страх тут как тут. И опять шепчут, умоляют губы: «Господи, помоги! Господи, не дай беде случиться!»

И, как нарочно, он в купе один. А в коридоре жизнь. Какие-то люди, должно быть, у окна стоят, глядят в предутреннюю синь да переговариваются меж собой – то ли влюблённые, то ли случайные попутчики.

А он один. Будто испытывает судьба – выдержишь? Нет? Будто травит кто - ну, как ты, а? Хорошо?

А где хорошо, коль сверлит и сверлит мозг неотвязная мысль - как там дочь? Что с нею? Только подумает – шесть лет назад схоронила друга (она думала, что схоронила), потом потеряла ребёнка (Боже, что она пережила!), а теперь, увидев друга живым, но уже не её, не её,- как тут не сойти с ума, как тут не чокнуться от такого перепада?

Опять торопил поезд, уговаривала колёса - стучите сильнее, везите быстрее! – И, ещё злее.- Быстрее!

Быстрее!! Зарывался в подушку – забыться! уснуть! Но не тут-то было – боль охватывала, просто стискивала тело, мяла, давила, и некуда деться от неё, спрятать себя некуда.

Нет, так нельзя! Я должен приехать к дочери живым и здоровым, я должен приободрить её! Подхватился – и к проводнице.

- Мне бы что-то успокоительного, будьте добры!

Выпил. Ещё выпил, ещё – и провалился в тяжёлый тягучий сон. Так надо. Так надо.

Не зря говорят: «Беда не приходит одна». И для Катерины настало время бед. Она горевала о предательстве мужа, не ведая, что ждёт её впереди. А это куда страшнее. Весь город взбунтовался против неё. Когда-то весь город молился за здоровье Евгения, теперь же, узнав, кто явился виновником его мытарств, тот же город свой гнев обрушил на Катерину – женщину, так рьяно распорядившуюся его судьбой, так смело и быстро вычеркнувшего его из жизни.

- Как ты могла?

- Да ты не мать! Мать никогда бы на это не пошла!

- Ты самая последняя дрянь!

- Глаза б не видели тебя! – Нападки летели со всех сторон. И нет защиты. Никто не хочет её защищать. Шесть лет молчала. Целых шесть лет. Люди лопались от боли, людей сжирала боль, а она молчала, люди не спали ночами: от той же боли, от безысходности, а она опять молчала. И теперь бы молчала, если б люди не открыли сущность её.

Из дома хоть не выходи - плевки, упрёки, отворот головы. На работу хоть не ходи - и там то же самое:

упрёк в глазах, отворот головы. Не хотят люди видеть её, рядом с нею быть не хотят.

Уволилась – работала контролёром в ОТК в одном из цехов завода. Пошла работать вахтёром на маслозавод, и то еле взяли. Слухом земля полнится, и тут те же люди, и тут не хотели её. Всё же взяли: не пропадать же человеку с голоду.

- Доченька! Доченька! Я ничего не знал, прости меня! – Он только зашёл в квартиру и уже не может, чувства свои не может сдержать, муку свою не может сдержать.

А дочь уже рядом. Тоже волнуется, те же мысли в голове: как она могла? Как она только могла? Но отец ничего не знал, всё шло мимо него. И как же рада она ему, она бесконечно рада ему.

- Папка! Папка!- просто вцепилась, вцепилась, и дрожит, дрожит вся, как сорванный и выброшенный на дорогу лист.

И как жалко её, сердце щемит, болит, так уж жалко её. Всех их жалко: и её, и Сергея, и того, кто должен родиться. Самое же главное, жалко любовь, загубленную, несостоявшуюся, и тут несостоявшуюся. А могла бы состояться: и тут, и там. Нет, там могла бы состояться, и всем было бы легче: Галина была бы с Женей. А Сергей - Сергея она просто бы не знала. Он прошёл бы своей дорожкой, обрёл другую судьбу, другая женщина была бы сейчас рядом с ним, носила бы его ребёнка. А теперь всё скомкано, порезано, вырезано, и кем? – женщиной, до сего времени слывшей его женой. Боже, как он презирал её, ненависти не было в его сердце, жалости тоже, лишь презрение, оно зрело и росло, росло и зрело, оно готово было сокрушить весь

мир,- ведь поругана, любовь поругана, любовь. А что может быть выше её, краше её? - ничего.

И как же легче дочери, ведь понята, принята, в сердце отца принята, а это так сладко, а это так больно, а это так роднит.

- Папка! Папка мой! Ты не осуждаешь меня? – Она ждала утверждения своего поступка, ей так тяжело, ведь она одна, одна.

- Если б я был судьёй, то осудил бы, только не тебя, дочка, а ту, что натворила столько бед, что, как дамочков меч, стала на пути вашего счастья. – Глаза отца плакали, и весь он дрожал. Но вот вылетели и эти слова – единым всплеском, единым порывом.- Я ушёл от неё. После слов Евгения я не смог даже часа быть рядом с нею.

- Женя был у вас? – Галина вся подалась к отцу. – Что он говорил?

- Он не говорил, он казнил её такими словами, что любой бы не выдержал, только не она.

- Так ей и надо!- только и сказала Галина.- Так ей и надо. И тут же.- Папка! Папка! Родной!- И у неё слёзы в глазах, и у неё прорвалась душа, потоки слёз оттуда рекой, и уж плачет душа, и уж сладко ей - оттого, что понята, оттого, что борются за неё, отстаивают её.

Оба оттаяли вдруг. Ушли слёзы, выплакались души, и обоим легче. Так уж обоим легче.

- Папка, как я рада тебе! Проходи!

Прошёл, пили чай, говорили. Обо всём: о прошлом, о настоящем, о будущем. И как же легче Галине, небывалую силу чувствует она, что идёт от отца

- Папка, ты где будешь жить? - Не праздный вопрос, из души. – Я так хочу быть поближе к тебе, ты такой родной.

- Вот и славно. Вот и славно. Теперь и я сильнее, теперь и я ничего не боюсь.

- И где же всё-таки ты намереваешься жить?

Ответ возник сразу.

- Друг у меня был, хороший друг. Да умер он, а дом остался. Ключи от него мне передала его знакомая. Друг завещал домик мне. Я хочу уехать в то место и поселиться в его домике. И работу себе там же найду.

- А для нас с Женей там хватит места?

- Хватит, дочка, хватит. Дом большой.

- Ой, как хорошо-то! Как хорошо!- Вздохнула душой.- Я бы и сейчас уехала, но не могу. Пока не рожу, не могу. Сергей должен чувствовать, что я рядом, что со мной всё хорошо.

- Я понимаю тебя. Как же я понимаю тебя. И ещё больше люблю - за твоё сердце.

- И я тебя люблю!- И сразу.- Ты погостишь у меня? – Поправилась.- Ты погостишь у нас? Танюшка очень хорошая женщина, ты нас не стеснишь.

- Спасибо! Конечно, я погощу у вас с Танюшкой.

И вот Максим дома. Возбуждённый, красивый, нарядный. Катерина остолбенела. Да, ждала, но чтобы так скоро?

А он с порога:

- Я за вещами. Люблю свои вещи, не хочу к другим привыкать. Да и много ли мне надо, одинокому волку?

- Как одинокому? А я?

- Я ушёл от тебя, дважды я не ухожу, я всё делаю с первой попытки: и женюсь, и развожусь.

- Разводишься?- Её голос сел, кое-как выдавила из себя. – Так мы и жили-то вроде хорошо.

- Вот именно, вроде. Я же хочу жить хорошо без этого вроде. И я буду жить хорошо, обещаю. – Оглядел комнату - хорошо тут! Выдохнул. - Всё это я

оставляю тебе. Просто не хочу лишних склок, а просто так ты мне ничего не отдашь. - На миг поднял глаза.- Так что прощай! Не поминай лихом!

- Да ты что, кидаешь меня? Ради кого? Или уже нашёл? А может, давно нашёл, просто представилась возможность вот так, запросто, уйти? – Она напирала. Она не пускала. Она загораживала собою дверь.

А он уже шёл к двери. А он уже был готов уйти - уйти навсегда.

- Пока не нашёл. Но обещаю: найду! – И вышел, просто выхлестнулся из двери. Звонко хлопнула дверь, как-то протяжно ойкнула и успокоилась - она отпустила хозяина, он больше сюда не придёт.

- О-о-о! О-о-о! – Как же выла она, как же ей было страшно. Он слышал её вой. Даже хотел вернуться. Но вой стих, и он пошёл дальше. Не надо возвращаться. Если уже решил - возвращаться не надо.

. Октябрь. И снова Галя у Варвары Матвеевны. Ей скоро рожать, хочется ещё раз поговорить. Скорее, ей нужна поддержка – она до сих пор беспокойна, она до сих пор не уверена, что поступает верно.

Вечер. Тётя с племянницей в гостиной пьют чай.

-Так значит, решила? – вздохом задала вопрос Варвара Матвеевна, беря из хлебницы печенье. - Не хочешь возвращаться к мужу?

И в ответ тот же вздох. А вот и слова.

- Я уже говорила, тётя. Я не могу. – Но как дрожит её голос. - Мне очень жаль Сергея. – Вздохнула. - Но ещё больше мне жаль Женю. - Голос Галины налился, звенит. - Как вы не можете понять, что, останься с мужем, я второй раз предаю Женю. А я не могу, он так

плакал, ему так больно. Ведь он ничем не виноват! Только тем, что до смерти любит меня. Как оттолкнуть его? Как – при его-то боли - нанести ещё одну рану ему? - Машинально взяла ложечку, мешает чай. - Не я это сделала, и ни он. Это всё происки моей мамыши. Стольких людей запутать, стольким людям встать поперёк дороги. Как она только могла? Врала без зазрения совести. Я обливаюсь слезами, я умираю от тоски, а она опять врёт, врёт и врёт. Якобы, во спасение моё. - Отбросила ложечку. - А когда я каталась по полу в сенях, когда молила всех святых спасти моего ребёнка, что сделала она? Опять же порадовалась, что и этого не будет. Двоих в один миг отправила на тот свет. И, как видишь, пока жива. Живёт, ухом не ведёт.

Страшно Варваре.

- Так ты что, до сих пор не простила её?

Галина вскочила. Взгляд её зол и беспощаден, искры мечут глаза.

- И не прощу! За Женю, за боль его, за муку его, за нашего малыша – нет, не могу простить её, не могу! - Чуть успокоилась, вздохнула.- Вот бабушку жалко. На ней нет вины. Не знала она ничего, а когда узнала, было уже поздно. Теперь-то я всё понимаю. А тогда недоумевала: что это она всё плачет да плачет. А она меня жалела, малыша жалела, Женю жалела, и всё это на её плечи. Нет, на бабушку я не сержусь. Пусть приезжает, я так соскучилась по ней. – Заплакала и опять сквозь слёзы.- Я страшно соскучилась по ней! Это теперь самый дорогой мне человек.

- Правда? – Варвара рывком поднялась, шагнула к племяннице. В глазах её стояли слёзы. - И на том спасибо! Исстрадалась мама, уж так исстрадалась...

- И всё равно надо было мне о Жене сказать, - вырвалось у Галины. - Ну, пусть не сразу, потом. Ведь

сколько лет я его ждала...

И опять тяжкий вздох Варвары Матвеевны. На духу, так на духу, время такое подошло.

- Хотела она, да я отговорила.- С силой стукнула себя в грудь обоими кулаками. - Меня ругай! Меня, дуру старую, ругай! Напугалась я, что не выдержать тебе, запретила маме даже упоминать имя Женькино. – Вздохнула, махнула рукой.- Эх, не хотела... Да уж что теперь, коли разговор такой пошёл. – Подошла к серванту, вытащила выдвижной ящик и подала Галине листочек.

- На, читай телеграмму. Да дату посмотри.

Галя просто впилась в телеграмму. «Повинись перед внучкой я больше не могу»- стояло там. Тяжело вздохнула, а вот и улыбка на лице, ещё пугливая, но и радостная.

- Бабушка! Родная моя! Сколько боли ты носила в сердце своём, сколько муки! – И прорвались рыдания. И как же стонала душа, как же болела душа. И всё это мать, её проделки, её злая воля. – Я никогда не смогу простить свою мать! Никогда!- И чуть тише.- Как она могла? Стольких людей ввела в обман...

А вот этого уже не надо, хватит с них. Варвара Матвеевна обняла Галину и тихо шепнула:

- Она скоро приедет сюда. Я звонила ей три дня назад. Она больше не может. Она хочет к тебе...

Галине стало страшно.

- Кто приедет?

- Бабушка твоя приедет сюда, - улыбнулась сквозь слёзы Варвара Матвеевна.

- Бабушка?! Боже мой! Боже мой! Бабушка! Как я рада!

Стучат. Хотя есть звонок. Но стук роднее, да и

не так пугает. Нельзя пугать Галину, она итак напугана.

Но кто это? А уж тётушка улыбается, аж искрятся глаза, а уж щёчки горят, а уж губки блестят. Плутовка, да и только!

Неужели? Но что ж я стою? Галина бежит к двери. А уж сердце бьётся. А уж сердцу тесно в груди. Открыла дверь. Боже, бабушка – постаревшая, осунувшаяся, но такая же бодрая.

- Бабушка! Бабушка! - Галина просто вплелась в Дарью Никитичну. И только шепчет как птаха.- Как хорошо, что ты приехала! Как хорошо-то! – Обнимает, целует, плачет от радости.

А вот и вздох, бабушкин вздох. А с ним и слова.

- Похоже, не больно хорошо. Если в дверях стоим.

- Ой, что это я? – Галина отпрянула от Дарьи Никитичны, улыбнулась.- Проходите! - Тут же поправилась.- Проходи, бабушка. Я очень рада тебе.

Дарья Никитична ступила в квартиру и сразу.

- Ты простила меня, внучка? Ты простила меня? – А глаза плачут, а в глазах неизбывная боль.

- Да, бабушка, я тебя поняла и простила.

- Тогда дай я тебя поцелую. - Облизала сухие губы, троекратно расцеловала внучку и облегчённо вздохнула.- Теперь можно и умирать.- Улыбнулась.- Нет, я ещё поживу, я ещё на правнука или правнучку свою порадуюсь.

- Ну, всё, затопили! – вклинилась в разговор Варвара Матвеевна.- Пора спасателей вызывать!- Обняла мать.- Да, мама, у нас ещё много дел на земле.

Но этого мало. Надо поддержать разговор, надо подбодрить мать. Тут же переключилась на племянницу.

- Смотри, мам, какая красавица! Хорошеет с каждым днём!

- Да, хорошею,- сквозь боль улыбнулась Галя. Вздох выдал её - беспокойна душа. Да и где ей быть спокойной, когда рвётся надвое, когда думы неотвязные преследуют везде: верно ли она поступила, уйдя от мужа? верно ли? Ну да что теперь, что сделано, то сделано, Женю тоже со счетов не скинешь. Только вспомнила его, на сердце тепло. Женька! Женька мой!

- Ну, да хватит возле порога-то торчать! – подтолкнула Матвеевна Галю с матерью.- Проходи, мам, проходи! Сейчас чай будем пить.

- Прохожу, прохожу, только раздеться-то дай. – Сняла пальто, шаль скинула на плечи, сбросила тёплые боты.- Вот теперь можно и пройти.

Прошла, устроилась на мягком диване. И тут же полезла в сумку.

- Это тебе, дочка.- Протянула Варваре Матвеевне вязаный жилет.

- Спасибо, мама! – благодарит дочь, принимая жилет.- Уж так угодила! Уж так угодила!

- А это тебе, внученька. – И Дарья Никитична вытащила из сумки большой пуховый платок и накинула его на плечи Галины.- Это тебе сейчас ох как надо. Ведь зима на носу. Где на плечи накинешь, где накроешься им.

- Боже, какая прелесть! Какой большой!- лаская руками платок, воскликнула Галя.- Спасибо, родная! Я так рада тебе! И платку тоже! Хорошо! Бабушкой моей пахнет.

И чтоб ещё теплее стало, присела рядом с бабушкой. А уж бабушка рада. А уж ей хорошо. Обняла внучку, просто стиснула рукой – уж так соскучилась, уж так изболелась за неё. И повела речь дальше.

- Это память вам обо мне. Чтоб не забывали. Ну да ладно о грустном. Как ты-то, внученька?

- Всё нормально, - тут же ответила Галя. - Женя жив, значит, всё нормально.

Дарья Никитична вздохнула.

- А с мужем как?

Галину передёрнула. Озноб прошёл по телу.

- Не надо, бабушка! Не надо!

Однако Дарья Никитична не преминула сказать.

- Смотрю, дитя носишь, - указала на живот Гали.- А он отец...

- Да, он отец, - ответила Галина, прижимая кулаки к груди. - Но не могу же я разорваться. Решила пожить одна. А там видно будет.

- Да что там, и сейчас видно, - вздохнув, вытолкнула Дарья Никитична. - К Жене сердечко твоё лежит, с ним и век куковать. А это я так, проверяла тебя.

Но как рада Галина. Этим словам рада, участию, пониманию. Прижалась к бабушке, просто вплелась. И заворковала голубка, заплакала душой.

- Да, бабушка, да. С ним мне век вековать. А Серёжке (голос её задрожал) я желаю большого- большого счастья! Он достоин этого! Он прекрасный человек!

А Дарья Никитична в глаза внучке глядит, да улыбается этак хитровато, да выводит.

- Ты прекрасна! Оттого твои мужчины и любят тебя. Оттого и не могут отлипнуть.

- Не надо, бабушка, - проворковала Галина, залевшись вся.- Они оба замечательные, но я выбрала Женю.

- Ты давно выбрала Женю,- улыбнулась Дарья Никитична, вытаскивая из сумки бутылку настойки и ставя её на стол.- Вот за эту любовь сейчас мы и выпь-

ем. По полной!

- Точно! Какая ж ты умница, мама!- воскликнула Варвара Матвеевна. И ну собирать на стол - салатик, ещё салатик.

Никитична и тут не осталась в долгу. Из недр своей сумки достала баночку.

- Что это, внученька? Угадай!

- Ой, бабушка! Неужели это они, мои рыжички? Ой!

- Боже, как ты прекрасна! Как ты умеешь радоваться и болеть! – Открыла Дарья банку, поднесла Галине.- Конечно же, это твои рыжички, как ты их называешь: махонькие, чудные, пригожие! – Тут же вывалила содержимое банки в подставленную дочью тарелку. Аромат - на всю комнату. А тут и картошка поспела, и её на стол в большой миске - к грибочком-то в самый аккурат.

Варвара Матвеевна как хозяйка открыла бутылку, разлила настойку по рюмкам. Тут же поднялась Дарья Никитична, взяла свою рюмку, подождала, чтоб рюмки были и в других руках. И сказала, просто, но с умыслом.

- Давайте чокнемся и выпьем: за нас, и за тех, кого любим! И ты, внученька, выпей. Не повредит одна рюмочка твоему малышу, никак не повредит.

Чокнулись и выпили до дна. И долго они говорили – так им было хорошо вместе, так истомились в разлуке.

Нет, не радостно Максиму в доме друга. Дом хороший, а после небольшого ремонта (другу было не до того, сильно болел) и вовсе преобразился. Только вот радости нет, пусто в душе Максима.

А тут и такие мысли стали посещать. «Может, я

не прав, может, переборщил с женой? Уж больно рьяно – вызверился и исчез. - И тут же отстаивал себя. - А что было делать? После таких-то слов? По головке эту дуру гладить? Нет, только так, с такими только так. А что мучился, так ведь не год и не два жили, больше двадцати вместе прожитых лет позади. И опять.- Выходит, за эти годы и не узнал её? Выходит, так. Но откуда это в ней? Откуда столько злобы? - И тут он спорил с собой. – Скорее, она напугалась за дочь, скорее, она представить не могла свою дочь рядом с калеккой. – И опять негодовал.- И всё равно нельзя было лгать! Никак нельзя! Это же жизнь! Жизнь и судьба человека!- И уже более спокойно, но со вздохом.- Нет, я был прав. Таких прощать нельзя! Таких надо карать!

Взял временную прописку, нашёл работу и потихоньку жил, потихоньку приходил в себя.

Незаметно подошло время рожать. Рожала Галина тяжело. Измучилась, изболелась душой, ведь носит ребёнка одного мужчины, а ждёт другого. Но и предать Женьку уже не могла – это же второй раз, а второго раза ему не выдержать. Но и Сергея до смерти жаль – он жил ради неё, он нарадоваться не мог ребёнку, а тут... Боже, как несправедлива судьба, а скорее, как несправедливы люди, родные люди.

А вот и радость. Медсестра принесла Гале ребёнка.

- Мамаша, мы пришли кушать! Молочко-то, надеюсь, есть? – Тут же, без перехода.- Держите своего богатыря! Давно посапывает, есть хочет. Но терпеливый: сопит, да молчит.

Подала ребёнка матери, чуть подождала: надо же узнать, будет малыш сосать или нет. Успокоилась:

мальш сразу взял грудь и зачмокал. Улыбнулась, сквозь повязку, и тихонечко вышла.

Мать наклонилась над ребёнком – так сладко ей, так невероятно сладко: ведь это её ребёнок, выстраданный, заплаканный и такой родной. Неотрывно смотрит на сына: как он похож на отца, именно на отца, не на неё, и сердцу опять больно, опять в нём живёт боль, да она и не уходила, не скоро ещё уйдёт.

- Терпеливый... - как эхо повторила она, любуясь сыном. - Да, тебе есть от кого брать терпенья, этого твоей матери не занимать. А как хочется радоваться, смеяться и петь, петь и смеяться, и кричать на всю планету, что она счастлива, что у неё всё хорошо. - Слёзы в глазах матери, плачет душа. Ещё крепче прижала сына, зашептала украдкой, чтоб не услышали (не одна ведь в палате, четверо). - Виновата я перед тобой, сыночек. Отца лишила. – Тяжело вздохнула.- Нет, не лишала я тебя отца. Отец, он и есть отец, и ты о нём обязательно узнаешь. А сейчас нам надо расти, набираться сил.

День выписки. Галина, уже одетая, сидит на кровати. Ждёт, когда оденут ребёнка.

Заходит санитарка.

- К вам муж пришёл. Просит, чтоб в окно выглянула.

Галина бросается к окну. Боже, Женька! Мой Женька! Приехал! Улыбается, машет в окно рукой. Медсестра принесла малыша. Галина волнуется.

- Сейчас! Сейчас! – И, уже санитарке.- Не уходите! Минутку!- Порылась в тумбочке, нашла листок бумаги, ручку, быстро написала что-то. Подает записку санитарке.- Отнесите вот по этому адресу, пожалуйста.

- Отнесу, дочка, отнесу, - вздохнула санитарка. Роддом, здесь все про всех знают и всё понимают.- Не переживай.

- Спасибо вам! За всё спасибо!

Кто это? Или почудилось? Нет, вроде звонят. Бегом к двери. Кто там, кто?! Рывком открывает дверь – незнакомая пожилая женщина. Что ей нужно здесь?

- Вам записка.- Женщина протягивает листочек и уходит, спешно уходит. Сергей быстро разворачивает листочек, читает. Сердце расправляется, мягко на сердце, тепло.

Надо же, написала! И как написала! «Спасибо, родной! Желаю тебе счастья!» Прощенья у меня этими словами просит. А за что? За что? Я с первой минуты знал, что она уйдёт от меня. Она так любила... она так любит Женьку» – А как дрожат руки, как весь он дрожит.

Нет, не сидится на месте. Прошелся по комнате туда-сюда.

«А может, надо было сходить в роддом? Хоть раз на сына взглянуть.- Остановился, вздохнул.- Нет, не надо. Нельзя заставлять эту женщину страдать. Она итак настрадалась. А Женя сейчас возле неё, я чувствую это. Так и должно быть. Вот только сын...»

«Но что это?» – уже не так глядят, усмешка, даже какое-то ликование в лицах людей. По лицам мы замечаем, что творится на свете. Вот и Катерина заметила: что-то произошло. А вскоре и узнала- что. Её дочь родила. Об этом, не выдержав, поведала её сердобольная соседка.

- Слышь, с внуком тебя! Парня, говорят, Галочка родила.

Катерина только вздохнула душой. Такая радостная весть, а будто мимо идёт. А так и есть, мимо. Отвергла её дочь, оттолкнула от себя, семью замками отгородилась от матери. А теперь и внука отгородила — и его не увидит бабушка, а уж так хочется увидеть, обласкать, на руки взять этот тёпленький комочек, прижать к себе это несравненно живое чудо. Это же первенец, первый внук (мог быть и не первым), это ж от дочери семя.

И только вздохнёт душа. От дочери, только от чьей? Вот когда заломит сердце. А могло быть иначе, давно могла бы счастливой бабушкой стать, а дочь твоя счастливейшей матерью была бы уже шесть лет. Целых шесть лет отделяет их от того рокового дня, наполненного агонией и мукой, мольбою и кровью. Эти шесть лет стали пропастью меж ними, и эта пропасть с каждым днём ширится и растёт. Всё более зловещей её зев, всё более острее её стены, всё более зловонней её дно — если есть оно.

Самое же главное — она сама чувствовала эту пропасть. В её душе с каждым днём всё больше стылой пустоты, всё больше боли — яркой, саднящей боли. А в голове звон, нудный тягучий звон. Будто по покойнику звонят. Ноги будто камнями налились, руки ватные, плечи поникли. Кожа дряблая на руках, обвисла, когда-то красивое лицо оплыло, померкли глаза, опали щёки. Воло- сы, и те поредели — будто и они не хотят ладить с ней, будто и они бегут из этой головы, будто и им жутко в ней.

Но она ещё на что-то надеялась, она ещё чего-то ждала.

Через несколько дней Галя уезжала из этого города. Нет, не в свой город – там ей никого видеть не хотелось. К отцу они тоже не поехали. Не хотелось стеснять его, да и просто не терпелось пожить одним. Увозил её Женя в новый город и в новую жизнь, увозил, чтобы сделать её счастливой и чтоб дать счастье тому, кто оставался здесь. А отец недалеко от них, есть к кому ездить в гости.

Евгений с Галиной поселились в незнакомом городе. Так лучше – ни они не знают никого, ни их не знает никто. А квартиру снять сейчас очень легко, были бы деньги.

И с работой у Евгения всё хорошо. И тут среди ребят – мастер производственного обучения, также учит, воспитывает, вразумляет, готовит во взрослую жизнь, где-то предостерегая, где-то направляя, а где-то (если надо) и внедряясь в какие-то разборки. Жизнь есть жизнь, молодость есть молодость, где, если не в молодости, пошуметь, поспорить, а то и влюбиться так, что не продохнуть. Вот тут-то и нужна твоя помощь – если он любит, а она нет, да где нет - даже не смотрит на него. А отчего не смотрит? А ей просто невдомёк, что любят её. И опять надо подсказать, направить, а где-то и незаметно подтолкнуть. Это всё достижимо, опыт любовный есть. Надо только захотеть, надо только задействовать часть своего сердца, и вот уже сблизилась души, разглядели друг друга, потянулись. Им хорошо, а тебе ещё лучше: ещё одна пара воссоединилась, да и любви на планете стало больше. А любовь - это всё, а любовь - это жизнь, а любовь - это любовь, чувство всесильное, неукротимое и желанное. Когда человек любит, он всем готов помочь, всех обогреть, принять участие в твоей, его жизни. Нет, без

любви человеку нельзя – он черствеет, делается безразличным, а потом и злобным, если в его сердце нет любви.

В Евгении же любви через край – уж так он счастлив, уж так он горд. Вот и делится чувством своим, взамен приобретая друзей. А что, и он молод, и он горяч, а дружба ценится не годами, что стоят меж вами, а тем, что ты готов для неё отдать, чем пожертвовать. Тепло, родное плечо – вот что ценится в дружбе. И Женя обретал новых друзей – ведь сегодня его подопечный парень, а завтра мужчина. Женитьба, а тут и дети. А значит, мысли едины, стремления едины – их воспитать, им больше дать, и своим, и чужим,

Хорошо на душе Евгения. Он на своём месте. Он у жизни на почётном месте.

И у Галины всё хорошо – семья, ребёнок, Женя. До сих пор не верит, что он с ней, что он живой. Можно дотронуться рукой, тёплая его рука, можно поговорить, обо всём поговорить. Как жили эти годы, тосковали, страдали, и всё для того, чтобы встретиться и уже вместе жить дальше.

Она и малышка хотела назвать Женей, но что-то шептало внутри: не надо, не надо. Славик – прекрасное имя, как-то сразу по сердцу обоим пришлось. И Сергею написала, что сына назвала Славиком, пусть знает отец имя своего сына.

Да, это боль, это больно: у родного отца сына забрать. Но тут уж ничего не поделаешь, кому-то всегда больнее. И опять написала в конце письма: «Будь счастлив, ты достоин счастья!»

И для Максима забрезжил свет. Женщину встретил на пути – такую же, как он, одинокую. Раз прошли

мимо друг друга, во второй раз перебросились несколькими фразами, ну а в третий пошли рядышком вдоль речки, да всё дальше и дальше.

– Смотрю, вам тоже одиноко? Дети выросли, разбежались, а вы одна.

- Как и вы. Что, лихо бобылём-то жить?

- Ох, и лихо! Ох, и лихо! – Улыбнулся, кинул взгляд в её глаза, красивые глаза.- Вы сразу затронули меня. Будто искорка пробежала.

- И у меня тоже,- улыбнулась женщина.

- Так давайте же знакомится! Я Максим.

- А я Клава.

- Клава? Клавдия? Какое редкое сейчас имя!

- Да, очень редкое. Родители расстарались! - опять улыбнулась женщина.- Впрочем, Максим тоже старинное имя, так что мы с вами квиты.

Через месяц Клавдия переступила порог его дома. И осталась навсегда. Её дети уже видели их. Сначала негодовали: ну, мать, ты сошла с ума! Потом успокоились: а может, и лучше. Хоть не одна, ей ещё жить да жить.

Возможно, кто-то осудит Максима: так быстро, какие-то месяцы прошли, а он уже с другой женщиной. Да сразу и жениться. Это-то зачем?

А он и сам не понимал. Просто чувствовал себя грязным, ибо жил со змеёй, только так он мог назвать Катерину. Он хотел чистоты, он хотел других отношений, он хотел другой женщины. И судьба подарила ему эту женщину, что же, отказаться от подарка судьбы?- нет! Его влекла эта женщина, его влекла новая жизнь, он чувствовала себя молодым и желанным.

Ко всему привыкает человек: и к колючим взгля-

дам, и к едким словам. Но к этому привыкнуть нельзя. Муж добил Катерину. Во-первых, быстрым разводом. Но это ещё ладно. Развод – это только подпись да очередной штамп в паспорте. И после этого люди, бывает, сходятся да ещё лучше живут. Она всё ещё тешила себя надеждой, она всё ещё ждала мужа.

Но вот узнала, что он женился, и её надежды рассыпались в прах. Она вошла в ступор. И, чтоб не ждать насмешек и откровенных, уничтожающих её, теперь уже как женщину, которую не только бросили, но которой так быстро нашли замену, рассчиталась и уехала. Её уже ничего не держало здесь.

Подспудно не раз уже посещала её эта мысль: мелькнёт – исчезнет, мелькнёт – исчезнет. Во сне видела монастырь – он вроде вдали, но будто манит, манит её, а вот всё ближе и ближе, будто распахивает перед нею дверь, да шепчет, шепчет: «Входи же, входи!» Гнала эти видения, и они уходили, но, спустя время, приходили вновь, или во снах, или в предчувствиях. Слово «монастырь» стало ведущим в её жизни – как путеводная звезда, как дорога, высвеченная на небесах..

И вот это время пришло. Видение обрело реальность. Монастырь – как что-то, неотъемлемо существующее для неё, встал перед нею во всей красе. Больше ни о чём думать не могла, да и думать не надо - это предначертание Небес, это уже не объехать, не обойти.

Только матери написала короткое письмо.

«Мама, меня не ищи, я ушла в монастырь. Ни для кого меня больше нет».

Она ушла туда, где место таким - отрешённым, забитым в угол. Тут не влезают в душу. Что можешь - расскажешь сам. Тут только наблюдают. Сначала дают приют, потом потихоньку загружают работой, а спустя время кто-то уходит отсюда с очистившейся душой -

ведь главное тут молитва, общение с Богом, а кто-то, как Катерина, остаётся навсегда. Её мир теперь здесь, за этим забором, за этими стенами. Она стала послушницей, она сама заточила себя в монастырь. Она только сейчас, после долгих глубоких молитв и чёрного труда скотницы, поняла, какой совершила грех. Хватит ли жизни его отмолить? Хоть часть его отмолить?

Всё чаще глаза дочери пред нею – испуганные, больные. Всё чаще этот крик: «Мамочка, помоги! Мамочка, спаси! Хоть его спаси, мамочка!» И себя видела как бы со стороны – сущность свою, и с каждым днём всё страшнее становилось ей. Пугалась, отталкивала эту женщину. «Неужели это я? Неужели я могла?! Радоваться мукам дочери, корчившейся от боли и страха потерять любимое дитя? Молить - чтоб это скорее произошло? Что - это? Смерть?!» А она молила о смерти, она её как очищения ждала. Одного похоронила уже, теперь выпроваживала на тот свет второго.

В горле вставал крик: «Кто ты? Кто?! Как ты могла?!» Она не хотела этой женщины, она гнала её из себя, как что-то бесовское, мешавшее ей жить и любить. Она и сейчас, и тут, в работе и посте, не до конца ещё осознала свой грех, не до конца взяла его на себя. Это придёт потом - годы и годы уйдут – когда раскроется душа и единым воплем, единым порывом придёт прозрение.

Дай Бог, чтоб оно застало тебя ещё тут, на этом свете. Дай Бог! Хотя, по мне, таких надо на плаху, а не в монастырь. Но тут уже решать не мне. Каждый получает своё, каждый несёт свой крест.

Прошло три года. Опять три - этими годами идут циклы их жизни: три, ещё три, ещё три. За это время в

гостях у молодых побывали родители Евгения.

Принимали их с радостью – ведь от сердца, от души. Разве можно иначе? Да и пора, наконец-то, сделать то, к чему готовились шесть лет назад. То, да не то. Евгений теперь с Галиной – это да. А вот ребёнок? – ребёнок не тот. Что ж, это можно пережить, с этим можно смириться, главное, их сын счастлив, их сын, наконец-то, обрёл семью.

Объятия, поздравленья, слёзы. Куда деться от них, они сопровождают нас всю жизнь, и в радости, и в боле.

Малышу первый подарок – железная дорога. Пусть вспоминает по этой игре бабушку и деда.

- Как же сын любит тебя, дочка! Непостижимо любит! – это мать Галине в сторонке, на ушко.

- И я его люблю, и я его так же непостижимо люблю.

И как же хотелось попенять снохе: что, мол, так долго не объявлялась? Но не могла, сына обидеть не могла. К тому же, и ему можно задать тот же вопрос: почему не искал Галю?

Родители расстарались деньгами, закупили новую плиту, стиральную машину- автомат, комод. Да и в комод есть что положить – тут вам и спортивные костюмы, и жилеты, и полотенца, и постельное бельё. Кухня тоже обогатилась новой посудой – и это кстати, новая жизнь требует затрат. Окна в зале украсились новыми шторами, сразу светлее и богаче стал дом.

А тут посмотрели на пол - пусто! Переглянулись, отец сына за бока и в магазин, а вернулись уже с ковром и с двумя дорожками: в прихожую и в спальню. Хорошо!

Мать шушукаются с Галиной, им есть о чём поговорить. А отец больше с сыном. Где-то подскажет,

где-то прибьёт, где-то посетует: лучше бы так! Стучат тихонько молоточками, что-то прибивают, что-то передвигают, что-то устанавливают.

Недолго гостили родители. Они ещё работали – оба в отделе на их заводе, взяли отпуск и приехали. А теперь пора и честь знать. Через неделю выкатились, оставив молодых в обновлённой квартире и с ещё большей радостью от встречи с родителями.

«Ах, если б и моя мать так», - ни один раз вздохнула Галина, вспоминая тёплую встречу. Но эта мать молчала – до сих пор не повинилась перед дочерью.

И отец Галины приезжал со своей женой – уже другой женой. Понравилась Галине Клавдия - обходительная, ласковая, к отцу относится хорошо.

- Ну, что, дочка, не ругаешь меня? Мол, женился на старости лет.- Это отец, надо же и этот вопрос задать.

- Не ругаю, папка. Радуюсь. Ты у меня орёл, а всякому орлу надо пару иметь. Да и Клавдия у тебя умница. Живите и радуйтесь!

- Что ж о матери-то не спросишь?

- Не надо, папка! Не хочу слышать о ней. Пусть живёт, как знает, она сама себе выбрала такую жизнь. А что ты ушёл от неё, молодец! Нельзя с такими жить, от них одно зло.

- Да, вспоминаю, ты всё норовила из дома удрать - это ей не так, тут не угодила.

- Не надо, папа. Всё быльём поросло. Мне хорошо, мне сейчас очень хорошо. Больше ничего не надо.

- Не надо?

- А если что-то надо, оно придёт.

- Вот это уже лучше! Вот это по-нашему! Как же

я рад за вас с Женей! Как же мне хорошо у вас!

- Приезжайте чаще! И мы будем ездить к вам.

Мы же родные.

И ездили к ним не раз. И всё у них было хорошо.

И Сергей женился. Три года не малый срок, много воды утекло. Да и прошлое не вернуть, а жить как-то надо. Нашёл себе пару, женился, всё ладно у них.

И вот оно, случилось - Галина беременна! А Женя уже и не надеялся. То винил себя, что забрал у отца сына, то беспокоился, ведь Галина пережила такой стресс. А тут такое известие – Галина беременна! Оно застало врасплох, оно враз перевернуло жизнь (в какой уже раз!), заставило по-новому жить.

- Галинка! Родная! – Будто и не было этих долгих лет, будто они снова в парке, где она сообщила ему о беременности. Озноб прошёл по телу Галины. Она тоже почувствовала себя юной, той радостной девчонкой, до безумия счастливой, до безумия безумной, ведь они шли к свадьбе и уже ждали сына. А он снова.- Галинка! Сколько ты мне дала! –

«Боли, слёз» - уже иные мысли мучают Галину, иные слова просятся на язык. Ведь и она повинна, и, может быть, больше всех.

- Женька! Женька мой! – Встрепенулась, взвилась, голос взвился и погас.- Как же долго я ждала этого. Я истомилась вся, я истрадалась: и за себя, и за тебя...

- И я, моя родная. Я так ждал этого известия. Я и сейчас до конца не верю.- Уже сделал шаг к ней, а она.

- Не надо, постой! Дай наглядеться на тебя, дай надышаться. Ведь ты меня так одарил! - И глядит, не

может наглядеться, и дышит, не может надышаться.

И он глядит, и он вбирает её, свою половинку, а теперь ещё и мать его дитя. Его дитя. Хотя и Славика он считал своим, но этот истинно свой, доморощенный.

- Нет, у меня нет сил. Давай присядем.- Он только что пришёл с работы, он устал – не от работы, от этого известия устал. Просто надо было чуть отдохнуть, привыкнуть к мысли этой. А мысли шепчутся, а мысли перебивают друга, а мысли пробиваются наружу. - Я отец! Наконец-то! Боже, я отец!

Присели на диван, рядышком, так близко, что слышно, как стучат сердца. Просто ухают сердца.

- Галинка, это точно? На сто процентов?

- Теперь уже точно. Уже два месяца ношу твоего малыша. А не говорила, потому что боялась: вдруг да ошибаюсь? – Повернулась, улыбка на лице, загадочная улыбка.- Ой, Женька, и счастливая я! Это точно!

- А я? – Стробастал, прижал - вот оно, счастье, вот он, миг, за который не жалко и жизнь отдать. – Я... Я...Нет, я не буду плакать, я буду кричать, я на весь свет буду кричать о нашем счастье! Я уже кричу! Слышишь, Галинка?

- Слышу! Слышу! - И как же ей радостно! Ведь он сказал: «о нашем счастье» это так здорово, это выше всего.

Теперь уже всё. Их радость полна. Их счастье полно.

А время летит и летит, будто торопится подарить им радость, что они ждут. Уже в декретном отпуске Галина. Нет, она не знает, кого родит, ей всё равно, им обоим всё равно.

А тут созрело решение: взять отпуск Евгению и

рвануть к бабушке - вот уж кто будет рад, вот уж как порадуются они радости её.

Зима. Везёт Галине на зимы: первого родила зимой, этого тоже ждёт зима. Быстро собрались, Славика в охапку, чемоданы в руки и ходу. И уж как рада была Дарья Никитична, не рассказать. Не знала, куда усадить, чем угостить. А им всё хорошо: что кровать, что диван, что оладьи, что блины. Они счастливы, они обогреты, а это самое главное в жизни человека.

И в тот день тихонько проснулись, тихонько встали, тихонько позавтракали, чуть поговорили с бабушкой. А тут и Славик проснулся и сразу: «Хочу гулять!»

А что, довод убедительный. На улице красота - лёгкий морозец, солнце ясное - ясное, и тишина, ни ветерка, ни бури тебе. покормили Славика и выкатились из дома. И вот уже их звонкий смех слышен отовсюду: и слева, и справа, и посередине - уж так им хорошо, уж так им сладко - воля, зима, солнце и счастье - море счастья!

И опять зябко на душе Галины - что-то подспудно зреет, гнетёт. Не показывает виду - уж больно она пуглива сейчас. Но не отпускает грусть, томит. Нет, надо подальше отойти. Вон на ту горку - Славик так любит кататься на санках с этой горки - конечно же, вместе с отцом.

Дарья Никитична готовит обед. Время быстро летит. Прибегут молодые, с морозу-то ох как хороши русские щи.

Без стука вошла дочь Варвара. И сразу стало холодно. Что-то она принесла. Что-то эта кумушка в клюве принесла.

Дочь поздоровалась, снимает пальто.

- Ну, не томи, - взволнованно проронила мать. - Не так ведь приехала. Что-то привезла. Вон, места не находишь себе. Давай, выкладывай, что там стряслось?

- И выложу! – тут же отозвалась дочь, заметно нервничая. - И выложу! Такие вот дела.- Вздохнула. – Ну да что уж томить. У Сергея жена оказалась бесплодной. Ходит парень мрачнее тучи. Хотя ей-то ничего не говорит.

- Свят! Свят! Так ты приехала...- в испуге прошептала Дарья Никитична, крестясь на божницу.- Как это ты сообразила только! – Подошла к образам, ещё несколько раз перекрестилась, шепча.- Батюшки- светы, помогите! Батюшки- светы, помогите мне, несчастной!

Но нет, не из того теста она, чтобы молчать, чтобы вот так молиться и молчать. Враз налилась, голос налился, сделался властным.

- Господи, мука одна, да и только. Что за дочери у меня? Злыдни какие-то! То одна приехала, натворила дел, а теперь эта... Вон чего затевает - сына у матери родной отнять...- И опять крестится, страшно боязно ей. - Боже праведный! Помоги! Мне и самой жаль Сергея, ни за что парень страдает, но как Галеньке –то об этом сказать? Как, Господи? Как?!

Подошла к окну, смотрит сквозь шторку на улицу. С улицы слышен визг ребёнка, задорный смех Галины и Евгения.

- Нет, не могу! Ничего не могу, Боже праведный! И так, и этак страшно. Вон они, - кивает за окошко, - счастливые, наконец-то всё склеилось у них. Как поручить всё это? Как?!

И Варвара молчит. Как статуя стоит возле стола..

А тут будто опомнилась, сделала шаг к матери и запричитала, завывала.

- И я не могу, и не злыдня я. Сколько перемучила себя, сколько перестрадала, пока собралась сюда. – И тут вздох, вздохами дышит дом.- А Галеньке надо сказать. Ей решать, что делать. И как решит она, так и будет.

И опять вздохи да охи – видать, не всё ещё пережито, что-то зреет впереди.

Но надо же что-то говорить – хотя бы потому, что когда говоришь, на сердце чуть легче. Вот Дарья Никитична и молвит.

- Я сама знаю, что надо Галеньке сказать. А как боязно-то! Слышишь (за окном тот же визг, смех), как хорошо им? И одно твоё слово разобьёт радость, лишит счастливых дней и ночей.- И опять вздохи, вздохи, куда деться от них.- А Галенька только ожила. Всё не верилось ей... Только к счастью привыкла, а мы опять на неё ушат ледяной воды, а мы опять её в муку да боль.- Вот и слёзы прорвались, стоном стонет душа, стоном стонут слова. - И не сказать нельзя, тут ты права. Не нам решать этот вопрос, не нам задал его Господь.- Тяжко вздыхает. - Именно ей, Галеньке, наш Великий Батюшка задаёт этот вопрос. Именно с неё спросит Он. – Опять вздохнула, перекрестилась. - За всё-то в жизни надо платить, а уж за счастье, так втридорога.

Замолчала, потупилась. Не все сказала, душа просит слов. И вот они, эти слова, душевные, больные.

- А Галенька - то думала: всё, кончились её на - пасти. Ожила, расправила пёрышки. А Господь тут как тут. Ты выбрала Женю, ты счастлива, а Сергею отдай сына – он тоже будет счастлив. Только так сравниваются чаши весов. - И самой страшно от этих слов. Откуда они взялись? Зачем?

Крестится старая, шепчет молитву.- Господи, помоги! Услышь нас, Господи, и вразуми...- Ещё больше крестится, ещё яростней. А тут слова, сильные, несокрушимые.- И ведь отдаст. Реветь будет, а отдаст. Вот что страшно-то, вот чего я не переживу...- Закрывает лицо руками, трясётся в рыданиях.

С улицы слышатся голоса. «Да, да, домой! Бабушка заждалась нас! Ну, пойдём же! Пойдём!»

- Мама! Они идут! Успокойся! – испуганно восклицает Варвара Матвеевна, трогая мать за плечо.

- Я теперь никогда не успокоюсь,- как в забытьи, шепчет Дарья Никитична, качнув головой. - А Галеньке надо сразу сказать. Нечего в сердце держать. - Тяжко вздохнула.- Это решать ей. И она решит. Давай, накрывай на стол, посидим, потолкуем.

Варвара, вздыхая и охая, накрывает стол. Вытаскивает из сумки гостинцы: коробку конфет, бананы, виноград. Бананы с виноградом укладывает в большую вазу, а конфеты ставит на край стола.

Но какие же они счастливые! Румяные с мороза, светом радостным горят глаза. И всё это надо порушить, растоптать.

- Ой, бабушка, как проголодались мы!- это Галя от порога, втягивая ошеломительный запах вкусной еды.- Сейчас накормим сорванца и сами за стол!- Только тут увидела тётку.- Ба, да у нас гости! И какие гости!

Женя раздел малыша, усадил за стол. Славик всегда ел хорошо, а тут просто напустился на щи – видать, тоже проголодался, да и с мороза. Пирог не стал, попил компоту и готов, впору в кровать.

- Мамочка, у меня две бабушки, да?- сквозь сон шепчет малыш.- Одна больно старенькая, а вторая не больно.

- Нет, мой хороший, у тебя три бабушки.- В уме же - а ещё от одной мы закрываем тебя. Поцеловала в румяную щёку и тихонько вышла - сын уже спал.

А Евгений уже за столом. Нет, не ест, ждёт жену, пока наслаждается лишь разговором.

- Ну, вот, все в сборе. Можно и пообедать,- сквозь боль улыбнулась Дарья Никитична, разливая и расставляя по местам тарелки с дымящимися щами.

- Бабушка, как всегда, в форме! – Галина уже возле стола, радостная, свежая.- Ещё раз здравствуйте, свет Варвара Матвеевна!- Целует Варвару Матвеевну. - Боже, как я рада-то! Какая ж ты умница, что приехала!

- Сейчас мы устроим пир на весь мир! - восклицает Евгений, радостно потирая руки.

А Дарья Никитична и тут успела. Наливочка в графине и рюмки ждут их. Евгений разлил наливку, подмигнул.

- Ну, за что же мы выпьем? - Обвёл всех взглядом. – Во-первых, за приезд гостьи, которой мы очень рады!

Все выпили до дна.

- Во- вторых,- снова наливая в рюмки, - мы выпьем...

Дарья Никитична перебила его.

- А вот во-вторых немного погодим. Щи стынут, негоже так.

- Что ж, аргумент весьма ёмкий, да и щи тоже!

Быстро опустели тарелки. Впереди ждал разговор. Дарья Никитична оглядела всех, вздохнула – тяжела ноша, ну да ей не впервой.

- Варвара не просто так приехала,- начала она.- Что-то хочет сказать. Говори, Варвара, не томи душу!

И сразу как-то неуютно стало всем. В воздухе повисла тревога. Первой не выдержала Галина.

- Тётя, говорите же, не томите!

Тяжкий вздох. Но вот Варвара встала, нервно тербит платок. И молчит, молчит.

- Ой, я не могу! Что случилось-то? Говорите!— опять не выдержала Галина.

- И скажу! За этим ехала,- наконец-то начала Варвара, вздохнув. - О Сергее пойдёт речь. Он, вы знаете, женился. Хорошая женщина, дай им Бог! Но, - оглядела всех, тяжело вздохнула, - у них нет детей. И не будет... его жена бесплодна. — Заплакала, горько, безутешно.- И он так страдает, мальчик мой. Он мне как сын, мне его страшно жаль...

- Боже! - Галина выскакивает из-за стола и, захлёбываясь рыданиями, бежит в свою спальню. Евгений подхватывается и бежит за ней.

- Вот оно, горе-то,- всхлипывает Дарья Никитична, крестясь. - Вот оно, горюшко наше. Отдать своё дитя, выношенное, вскормленное. Боже, помоги ей, помоги кровиночке моей!

И Варвара плачет. Плачет да причитает.

- И я не могу! И того жалко до смерти, и этих. - Вскочила. — Не могу тут! Выйти надо! На волю!

- Сиди! Нельзя нам уходить, - тут же приказала мать, преграждая ей путь. - Мы должны поддержать их. Мы должны быть рядом. - Обе садятся, поминутно вздыхая.

Хорош бабушкин дом - большой, уютный. И спальня есть — как же без спальни, где укрыться молодым, да и не больно молодым, укромный уголок нужен всем.

Вздохами дышит укромный уголок. Малыш

крепко спит. У него отдельная кровать (и это предусматривала бабушка, а как же, надо, когда в доме есть и укромный уголок, и кровать для малыша, в этот дом чаще хочется приезжать), почти вплоты к большой кровати. Родители рядышком сидят, у обоих взгляды устремлены на ребёнка. И как же тяжело им, особенно Галине. Сердце рвёт и рвёт боль, неуёмная, саднящая боль. Ухнула на подушку и забила, запричитала.

- Я только увидела тётю, во мне всё сжалось.- С усилием приподняла голову, села на постель. - Но что они говорят? Как они могут?

Рывком вскочила, склонилась над кроватью. Слезы бегут и бегут – не остановить их.

- Как отнять его от меня? От тебя? Ведь и ты прикипел к нему?

Евгений стал рядышком, обнимая жену.

- Да, Галя, мне тоже очень страшно. - Ещё крепче обнял. - Но ты представь, ты только представь, како-во сейчас Сергею?

Галина молчит, но и это уже хорошо. Но как трудно ей, невероятно трудно. И надо продолжать – именно потому, что ей трудно, именно потому, что он должен донести до неё нужные слова. И Евгений продолжает.

- У нас есть всё: и ребёнок, и ещё один на подходе. А с чем мы оставили Сергея? Одного... Мы оставили его одного. Нет, он сильный парень, он нашёл в себе силы выстоять, он пробует вновь обрести семью, и он её обрёл. И опять осечка, опять нет детей. Будто проклятый, будто сам Господь проклял его. А теперь представь состояние его. Вторая жена – и опять пусто. Пусто. А ведь и женился только потому, чтобы иметь детей, чтобы забыться, жить полноценной...

- Но я не могу! – перебила его Галина. Вскочила,

глаза что молнии, и слова что молнии - резкие, жгучие, больные.- Понимаешь, не могу!

Но она уже сдаётся - этот возглас, эти слова говорят, что она сдаётся. И Евгений не давит на неё, он пытается разложить по полочкам их судьбы: сюда- одну, сюда- вторую, сюда- третью.

- Я страшно жалею Сергея. Я всё это пережил: уход жены - да, я тебя уже называл женой, потерю ребёнка. Я выл, я белугой выл, я грыз камни, так мне было больно. Потому и понимаю Сергея. Ему, может быть, намного хуже. У него уже вторая попытка... - Помолчал. - Галинка, я...

- Я знаю, Женя, - вздохом вырвались слова. - Я всё знаю. И это будет по-честному. Но я не могу отдать сына, не могу... - Слезы душат её, рыдания сотрясают грудь.

Муж взял её за плечи, с силой сжал и сказал.

- Но ведь и ему он сын. И ему гораздо труднее. - Вскочил, нервно заходил по комнате. А вот стал напротив неё и с силой ударил себя кулаком в грудь. И взвился. - Это всё я. Я порушил вашу жизнь. Я всё порушил...

- Нет, Женя, нет! - вновь перебила его жена.

А у того руки трясутся, зуб на зуб не попадает. А глаза - глаза не видят ничего.

- Как нет, если всё началось с меня?!

- Ты спас меня! Ты меня спас, ибо я уже сходила с ума, - оправдывает его Галина. Её голос звенит, срывается на крик. - Я уже не могла без тебя! Я просто задыхалась!

Вот она, минута признания. Не всё ещё сказано, не всё ещё пережито, сегодняшний день - подтверждение тому. Уже ругает себя Галина. Надо было сразу согласиться, надо было. Да что уж говорить, да и как

сразу-то согласиться... и на что?! Но теперь не о ней речь. Жене надо помочь, не то взорвётся, или ещё хуже: не выдержит сердце, оно ведь так изболелось, Женькино сердце, ему так страшно. Обхватила его руки в запястьях, туго обхватила и начала так же туго, упорно.

- Ты ничем не виноват. Если кто и виноват, то это я. – И как же тяжело она вздохнула и просто вгрызлась в его руки пальцами. - Если б я тогда не послушала маму, если б встала на дыбы, всё было бы по-иному. Всё. И у нас с тобой, и у Сергея. - Помолчала, налилась силой. - И потом. Ведь порывалась мысль – отдать, сразу из роддома отдать ребёнка Сергею. Было б легче. А сейчас не могу! Не могу! Если б сразу... Да, надо было сразу отдать и уехать, начать жить сначала. - Задрожала вся, вены вспухли на лбу. - Ей Богу, так и надо было сделать. А я оказалась эгоисткой. Лишила Сергея всего. Тешила своё самолюбие. Я мать, я родила, он мой. А что его? Что?! Один. Как не задохнулся от боли и муки? Как только не задохнулся?

Но как она возбуждена и как она хороша! Волосы всклокочены, липкий пот на лбу, щёки алым маком горят, а глаза – глаза, что черешни, глубокие и больные. Но живые глаза, ярость там, мука и жизнь, борьба с жизнью. Но вот взмахнула руками, как крылами, тяжело вздохнула, тяжело и легко. Евгений знал, что она скажет, но как же ждал он её слов, ждал и восторгался, ибо только она может сказать эти слова, только женщина, которую любят и которая любит сама.

- Мы должны отдать ему Славика. – Вот её слова. А вот и вздох. - И имя это выбрал он.- И снова вздох, и, сквозь слёзы. – Мы должны отдать ему сына, как бы не было нам тяжело. Иначе... - Сверкнула очами. - Иначе я возненавижу себя!

И как же горд Евгений. Как же он горд. Но это

одно. Но что будет с нею потом? Переживёт ли она это? Тронул за плечо, уже нежно, ласково, заглянул в глаза. Боль там, невыносимая боль и решимость.

- Ты ещё подумай, Галя. Ты сможешь без сына?

И как же хотелось сказать: нет! нет! нет! Но нельзя. Она уже сказала своё слово, она его не предаст. Значит, надо быть ещё более сильной, значит, надо и это превозмочь. Налилась, как струна, взгляд налился силой, слова той же силой налились.

- А он мог? Он мог без нас? Ведь я лишила его всего. – Напружинилась, как стрела. - Только я виновата в этом, мне и расплачиваться. К тому же, я не расстаюсь с сыном, я просто передаю его отцу. – Вздохнула, подняла глаза к небу. - Господь велит. Господь ждёт от меня этой жертвы. - Дотронулась до живота. - А у нас будет ещё. У нас ещё будут дети, Женька.

Боже, как она сильна! Как же она сильна, Боже! Его женщина, его прекрасная женщина! Не зря не мог забыть, не зря не мог отлипнуть, так она сильна, так умеет любить - сквозь годы, сквозь боль и муки любить.

Обнял, прижал, нежно- нежно, страстно- страстно. И заплакал- он более слабый, ему можно. И только шепчет, и только молит, и только убаюкивает.

- Будут. Теперь у нас будет всё.

А Галина почти готова. Назад хода нет, теперь только вперёд, скорее вперёд. Ведь невыносимо, каждая минута невыносима.

- Надо связаться с Сергеем! – Как слова горят, как глаза горят, ясным пламенем горят глаза, пламенем любви. - Пусть посоветуется с женой. Если она согласна, пусть приезжают за сыном.- Взяла руки мужа в свои, пожалала. - Я выдержу. Я выдержу, Женька. Я стала сильнее. - Улыбнулась. - А сейчас идём к столу. Наши

женщины истомились ожиданием.

Подошла к кровати, тяжело вздохнула, наклонилась, поцеловала, перекрестила сына. И тут же отошла.

- А вот и мы! – бодро воскликнула Галина, усаживаясь за стол. - Давайте продолжать обедать, мы что-то проголодались.

Дарья Никитична и Варвара Матвеевна переглянулись.

- Да, мы очень проголодались, – вторит Евгений, усаживаясь на свой стул. - Сейчас всё сметём со стола. – Обвёл всех взглядом, улыбнулся. - Только сначала давайте выпьем. У нас второй тост повис в воздухе.

Наливает в рюмки настойки. Женщины наблюдают за ними, ждут.

Галина идёт на помощь мужу. Встала, взяла свою рюмку.

- Сейчас выпьем за то, чтоб и у нас, и у Сергея всё было хорошо. - Слеза выкатилась из глаз, голос дрогнул. - Мы решили отдать сына Сергею. Если так должно быть, то так и будет.

- Боже мой! - заголосила Дарья Никитична. - Вот оно, искупление... Вот он, ответ на любовь. - Выкатилась изо стола. Подошла сзади к Галине и Евгению. - Только так вы и должны были поступить, родные мои. Только так. - Обняла обоих, плачет. - Хоть это ох как нелегко.

Галина обернулась к бабушке, в её глазах решимость и боль.

- Не надо, бабушка. Мы напишем Сергею письмо. Всё расскажем, что и как решили. И если они с женой будут согласны, больше говорить не о чем.

- Ну, что, вздрогнем? – вставил своё слово Евге-

ний.

- Вздрогнем! По всей! - в один голос.

Выпили. Но как все напряжены, как неловко всем. Каждый чувствует себя виноватым, каждый хочет что-то сказать, а что тут сказать, если всё уже сказано, если колесо уже завертелось, и его уже ничем не остановить.

Как тяжела и как светла эта минута. И как же родней все стали друг другу, милые родные люди. Каждый по себе, и все вместе. Вместе они сражались за любовь, и только вместе они победили.

Дарья Никитична подняла руку. Она хочет говорить, и она говорит, и с первого слова голос её твердеет, наливается силой.

- Нет, я ещё поживу! Я ещё порадуюсь на деток своих. Уж такие они у меня ладные, уж такие они у меня умные да разумные! Да и скоро нам Господь ещё голубка подарит, или голубоньку, как не радоваться тут, как тут умирать?

- Что ты, что ты, бабушка? Зачем умирать? – вторит Галина, обнимая и целуя бабушку. Они сидели рядом - бабушка просто хотела поддержать внучку, вот и села рядом. А тут и саму пришлось поддерживать, а Галина это умеет, уж что-что, а это она умеет. Вот и шепчет - ластится. - Родная моя! За всё тебе спасибо! За всё за всё!

Но этого мало - день такой весомый, и слова нужны весомые – всем нужны эти слова. Вышла из-за стола, подошла сзади к Варваре Матвеевне, обнимает, целует в щёку.

- И тебе, тётушка, спасибо, от нас с Женей!- Ещё раз поцеловала, вздохнула.- И за Сергея спасибо! За сердце твоё спасибо! – И снова целует, уже в другую щёку.

Но и этого мало. Душа раскрылась, душа просит слов - время такое пришло.

Подошла к мужу сзади. Тот тут же вышел из-за стола, повернулся к ней. Но как он взволнован, как дышит тяжело- все дышат тяжело. А вот и слова - и они должны быть произнесены.

- А тебе, Женя, вот что хочу сказать. Ты – самый дорогой мне человек! Ты рядом, и я всё переживу. Всё-всё. Потому что ты есть, потому что ты понимаешь меня, потому что ты любишь меня. – Кончились слова, теперь поцелуй, горячие, нежные.

День выдался такой - непростой день. Дарья Никитична вытирает слёзы платком. Варвара даже не вытирает – не до них ей, такая минута, столько любви.

Но нет, пора прекращать это мокрое дело. Дарья Никитична вновь наливает рюмки, руки трясутся, сама душа трясётся от волнения. Но вот подняла свою рюмку, заговорила.

- Никогда не пила много. А тут хочу ещё выпить. - С любовью глядит на внуков. - Хочу выпить с вами, милые мои Галенька и Женюшка. Хочу выпить за вас, за вашу чистую любовь!

- Могла бы быть ещё чище и светлее, если б не этот грех,- тут же вырвалось у Галины.

- О каком грехе ты говоришь? В чём твой грех, внучка?

Галина судорожно сжала руки – до боли, до хруста. Но вот подняла глаза - очарованье в них и боль, боль и очарованье в этих глазах. А вот и слова, жгучие, больные, но живые, живые слова.

- В том, что поверила матери, в том, что не побежала от её слов, как от чумы. - Нервно повела плечами, будто стряхивая с себя что-то. - А надо было бежать! Надо было удостовериться! И тогда бы ничего не

было: ни страха, ни боли.

- Боже! - Дарья Никитична воздела руки к Небу.- Боже, как настрадалась ты...как истомила свою душу...- Говорит и плачет, плачет навзрыд. Но вот вздохнула тяжело, подняла глаза - болью дышали глаза, боль стояла в глазах старой. Махнула тяжело рукой и отрезала.- Раз так, то и мой грех там был... и какой ещё грех... - Сложила руки крестом, воздела глаза к Небу.- Прости меня, Господи, за мою вину! Я, может, больше всех повинна – оттого, что старая, оттого, что пошла на поводу у дочери своей непутёвой, оттого, что два раза солгала перед внученькой своей. Первый раз, когда та каталась в снях - побоялась, что ей будет хуже. А второй раз – когда телеграмма пришла, что жив Женька, жив. Опять же, побоялась, что не пережить этого Галеньке, смерть дитя невинного не пережить. - Рухнула на колени перед Галиной. - Прости! Прости меня, старую! Большой грех на мне, страшно большой... Теперь-то я понимаю – что, пусть в первый раз надо было смолчать, но уж во второй, после телеграммы той, надо было во все колокола звонить – что жив Женька, что не всё потеряно у внученьки моей...

- Не надо, бабушка, - плачет словами Галина, поднимая бабушку. - Я давно простила тебя. Я тебя поняла. Ты болела за меня. Я вспоминаю твои слёзы, твою боль. Ты страшно боялась за меня.

- И всё равно прости! – стоном всхлипывает Дарья Никитична, тяжело поднимаясь с колен. – И всё равно, родная, прости!

- Славный сегодня денёк! – вклинился в разговор Евгений. - Всех собрал под одной крышей... Знать, и мне пришла пора каяться да прощенья просить...

Вот этого не ждал никто. Затаили дыхание, недоумевают.

- У кого?! – испуганно воскликнула Дарья Никитична.

- У жены моей, – вздохом ответил Евгений. Вздохом же и продолжил.- Только сейчас я понял, как виноват перед нею. Что поверил, будто она отказалась от меня, что, когда уже мог, не кинулся искать. - Подошёл к жене, взял её за руки, возле плеч. - Ты меня три года ждала, целых три года, а я мучился, страдал, но ведь верил, верил, что ты меня предала. А я не должен был верить. В этом моя вина.

Галина порывалась что-то сказать, но ей не дали.

- А тут уж моя вина,- на вздохе вклинилась Варвара. Обвела всех виноватым взглядом. Тяжело вздохнула – больно трудны слова, что она должна сказать. Но вот взмахнула рукой и продолжила.- Ведь я знала, что Женька жив, я сколько раз порывалась сказать об этом Галеньке, но я так боялась, что мои слова убьют её. - Голос наливался, креп, а вот вознёсся, зазвенел. - А мне не надо было молчать! – Упал голос, глуше слова. - Она так страдала...

- Выходит, мы все виноваты перед Женей, – вклинилась Дарья Никитична, перебивая дочь. - И перед Галенькой тоже, перед её святой любовью. Я старшая, а оттого за всех прошу Господа, заступника нашего,- прости нас! - Вздохнула тяжело. - Но больше всех повинна моя дочь, Екатерина. Ну да ей и тяжелее всех сейчас.

- Что? – тут же Галя.- Ты что-то знаешь о ней?

- Знаю. Давно знаю.- Вздохнула старая, поникла головой. Дочь все же, как тут не вздыхать.

- Где она? Что с ней? – опять Галина теребит бабушку.

- Твоя мать там, где и должно ей быть. Только там ей место теперь. Только там находят приют люди,

потерявшие веру в себя.

- Что?! Моя мать в монастыре?

- Да, твоя мать в монастыре. И не выйдет оттуда уже никогда. Она постриглась. Теперь это не Катерина, а мать Евстафия.

Казалось, последние слова произнёс не человек, а дух. Так тихо они прошелестели в предвечернем сумраке – будто в душах людей тот же сумрак, тот же мрак.

Но что-то надо говорить. Кому-то надо начинать.

- А отец знает?- это опять Галина. Тысячи вопросов роятся в голове, тысячи слов перебивают друг друга, и какое из них сейчас главное, поди, разбери.

- Максим знает. Хотя она просила никому не говорить. – Слёзы закапали из глаз старой, плечи затряслись. Тяжела минута для матери. Но и нужная минута. – Максим первым узнал. Он простил её, он не держит на неё зла. – Голос напрягся, зазвенел.- Она чужая для него, будто век была чужой. – Улыбнулась сквозь слёзы.- У Максима всё хорошо. Ладная женщина встретила ему, пусть живут с миром. Не он затеял это, нет тут его вины. А на ком есть, тот несёт свою кару и будет нести. Так надо, так должно быть. Мы в ответе за близких, но если не можем им вовремя помочь, какие ж мы люди после этого? – Опять вздохнула, повторила.- Так и должно быть. – Махнула рукой. - Ну да хватит о ней. Что со Славиком решили?

- Тут решать Сергею. Как он скажет, так и будет, - тут же ответил Евгений. И Галина подтвердила его слова взмахом ресниц и кивком головы.

Сергея письмо застало врасплох. Раз прочитал,.

два, потом снова, перебегая через строчки.

Недоумевал. «Что это? Откуда эти слова?» А тут вспомнил. Не так давно он заходил к Варваре Матвеевне и поплакался – что жена бесплодна, что у них не будет детей.

Да, тогда ему было очень тяжело – Галину потерял, а с нею и своего ребёнка, а тут и новое известие: вторая жена бесплодна – значит, у него вообще не будет детей, не будет восполнения того, что он потерял, что вернуло б его к жизни - к полноценной жизни.

Какой же мужик (настоящий мужик) не мечтает о продолжении рода, какой же мужик не ждёт этой минуты – взять на руки своё дитя – плоть от плоти, кровь от крови.

А тут всё рухнуло, опять всё рухнуло. Значит, он живёт зря - коль жизнь его пуста, коль не оставит семени после себя. И род его пустой – ибо нет продолжения, на нём род остановится, на нём.

Есть сын, но носит чужую фамилию – так надо сейчас, так надо. Он понимал – это надо для ребёнка, чтоб полноценным, не зашуганным рос, чтоб гордо носил имя отца, был гордым и непоколебимым.

Нет, он надеялся, что ещё будут дети, оттого и женился, оттого и, как манны небесной, главного известия ждал от жены. А дождался иного известия - страшного известия - его жена бесплодна.

Не выразить словами тех чувств, что обуревали его – тут и злость, и обида, и опять злость на саму судьбу, тут и не мой вопрос - за что, а? За что?!

Он опять остался ни с чем. Вот и выхлестнулся словами – тому человеку, что его понимал, что жалел его и принимал как сына.

Да, это было. Но это прошло, как проходит снегопад, стихает буря. Это был порыв – порывом и стих-

нул. Другими глазами поглядел на мир, другими глазами увидел жену.

Ей намного хуже, а молчит, не воет, не рвёт на себе волосы, а продолжает жить – жить для себя, жить для него, жить ради надежды. Ведь пути Господни неисповедимы, и то, что сказали врачи, не является приговором.

Она так и сказала:

- Я надеюсь, что буду матерью, я чувствую её в себе.- Улыбнулась и добавила.- И ты надейся, что вновь станешь отцом. А пока... Но об этом позже.

И как же хорошо ему стало от этих слов. О женщины, в вас - Вся Вселенная, в вас - Весь Мир!

Ещё раз прочитал письмо и улыбнулся. Жёнушка моя (так мысленно называл Галину), ты как всегда Сама Доброта. Решила – мне плохо, мне хуже всех, а значит, я должен получить в подарок сына. Спасибо за это, за твоё сердце спасибо, за твою душу, за твоё тепло, но этой милости я от тебя не приму. Я никогда – будь мне ещё хуже, в тысячу раз, – не обескровлю тебя. Ибо знаю – ребёнок для тебя – самое главное, что есть на свете. И этого я тебя никогда не лишу.

Да и разговор уже с Марией был. Их мысли соприкоснулись, дума в думу вошла.

- Серёжа, нам нужен ребёнок. Пусть бегают тут, шалит, так хорошо нам будет втроём.

- Да хоть два!- тут же отозвался Сергей. – Я только за!

Ничего в жизни не бывает зря. Вот и письмо Галины напоило его радостью и светом. Только представил на миг: вот он, родной сын, плоть от плоти, кровь от крови, живёт с ними, улыбается им, спит, сопит рядом с ним. Боже, как сладко! Но сразу гнал эту мысль, ибо она кощунственна, ибо она недопустима. У Слави-

ка есть мать, хорошая мать, а также у него есть отец, и ни он виноват, что так сложилось. Тут виновных нет, по воле случая всё встало на место, и, наконец-то, обрело реальность.

Сергей встал на дыбы. Нет, что она удумала?! Как она могла так подумать обо мне? - Да, он во всём ругал Галину, ей приписывая все слова этого злополучного письма. Он спорил с ней, он доказывал своё.- Как же плохо, выходит, ты знаешь меня, Галочка, если думаешь, что я на это пойду!

Вот он-то заказал срочные переговоры – чтоб не мучить Галину зря, чтоб успокоилась она, вот он-то с первых слов рычал и гремел.

- Вы что там все, белены объелись? Я что, Змей Горыныч или похуже чего, чтоб у родной матери дитя забрать?

- Но ты его отец.

- Ну и что? А, понятно! Вам уже известно, что мы с Марией не можем иметь детей. Решили пожалеть: нате вам готового сыночка, только не плачьте! – Расфыркался, расхрабрился. – Я же одно могу сказать. Да, у нас не может быть детей, но это вовсе не значит, что у нас не будет детей!

- Мы с Серёжей решили взять грудничка в доме малютки,- вклинилась в разговор Мария. - Вырастим как своего!

- Да хоть десять возьмём! – перебил жену Сергей.- Эти детки только и ждут, чтобы их взяли! А Славик мой сын, но у него сейчас другой отец, неплохой отец, так что всё в порядке.

И как же всем хорошо стало от простых вроде, но таких весомых слов.

Дальше было, как в сказке. Сначала Сергей с Марией взяли малыша, вернее, малышку.

Потом Галина родила девочку.

А следом произошло то, чего никто из них не ожидал, но чему каждый из них был бесконечно рад. Мария сообщила мужу о своей беременности. Она ждала ребёнка, они с Сергеем ждали своего второго ребёнка. И он родился, сын.

Но кто-то невольно остался в стороне. А этого не должно быть, этого просто быть не должно. Притом, хорошие люди - и в стороне?

- Женя, вроде стучат?

- Да нет, тебе показалось. – А уже сам услышал стук – тихий, но настойчивый.

Идёт к двери. Открывает.

- Ба! Кто к нам пришёл! Пашка! Пашка! – Обнимает, целует в щёку и кричит, кричит.- Галина, иди скорей, принимай гостя!

- Не гостя, а гостей!

- Что?! Ты не один?

- Да, я не один. Угадайте, с кем?

А Галина уже возле двери - прямо из кухни, где жарила пирожки. Руки в муке, фартук тоже, даже нос, и тот в муке.

- Неужели?! – быстрая догадка посетила её, и эта догадка обрела реальность. Из-за спины Павла выскользнула Людмила – бодрая, располневшая, но такая счастливая, просто невозможно на неё смотреть.

- Люда! Людочка! Боже мой! – кинулась к ней Галина, обнимает, целует, а слезы мелким бисером из глаз. – Вот уж праздник так праздник! Вот уж день так

день! – И опять целует, ещё и ещё – так истомилась по подруге, так настрадалась без неё.

- Вы что, так и будете нас в дверях держать? – перебил поток рыданий Павел.

- Ну, уж нет! Быстро в хату!

Пирожки, конечно, сгорели - до пирожков ли тут, когда такие гости на пороге. Да и хорошие пирожки есть - пышные, румяные - ешь, не хочу!

Гости разделись. Ранняя осень, потому лёгкие плащи. И только тут Галя заметила – что-то Людочка расплнела!. Вытаращила на подругу глаза.

- Ба! Что я вижу!

- А что ты видишь? У самой, вон, уже двое, а нам что, прикажешь отставать?

- Так вы? Так вы уже?

- Да, мы уже. Почти год живём, не тужим.

- Ура! Как мы рады за вас!

Потом, после праздничного ужина в честь знаменательной встречи, Павел поведал, как они с Людмилой стали мужем и женой. Хотя, как, да очень просто! Скучали очень - он по другу, она по подруге (да и по другу немножко, куда это деть). Сначала искали встречи, чтобы узнать что-то о них, потом - уже затем, чтобы просто пообщаться, и постепенно перешли к тому, что без этих встреч просто не могли уже жить. Стали встречаться уже как парень с девушкой, потом как парень с любимой девушкой. И пришло время, когда Павел сделал Людмиле предложение. И как же ей стало легко – будто оковы спали с плеч, даже дышать легче стало, а то ведь до сих пор страдала, чего-то ждала.

Не сразу дала согласие. Другими глазами посмотрела на Павла - глазами жены. Увидела прекрасного мужа. А что ещё надо? – да ничего. Живи, и

наслаждайся жизнью, дари любовь и получай взамен тысячу солнц, тысячу планет, что зовутся любовью, рожай себе подобных – лишь в этом смысл жизни испокон веков, а не в Сотворении Мира. Мир сотворили без нас и для нас – чтобы мы жили и рожали новых людей – для продолжения рода, для продолжения жизни на Земле, на этой чудесной планете.

Она готова жить и любить. И продолжать свой род тоже готова. Уже год живут с Павлом под одной крышей, приплода ждут.

И ещё хочу сказать. Евгений со своей семьёй переехали в родной город. Приезд родителей Евгения, а потом друзей способствовали этому. Да и что думать, когда там и жильё (квартира Галиных родителей), там всё родное. Так надо - ближе к родителям, ближе к друзьям.

ЭПИЛОГ

- Отец! Отец! Я так долго шёл к тебе! Я шёл к тебе целых шестнадцать лет!!- Он позвонил и сразу вошёл – ибо уже не мог, ибо боялся растерять настроение, уверенность в этом шаге боялся растерять.

- Славик! Сын! – отец бежит навстречу и дрожит, всем телом дрожит. Так долго он ждал этой минуты и вот, наконец-то, дождался – сын пришёл к нему, вот он, рядом, только руки протяни.

А сын делает два шага к отцу и просто вплетается в него – так яростна эта минута, так долго они шли к ней.

- Отец! Отец! Как хорошо-то! Как хорошо!

- Сын! Мой сын! Ты пришёл ко мне! Ты, наконец-то, пришёл ко мне!

- Я хотел раньше, но что-то не пускало, что-то держало меня. А тут – как вихрь налетел – еду! еду! Только и сказал маме, куда я, а она мне : «Езжай, сынок, отец заждался тебя». И вот я тут. Отец! Мой отец!

Боже, что наделала жизнь?! Что натворили люди? Родные люди...

Но теперь всё. Теперь будет порядок – ибо всё стало на свои места: сын обрёл отца (родного отца, хотя и Евгения он считал родным отцом), отец обрёл своего сына, старшего сына. Отныне у Владислава два отца, вот какой он богатый!

Боже, как хорошо! Как хорошо-то, Боже мой! Каждый обрёл Счастье, к каждому заглянула Любовь. А что может быть выше? А что может быть дороже? Ничего!

Вот и всё. Ибо больше сказать нечего. Всё на своих местах, все на своих местах. Порядок! Только теперь порядок.

А вот это хочу сказать от себя. Не троньте чужую судьбу, не мешайте детям строить свою жизнь, своё счастье. Оно так хрупко, его надо беречь и лелеять, лелеять и беречь. Не вторгайтесь в чужие судьбы, прошу вас! Заклинаю!

2014 г.

Салым

Ты эту книгу прочитал
И чуть умнее стал в любви.
Смотри, дружок, не подведи-
Ведь ты намного выше стал.

Любовь Сокол

Салым, 2016г.

